

καλοισβει
το· μβθωρ· παρ γιμτ

μαστ ραυα φριζιο αυτο

Повесть о Варлааме и Иосафе

Предисловие^[1]

Повесть о Варлааме и Иоасафе — переводная повесть, широко распространенная в древнерусской письменности. П. — одно из самых распространенных произведений мировой литературы средневековья. Она известна в огромном числе переводов и переработок более чем на 30 языках народов Азии, Европы и Африки. Мнения исследователей о происхождении П. существенно расходятся. Наиболее устойчиво мнение об индийском происхождении П., в основу которой якобы положено легендарное жизнеописание Будды; передаваясь от одного народа к другому, П. обрела христианизованный облик, и основатель религии буддизма превратился в царского сына Иоасафа, перешедшего от идолопоклонства к вере в Христа (Ф. Либрехт, акад. А. Н. Веселовский и др.). Менее распространена, но представляется более справедливой другая точка зрения, согласно которой царевич Иоасаф не является христианской ипостасью Будды; П. и жизнеописание Будды имеют гораздо более существенных различий, чем общих особенностей, и создана она не в Индии, а скорее в Центральной Азии (А. И. Кирпичников, В. И. Кузнецов). Значительно лучше изучен путь распространения П.: созданная в своем первоначальном виде в Центральной Азии, П. уже к VIII в. была переведена с пехлевийского на арабский язык, а с него на несколько других, в том числе на грузинский. С грузинского языка в кон. X — нач. XI в. в Иверском монастыре на Афоне был сделан греческий перевод (вернее, переработка, со значительными дополнениями) Ефремием Святогорцем, выдающимся деятелем грузинской средневековой литературы. Об авторстве Ефремия по отношению к греческой версии свидетельствуют разноязычные источники: грузинские, греческие, латинские. Тем не менее делались настойчивые попытки (Ф. Дэльгер) приписать авторство греческой версии Иоанну Дамаскину, византийскому философу, богослову и поэту (VIII в.). Греческая версия через два латинских перевода дала начало многим переводам и переработкам на западноевропейские языки; с нее также были сделаны

переводы армянский, арабо-христианский и древнеславянские. О происхождении П. см.: Dolger F. Der griechische Barlaam-Roman, ein Werk des h. Joannes von Demascos. Ettal, 1953; Нуцубидзе Ш. И. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956; см. также издание арабской и грузинской версии П.: Повесть о Варлааме пустынноике и Иоасафе царевиче индийском / Пер. с араб. акад. В. Р. Розена / Под ред. и с введ. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1947; Балавариани. Мудрость Балавара / Предисл. и ред. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1962.

Своим широчайшим распространением среди разных народов П. обязана прежде всего своим почти сказочным сюжетом. У индийского царя Авенира рождается долгожданный сын Иоасаф, которому звездочеты предсказывают будущее великого христианского подвижника. Царь-идолопоклонник помещает сына в изолированный от внешнего мира дворец, чтобы тот не мог ниоткуда узнать о ненавистной царю вере. Но божиим промыслом о царевиче узнает пустынный Варлаам, под видом купца проникающий во дворец и наставляющий царевича в христианской вере. В конце концов после многих испытаний Иоасаф уходит в пустыню к Варлааму, где вместе с ним предается отшельническому подвигу. После смерти обоих на их могиле происходят чудеса и исцеления. Возникшая на востоке как рассказ о благочестивом царевиче, в своем дальнейшем распространении П. стала восприниматься как житие святых подвижников, и главные ее герои вошли в церковные календари у грузин, греков, славян и народов Западной Европы. Успеху П. немало способствовал также ее характер диалога между учителем и учеником, причем учитель излагает сложнейшие догматические истины в виде многочисленных притч, широко известных у многих народов.

В настоящее время известны три древнеславянских перевода П.: древнерусский, сербский и среднеболгарский. Древнейшим из них является древнерусский перевод, сделанный, по-видимому, в Киеве не позже начала XII в. Об этом можно судить по тому, что уже в состав первой редакции русского Пролога были внесены пять притч из этого перевода П., дополненные толкованиями русского книжника. Две из них были использованы вместе с проложными толкованиями Кириллом Туровским в его «Притче о белоризце». В XV в. был составлен так называемый Афанасиевский извод этого перевода на

основе списка, в котором первоначальный текст был несколько сокращен, причем автор этого извода внес целый ряд дополнений. Распространившись в составе Пролога и в виде Афанасиевского извода, П. в своем полном первоначальном виде оказалась вытесненной ими, известно лишь пять списков полного текста, все они XVI в. (ГПБ, Солов. собр., № 208; ГБЛ, собр. Большакова, № 210; ГИМ, собр. Хлудова, № 60 и др.). Князь Андрей Курбский редактировал текст этого перевода по латинскому тексту П. и включил отредактированный текст в собрание своих переводов произведений Иоанна Дамаскина.

Сербский перевод был сделан, по-видимому, на Афоне, время его установить трудно, старейшие списки относятся к XIV в. Уже в житии краля Стефана Милутина (1275—1321), составленном архиепископом Даниилом Сербским, цитируется П., а в росписи Студеницкой богородичной церкви, сделанной в 1209 г. при Савве Сербском, есть изображение Варлаама и Иоасафа. Сербский перевод П. широко распространился у сербов, болгар и русских. На полях Киевской Псалтири 1397 г. есть иллюстрация притчи об инороге, к которой приписан текст из сербского перевода Повести. В XVII в. известен полный русский список этого перевода (ГПБ, Соф. собр., № 1365). П. по этому изводу трижды издавалась на Руси: в Кутейне в 1637 г. на белорусском языке, в 1680 г. в Москве Симеоном Полоцким, в 1689 г. в Киеве в составе миней Димитрия Ростовского.

Среднеболгарский перевод, или, вернее, извод П. был сделан в XIV в. в лавре св. Афанасия на Афоне в числе многих других книг выдающимся болгарским книжником старцем Иоанном. Старец Иоанн отредактировал текст сербского перевода, вновь сверив его с греческим оригиналом и внося многочисленные исправления и уточнения, так что отредактированный текст стал самостоятельным изводом и получил другое заглавие. Болгарский извод широко распространился в болгарских и русских списках, среди русских списков несколько лицевых, число миниатюр в них доходит до 200. Список 1629 г. этого извода издан в серии ОЛДП. Болгарский текст П. был использован Иосифом Волоцким в его «Просветителе». С болгарского текста был сделан в XVII в. румынский перевод П.

Древнеславянские переводы П. имели широкое хождение на Руси. В каждой монастырской библиотеке, о чем можно судить по старым описям, было по несколько ее списков. Сохранились многочисленные изображения сюжетов П. в росписях, иконах и миниатюрах рукописей. В XVII в. П. послужила основой для создания одной из первых пьес русского театра. Русская классическая литература также использовала ее сюжеты (В. А. Жуковский, А. Н. Майков, Л. Н. Толстой, П. И. Мельников-Печерский).

И. Н. Лебедева

**Душеполезная повесть о жизни Варлаама и Иоасафа,
принесенная из страны внутреннейшей Эфиопии,
называемой Индиею, во Святый Град (т.е. Иерусалим)
Иоанном Дамаскиным — мужем честным и
добродетельным, иноком монастыря св. Саввы^[2]**

Все, водимыя Духом Божиим, сун сыны Божии,— говорит св. Апостол (Рим. 8, 14). Быть удостоенным Духа Святаго, сделаться сыном Божиим — есть высочайшая из целей каждого человека. Стяжавший Святаго Духа познает все, как говорит Священное Писание. Такого чрезвычайного блаженства и высочайшего из стремлений удостоились достигнуть святые от мира сего чрез подвижничество в добродетелях. Одни мученическою борьбою, которую они вели с грехом до последней капли крови, достигли совершенства; другие, ведя аскетическую жизнь, вступили на этот трудный путь и добровольно сделались мучениками. Подвиги и успехи как тех, которые страданием достигли блаженства, так и тех, которые своими трудами старались в своих действиях быть подобными Ангелам, Божественные Апостолы и блаженные Отцы велели христианскому обществу записывать как образец добродетели для следующих поколений, заповедав делать это для спасения нашего человеческого рода. Ибо путь к добродетели труден и тернист, в особенности для тех, которые, не очистив еще своей души пред Богом, будучи обуреваемы страстями, считают себя совершенными. Мы нуждаемся во многом, поощряющем к добродетели: частью в напоминаниях, частью в жизнеописаниях людей, заслуживающих в этом отношении доверия. Чтение таких жизнеописаний помогает нам переносить испытания и заставляет нас не пренебрегать приготовлением себя ко встрече с терниями этого пути. Так, если бы кто-нибудь стал уговаривать и поощрять даже склонных вступить на эту полную трудностей дорогу, то он достиг бы одним своим увещанием меньше, чем если бы при этом он представил примеры многих, прошедших уже этот путь и в конце концов доблестно преодолевших его трудности. Этим способом он скорее убедил бы каждого и самому испробовать его. Вследствие чего и я, придерживаясь сего правила, считаю, что следует поступать не так, как раб, который, взяв от господина талант, зарыл его в землю и, таким образом, скрыл без употребления данное для оборота, но ни в каком случае не умолчу о душеполезном сообщении, которое мне передали богобоязненные люди о жителях внутренней Эфиопии, известных под именем Индусов, узнав это из верных источников.

Страна Индусов, о которой идет речь, обширная и многолюдная, окружена океаном и морями, удобными для кораблей в части,

обращенной к Египту, на материке же граничит с Персидским государством.

В ней издревле господствовал мрак идолопоклонства; она была страной в высшей степени варварской; ея беззакония выходили из ряда других. Когда же Единородный Сын Божий, сущий в недре Отчем, не перенося порабощения грехом существ одного с Ним образа, явился нам, чуждый греха и, не покидая престола Отца Своего, воплотился ради нас от Девы, чтобы мы стали причастны неба и отступили от прародительскаго греха, а освободившись от него, обрели бы прежнее усыновление; когда Он, совершив свое дело воплощения, принял крестное страдание и смерть и соединил так необыкновенно земное с небесным, потом возстал из мертвых, со славою вознесся на небо и сел одесную величия Отца на небесах, тогда Он послал видевшим Его и принявшим Его учение, как обещал, в утешители Духа Святаго в виде огненных языков и затем отправил их ко всем народам просветить светом Евангелия погруженных во мраке невежества и крестить их во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. И когда одни из них получили в удел восточныя, другие — западныя страны; одни пошли на юг, другие — на север; тогда св. Фома, один из двенадцати учеников Христа, был послан в страну Индусов, чтобы возвестить им спасительное учение. При содействии Всевышняго, подтверждавшаго его слова знаменами, мрак идолопоклонства был разсеян, и жители той страны, оставив жертвоприношения идолам и тому подобную мерзость, приняли непреложную веру. Просвещенные св. Апостолом, они чрез крещение обрели Христа. Число верующих постоянно увеличивалось в стране, жители ея успевали в истинной вере, строя повсеместно церкви. Когда же и в Египте стали возникать монастыри, начали собираться общества монахов, то слава о их жизни в подражании Ангелам распространилась за пределы обитаемой ими земли, достигла страны Индусов и вызвала здесь подобное соревнование. Многие из них, оставив все, поселились в пустынях и, будучи в тленном теле, применились к образу жизни безплотных. Когда, таким образом, дело христианства находилось в хорошем положении и, как говорят, многие возносились на небо на золотых крыльях, то в той же стране отличался один царь, по имени Авенир. Богатый и могущественный своими победами над противниками, страшный на войнах, славившийся великим ростом и красотою лица и гордившийся этими мирскими

тленными преимуществами, он вместе с тем обладал крайне скудными душевными силами; был подвержен многим порокам, увлекаясь языческими суевериями. Живя в неге, роскоши и наслаждениях жизненными удовольствиями, не зная никаких препятствий для исполнения своих желаний и капризов, Авенир встретил одну только преграду своему веселию, погружавшую его душу в заботы: он был бездетен. Мечтою его было назваться отцем детей, что и для многих составляет предмет первых желаний. Таков был царь, таковы были его помышления.

Славный же род христианский и монашеския общины, ни во что не ставя угрозы царя, продолжали свое служение Христу, успевая более, чем это можно выразить словами. Они искали только того, что могло содействовать их угождению Богу, так что многие из принявших монашеский чин одинаково презирали все земныя наслаждения, и одна только была для них важность: религия и жажда умереть за Христа для достижения вечнаго блаженства. Христиане проповедовали спасительное имя Божие без всякаго страха или малодушия. Сам Христос говорил их устами. Они ясно представляли всем непрочность и кратковременность настоящего, прочность и вечность будущей жизни. Многие, отведав всю сладость этого учения, стали выходить из мрака обмана и присоединяться к свету истины, так что даже некоторые из знатных людей и сенаторов отдалялись от жизненной суеты и становились монахами. Царь же Авенир, о котором мы говорим, услышав это, ужасно разсердился и в избытке гнева тотчас издал постановление о том, чтобы принуждать всех христиан отречься от своей веры. Он придумывал для них разнаго рода пытки, применял их на деле, угрожал новыми видами казней, посылал своим вельможам и правителям областей предписания наказывать набожных христиан и, будучи ожесточен, приказал несправедливо казнить всех избранных монахов. Таким образом, он, не объявляя войны христианам, непримиримо повел ее против них. Тогда многие из верующих поколебались: некоторые, не будучи в состоянии вынести мук, покорялись его незаконному приказанию. Одни из представителей монашеских общин приняли мученическую кончину и достигли вечнаго блаженства. Другие же скрывались в пустыни и горах, не от страха перед угрозами пыток, но по внушению Божию.

Удивительный святой подвиг знатного человека.

В то время, когда верующие отовсюду изгонялись из земли Индусов, защитники же язычества усиливались; самый воздух постоянно осквернялся запахом крови и тука постоянно сожигаемых жертвенных животных, один царский сатрап, отличавшийся от других благородством души, величием и благочестием, вообще бывший совершеннее других и по благородству души, и по красоте тела, услышав об этом нечестивом приказании, отказался от суетной, стяжанной на земле славы и роскоши, и присоединился к монашествующим. Удалившись в пустынные места, он постами, бдением и изучением Св. Писания освободил свою душу от страстей, освятив ее отсутствием их.

Тогда царь, любя и очень уважая его, услышав это, весьма огорчился потерю друга и воспламенился еще большею ненавистью к монашеству. Он послал во все стороны розыскивать его, велел, как передают, ни одного камня не оставить на месте. После продолжительного времени отправленные на розыски, узнав, что он живет в пустыне, нашли его, схватили и представили пред троном царя. Увидев его в бедном и грубом рубище, его, одетаго когда-то в богатая одежды, отказавшагося от былой роскоши и удобств — бедствующим, измученным суровой жизнью в подвижничестве и носящим явные признаки этой пустынной жизни, Авенир в одно время исполнился и печали, и гнева. Тонем, звучащим тем и другим, сказал ему: "О, безумец! о, сумасшедший! Чего ради променял ты почести на позор и блестящую славу на этот жалкий вид? Архисатрап, представитель моего государства и моей славы, ты сделал себя посмешищем для детей; ты предал совершенному забвению жалкое скитание предпочел неге и наслаждению приятнейшей жизнью"?

Выслушав это, Божий человек ответил Авениру приятным, спокойным, ровным голосом: "Царь, если ты хочешь потребовать с меня отчет, то удали врагов из своего судилища, тогда я дам тебе ответ

на все, о чем ты ни пожелаешь узнать, в их же присутствии я не стану говорить с тобой ничего, и ты казни меня без ответа, накажи меня, делай, что тебе угодно, *ибо мир для меня распят, и я для мира* (Гал. 6, 14)".

Тогда царь спросил: "Каких это врагов ты велишь мне удалить?"

"Гнев и страсти,— говорит блаженный.— Сначала они были даны нам Создателем в полезные деятели нашей природы. Это назначение они сохраняют и теперь у живущих не плотскою, но духовной жизнью. Для вас же, которые всецело живете плотью без всякой духовной жизни, они сделались врагами. Ибо, если в вас действует страсть, то вы ищете удовольствий, если же они прекращаются, то влекут за собой гнев. Оставь на сегодня это. Пусть разум и справедливость выступят вперед, когда ты будешь судить мои речи. Поэтому, если ты оставишь гнев и страсти, и на место их выступят разум и справедливость, то я откровенно скажу тебе все".

Авенир сказал: "Я уступаю твоей просьбе, удаляю гнев и страсти и выдвину вперед разум и справедливость. Говори же впредь безбоязненно со мною, откуда у тебя это заблуждение предпочитать пустые надежды очевидному, осязательному"? На это пустынный ответил: "Царь, если ты желаешь знать начало всего того, что заставило меня пренебречь временным и всецело предаться надеждам на вечное, то выслушай меня: в давнопрошедшие дни, будучи еще совершенно молодым, я услышал одно прекрасное, спасительное изречение, значение которого засело в самую глубину моего существа, как будто какоенибудь Божественное семя; память о нем сохранилась навсегда неотлучно в моем сердце, так что это семя пустило в нем ростки и корень, и ты видишь, какие плоды принесло во мне. Значение этого изречения было приблизительно следующее: безумные имеют обыкновение пренебрегать действительным, смотреть на него, как на недействительное, а недействительное любить и домогаться, как действительного. Не отведавший сладости действительного не может иметь верного понятия о недействительном. Если же он не знает его, то как ему презирать его? Действительным называется вечное, неизменное, недействительным — здешняя земная жизнь, роскошь и ложное счастье, к которым, увы, и твое, царь, сердце приковано. Значение изречения непрестанно беспокоило мою душу и побудило

моего руководителя — ум — к избранию лучшего. Однако заблуждение, имевшее, тем не менее, власть надо мной, вело борьбу с силою моего разсудка и делало для меня жизнь в окружавшей меня обстановке настоящей пыткой. Оно держало меня как бы своим пленником, подобно железным оковам в тюрьме. Когда доброжелательность к нам Бога Спасителя нашего соблаговолила избавить меня от этого тяжелого пленения, дала силу моему уму победить силу заблуждения и открыла мне глаза, дабы я мог отличать добро от зла, тогда я понял, что все окружающее нас — суета, томление духа, как выразился премудрый Соломон в одной из своих книг (Еккл. 1, 14), понял преимущество духовной жизни. С моего сердца спало покрывало моего неведения и рассеялся мрак души моей, в который погружали ее телесныя страсти. Я познал то, для чего я родился, познал, что исполнением заповедей Божиих мне должно сделаться достойным пред Создателем. И вот с тех пор, оставив все, я последовал Его воле, и благодарю Бога, что чрез ходатайство Господа нашего Иисуса Христа, Он избавил меня от этой тины, от этого ужасного, гибельного мрака, господствующаго в сем мир, и указал мне краткий, легкий путь, которым я могу повести образ жизни Ангелов. Отыскав поспешно этот путь, я избрал себе дорогу тесную и трудную, оставив совершенно суету здешней жизни, ея общество и временное богатство; и никто не заставит меня назвать чтолибо прекрасным в сравнении с тем, что действительно прекрасно, от которого ты, царь, отторгнут и далек. Поэтому и мы далеки от тебя, вследствие того, что ты и себя ввергаешь в очевидное и явное беззаконие, и нас заставляешь подвергаться подобной опасности. Пока мы испытывались только в борьбе с мирским, мы никогда ни в чем не отступали от своих обязанностей, и ты сам подтвердишь, что нас нельзя было обвинить ни в легкомыслии, ни в небрежном исполнении своих обязанностей. Когда же ты настоял на том, чтобы лишить нас венца всего прекраснаго и этим нанести Богу столь ужасное оскорбление; когда ты напоминаешь о почестях, честолюбии, то я могу вполне справедливо сказать, что ты не имеешь понятия о прекрасном, ставя на одну ступень благочестие в отношении Бога с людскою любовью к славе, проходящей с быстротою весенних вод и цветов. Как мы можем поддерживать ее, а не напротив, отрицать и дружбу, и любовь, и почтение со стороны детей, и другое, (если только есть что-

нибудь выше этого), видя, как ты оскорбляешь имя Божие, дающее тебе и жизнь, и дыхание; как ты оскорбляешь Господа нашего Иисуса Христа, Который, будучи всемогущ, вечен, как и Отец, утвердил словом небо и землю, сотворил человека, удостоил его бессмертия и поставил царем земных существ, устроив ему жилищем прекраснейший рай. Когда же человек, обманутый завистью диавола и, увы, увлеченный удовольствием, лишился всего этого и, прежде достойный зависти, он, вследствие своих бедствий, стал достойным сострадания и слез, тогда наш Творец, наш Создатель сжалился над ним — Своим творением. Не переставая быть Богом, чем был всегда, Он сделался Человеком, приняв все человеческое, кроме греха, и Своим добровольным страданием и крестной смертью сокрушил диавола, позавидовавшего нашему роду человеческому. Спасши нас от тяжкого пленения, Он возвратил нам, по Своему милосердию, прежнюю свободу. Лишившись ее чрез свое непослушание, мы получили ее опять, благодаря Его любви к людям, и даже были удостоены Им еще большей чести. Ты же, отвергнув пострадавшего так ради нас Господа, удостоившего нас таких благ, издеваясь над Его Крестом, предавшись всецело губительным страстям и позорно провозглашая богами постыдных идолов, не только удалил себя от небесных благ, но, удаляя от них всех, повинующихся твоим приказаниям, ты и их души подвергнул опасности. Так знай, что я не послушаюсь тебя и не возьму с тебя пример в такой неблагодарности к Богу, если ты даже отдашь меня на съедение диким зверям или велишь убить или сжечь, что в твоей власти. Я не боюсь смерти и не дорожу земными благами, призирая их суетность и немощь. Что полезного, прочного и постоянного во всем земном? Да и не только одно это: сколько оно доставляет несчастья, горя, сколько бесконечных забот!

Со всякой земной радостью и наслаждениями соединена печаль и сокрушение; земное богатство — нищета; земная высота — крайнее унижение. Но кто пересчитает все его зло? На это наш богослов указал не многими словами: *весь мир лежит во зле* (1 Иоан. 5, 19). *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его; а исполняющий волю Божию, пребывает во век* (1 Иоан. 2; 15, 17). Отыскивая это добро, я оставил все и присоединился к

имеющим то же желание и почитающим Того же Бога, между которыми нет ни спора, ни зависти, ни горя, ни забот, но все идут одним путем. Цель их — занять места, уготованные Отцом для любящих Его. В них я приобрел родителей, братьев, родственников, друзей; своих же прежних друзей и братьев я избегал; поселился в пустыне, ожидая Бога, Который бы спас меня от малодушия и бурных страстей".

Когда Божий человек все это высказал, царь дрожал от гнева и хотел было тотчас же жестоко оскорбить святаго, но не решился и отложил выполнение своего намерения, боясь его известности и знатности. Взвесив все это, он сказал: "Несчастный! обсудив свою погибель, гонимый к ней, по-видимому, самую судьбою, ты наострил свой ум и язык сообразно с этим и наговорил здесь такого неяснаго вздора, свойственнаго безумному, что если бы я в начале твоей речи не обещал тебе не гневаться, то предал бы теперь твое тело огню. Но так как ты обезопасил себя, предупредив меня, то я теперь сношу твою дерзость ради моей прежней дружбы с тобою. Теперь же уходи с моих глаз и впредь мне не попадайся, если не хочешь своей гибели".

Тогда Божий человек оставил царя и удалился в пустыню. Печалась о том, что не пострадал за веру и мучаясь каждый день этим сознанием, он вел борьбу с властью, господствующей над мраком мира сего, с духом зла, как выражается Апостол Павел.

После свидания со своим бывшим другом, царь стал еще более ненавидеть монашеския общества и воздвигать на них гонения, стал еще более оказывать почести ревнителям языческой веры и служителям идолов.

Рождение св. Иоасафа.

Когда царь находился в таком неведении и заблуждении, у него рождается дитя столь прекрасное, как будто это было дитя блеска и великолепия, окружающего его. Ибо говорили, что никогда еще в этой земле не появлялось столь прекрасного дитяти. Исполнившись большой радости по случаю рождения сына, Авенир назвал его Иоасафом и бессмысленно отправился в идольские храмы, чтобы принести жертвы богам, еще более бессмысленным, чем он сам, и воздать им благодарственные гимны, не ведая, Кто истинный виновник всех его благ, которому следовало бы принести духовную жертву. Царь, приписывая причину рождения сына безжизненным и безчувственным существам, разослал во все стороны указы собрать множество народа на празднование рождения дитяти. И можно было видеть множество людей, стекающихся на этот праздник, побуждаемых и страхом перед царем, и благоговением перед ним. Каждый приносил с собою в изобилии все, нужное для жертвоприношений. Более же всего подстрекал их к этому стечению царь, задевая в них чувство удовольствия, так как он велел для этого празднества заколоть самых больших и лучших быков. Совершив, таким образом, всенародно праздник, он всех одарил подарками: сенаторов, вельмож, свое воинство и даже незнатных и незаслуженных. На это-то самое празднество, по случаю рождения царского сына, пришли к царю мужи, числом до пятидесяти, изучившие халдейскую астрологию. Приблизившись к ним, царь спрашивал каждого из них, какова будет судьба новорожденного его сына. Они, после продолжительного обдумывания, сказали, что он будет жить в большом богатстве и могуществе и превзойдет всех предшествовавших ему царей. Но один из астрологов, самый лучший, сказал: "Судя по тому, что нужно заключить из течения звезд, успех твоего новорожденного сына будет не в твоём царстве, но в другом, лучшем и бесспорно превосходящем. По моему мнению, он примет

преследуемую тобою христианскую веру, и я думаю, что не ошибаюсь в своем предположении и ожидании".

Астролог говорил это так же, как говорил некогда Валаам: не астрология говорила истину, но Бог через противников объявлял правду. Царь, выслушав это известие, очень опечалился; его радостное настроение исчезло под гнетом горя. Он поместил своего новорожденного сына в прекрасный дворец, нарочно выстроенный в городе. Когда сын вышел из детских лет, царь не велел допускать к нему никого; назначил для него воспитателями и служителями молодых и самых красивых людей, наказав им скрывать от него все бедствия жизни: смерть, старость, болезнь, бедность и все другое, что могло бы нарушить его радостное настроение; напротив, раскрыть перед ним всякия удовольствия и наслаждения, чтобы его ум, увлекаясь этим, не мог бы рассуждать о будущем; чтобы он ни слова не слышал о жизни или учении и делах Христа, и последнее наказывал скрывать больше всего, принимая во внимание предсказание астролога. Если случится, что кто-нибудь из прислужников заболит, то он приказал, чтобы его тотчас же удаляли оттуда, а вместо него ставили другого, здорового и хороших качеств, чтобы царевич не видел ничего, выходящего из ряда обыкновенного.

Так рассуждал царь, так он и сделал; смотря, он не видел, слыша, не понимал. Узнав, что некоторые из монашествующих, и след которых, по его мнению, простыл, остались в живых, он исполнился гнева, послал глашатаев по всему городу и по всей стране кричать, чтобы, по прошествии трех дней, не было ни одного монаха в его стране. Если же, по прошествии означенного времени, будет кто-нибудь из них найден, то будет сожжен или убит. Монахи,— говорил он,— убеждают народ обратиться к распятому Богу.

В это время случилось нечто такое, что огорчило и еще более раздражило царя против монахов. Один знатный вельможа безукоризненной жизни, занимавший видное место в государстве, исповедывавший истинную веру и заботившийся о спасении своей души, скрывал это из страха перед царем. Некоторые из близких к царю людей, завидуя почестям, оказываемым этому вельможе царем, думали о том, как бы оклеветать его перед ним. Однажды, когда царь вышел на охоту со своими царедворцами, то в числе их был и этот

добродетельный муж. Гуляя наедине (я думаю, что это случилось по Божественному устройению), он нашел в чаще человека, лежащего на земле, у котораго нога была сильно повреждена диким зверем. Увидя проходящего вельможу, он просил его не пройти мимо, но сжалиться над его немощью и отвести в свой дом, прибавляя, что он не будет для него совершенно бесполезен и непригоден. Благочестивый вельможа сказал ему: "Я возьму тебя и окажу тебе помощь, на сколько это в моих силах. Но что это за польза, которую, как ты говоришь, принесешь мне?"—"Я,— говорит раненый,— исправитель слов, именно: если какнибудь в разговоре будет чтолибо испорчено неосторожными словами, то я забочусь о том, чтобы зло не пошло дальше".

Благочестивый муж не придавал никакого значения этим словам, однако велел отвести его в свой дом и окружить нужным попечением. Завистники же, о которых сказано раньше, не скрывая более своего нерасположения к означенному вельможе, оклеветали его перед царем, говоря, что он, забыв царское к себе расположение, не только оставил служение своим богам и принял христианство, но и злоумышляет против всего царства, подстрекая чернь и располагая к себе всех. "И если ты,— говорили они,— желаешь убедиться в истинности наших слов, то призови его к себе и, испытывая его, скажи ему, что ты хочешь, оставив отцовскую веру и царское достоинство, сделаться христианином и облачиться в монашескую одежду, которую ты прежде преследовал как зло".

Оговаривая благочестиваго мужа перед царем, они знали его уязвимое место; враги знали, что если он услышит такая слова от царя, то посоветует ему не оставлять такого прекраснаго решения, и они, таким образом, окажутся справедливыми. Царь, зная привязанность к себе этого мужа, считал их слова невероятными и ложными, но рассудил, что во всяком случае не следует оставлять это дело неизследованным. Призвав к себе вельможу, он говорит ему наедине, испытывая его:

"Ты знаешь, друг, сколько зла я причинил так называемым монахам и христианам. Теперь я раскаялся в этом и, презрев все земное, хочу жить их надеждами, ибо я слышал, что они говорили о какомто безсмертном царстве, которое будет в другой жизни, а земной жизни смерть положит конец. Я думаю, что не иначе достигну чегонибудь,

как только принявши христианство и разставшись со славою своего царствования и прочими жизненными удовольствиями и наслаждениями и присоединившись к монахам и аскетам, которых я несправедливо изгонял, где бы они ни были. Что ты скажешь на это? Какой совет дашь ты мне? Говори только искренно, так как я знаю, что ты самый правдивый и разсудительный человек".

На это благочестивый муж, умилившись сердцем и обливаясь слезами, не подозревая скрытой хитрости царя, сказал:

"Царь, живи до скончания века, ибо ты возимел прекрасное, спасительное намерение, хотя и трудно достигнуть царствия небеснаго, однако надо добиваться этого всеми силами. Ищущий его найдет. Наслаждение жизненными благами, хотя, повидимому, услаждает и увеселяет, но прекрасно отказаться от него, ибо в нем самом нет наслаждения, и кому оно доставляет удовольствие, того семикратно, в свою очередь, огорчает.

И блага земной жизни, и огорчения ея бледнее тени, и след их подобен следу плавающего корабля, или следу птицы, летающей по воздуху, а надежда на будущее, которую проповедуют христиане, прочна и непоколебима; печаль она доставляет в этом мире, а радость в будущем. Наши земныя удовольствия здесь недолговременны, а в жизни будущей будут только причиною наказания, которое никогда не прекратится. Жизнь доставляет временныя удовольствия, но вечное горе. Поэтому да будет приведено в исполнение царское намерение, ибо прекрасно, весьма прекрасно променять тленное на вечное".

Выслушав это, царь очень разгневался; однако он скрыл свой гнев и не сказал пока ничего благочестивому мужу. Но этот, будучи умным и сообразительным, заметил, что его слова огорчили царя и что он с хитростью испытывал его. Возвратившись домой, вельможа безпокоился и печалился, не зная каким образом войти в прежнее расположение царя и избегнуть близкой опасности.

Проведши целую ночь без сна, он вдруг вспомнил о человеке с поврежденной ногой и, велел привести его к себе, сказал: "Я помню, что ты назвал себя исправителем слов". Этот же говорит: "Если ты нуждаешься, то я на деле покажу свое искусство". Тогда вельможа выставил перед ним прежнее к себе расположение и близость царя, происшедший недавно разговор, который царь завел с ним с

хитростью, и то, как он советовал царю лучшее, и что за это царь разсердился на него, и что он заметил по изменившемуся лицу скрытый в нем гнев.

На это спрошенный, подумав, сказал: "Да будет тебе известно, славнейший, что царь имеет о тебе дурное мнение, что тыде хочешь овладеть его царством, и, действительно, он вел с тобой разговор с целью испытания. Так вот, ты обрежь свои волосы, сними эти блестящая одежды и, одевшись в шерстяное рубище, с разсветом отправляйся к царю. Когда же он спросит тебя, что значит эта одежда, ты ответь: "Я явился переговорить с тобой по поводу того, о чем мы вчера беседовали. Вот, я готов последовать за тобой туда, куда ты ни захочешь. Хотя эта роскошь и приятна, но для меня без тебя она не будет иметь никакого значения. Тот же путь, который ты избрал, хотя и труден и тернист, но с тобою он будет для меня и легок, и желателен. Как ты сделал меня своим участником здесь, в наслаждении земными благами, так ты будешь его во мне иметь и в предстоящих трудностях, дабы я с тобой участвовал и в наслаждении будущей жизнью".

Благочестивый вельможа, признав его слова дельными, сделал все так, как он ему сказал. Царь, увидев его и выслушав, возрадовался в душе. Радуюсь такой его привязанности к себе и признав все наговоренное на него ложным, он стал оказывать ему еще большие почести и еще более приблизил к себе; монаховже возненавидел сильнее прежнего, говоря, что это они учат людей воздерживаться от удовольствий мира сего и бредить пустыми надеждами.

Мученическая кончина св. Отцев.

Однажды, выйдя опять на охоту, царь видит в пустыне двух монахов. Он велел схватить их и привести к своей колеснице. Грозно взглянув на них, он заговорил, пылая от гнева: "Разве вы не слышали, бродяги и обманщики, как глашатаи ясно кричали, чтобы никого из вас, сумасшедших, чрез три дня не было ни в городе, ни в стране, находящейся под моей властью, в противном же случае виновный будет сожжен".

Монахи ответили: "Мы и уходим из твоих городов и областей, как ты приказал. Но так как нам предстоит к нашим братьям длинная дорога, то мы, нуждаясь в продовольствии, заготовляли его, чтобы иметь запасы в пути и не стать жертвою голода".

На это царь сказал им: "Побоявшийся угрозы смерти не станет заниматься заготовлением пищи".

"Это хорошо сказано тобою, царь,— отвечали они,— ибо убоявшиеся смерти заботятся о том, как бы им избежать ее. Но как назвать таковых, как не остановившимися перед напором течения и испугавшимися его? Кто совсем не надеется найти чтонибудь там, в вечности, тот печется о земном и, потому, боится смерти. Мы же, издавна возненавидев мир и все мирское, идя по трудному и узкому пути ради Христа, не боимся смерти, не дорожим земным, но стремимся только к будущей жизни. А так как смерть, которою ты угрожаешь, будет переходом в лучшую вечную жизнь, то она для нас скорее желательна, чем страшна".

Царь, желая поймать их на слове, сказал: "Как так? Ведь вы только что сказали, что уходите, как я и велел, из моего государства. А если вы не боитесь смерти, то чем объяснить ваше бегство? Вы солгали это изза пустого хвастовства".

"Мы,— отвечали монахи,— убегаем не потому, что утрашились угрожаемой смерти, но из сострадания к тебе, чтобы не сделаться виновниками лишняго преступления с твоей стороны. Посемуто мы и

предпочли уйти. Когда твои угрозы дошли до нас, то мы вовсе их не боялись". Тогда разгневанный царь велел сжечь их. И скончались слуги Христа через сожжение на костре, заслужив мученические венцы. После этого вышло постановление: если где-нибудь будет найден монах, то чтобы он убивался без всякого следствия. Вследствие такого постановления в этой стране не осталось ни одного из монашествующих, кроме скрывавшихся в горах, в земных расщелинах и пещерах. Таково было положение христиан в этой стране.

Стремление царевича Иоасафа к познанию истинного Бога.

Между тем, царевич Иоасаф, о котором я упомянул выше, живя в неприступном, выстроенном для него дворце, достиг юношеского возраста, получил основательно образование — эфиопское, персидское и греческое. Он был не менее даровит, чем прекрасен; был весьма разсудителен и отличался всеми другими хорошими качествами. Иоасаф предлагал учащим его такие вопросы о природе, что они удивлялись проницательности и сообразительности ребенка. Царь поражался красотой его лица и качествами его души. Он дал приказание жившим с ним скрывать от него все печали и бедствия жизни, а также и то, что смерть полагает конец всем земным наслаждениям. Авенир льстил себе тщетными надеждами, полагая, что он своими приказаниями достигнет желаемого. Но каким образом смерть может быть скрыта от природы человеческой? Не скрылась она и от царского сына. Задумываясь над всем, что возбуждало его мысль, он размышлял относительно себя, по какой причине отец осудил его на такую неприступную затворническую жизнь, запрещая всякому желающему доступ к нему. Он понимал, что это происходит по приказанию отца, но, тем не менее, не решался спросить его об этом, считая невозможным, чтобы отец его замышлял что-нибудь ему бесполезное. С другой стороны, он разсуждал так: если это происходит с ведома отца, то, если он и спросит, его, тот не скажет правды. Поэтому он решил узнать об этом от других. У него был один воспитатель, которого он любил больше всех и с которым был в самых близких отношениях. Призвав его к себе и почтив подарками, он начал спрашивать его, что за причина того, что отец держит его взаперти между четырех стен. "Если ты,— заключил он,— ясно объяснишь мне это, то ты будешь первым моим советником, и я заключу с тобой завет первой дружбы".

Воспитатель этот, будучи разумным и, увидя совершенный, сообразительный ум царского сына, не пожелал навлечь на себя опасности утаиванием истины, а потому рассказал ему постепенно все: и гонения царя на христиан, а в особенности на аскетов, и как они были изгнаны из этой страны, и что астролог предсказал после его рождения. "А чтобы ты,— заключил он,— услышав их учение, не предпочел их веры нашей, царь и постарался окружить тебя немногими, избранными им самим лицами, приказав нам скрывать от тебя все бедствия жизни".

Услышав это, юноша ничего более не хотел слушать. Спасительное слово коснулось глубины его сердца, и милость Утешителя попыталась открыть ему глаза, указывая на истинного Бога. Так как отец часто навещал его (он чрезвычайно любил сына), то в один день сын говорит отцу: "Я хотел спросить тебя, мой господин, о том, что причиной того, что постоянное горе и непрестанная забота снедают мою душу?"

Царь, опечаленный его словами, сказал ему: "Скажи мне, дорогое мое дитя, какое у тебя горе, и я постараюсь сейчас же превратить его в радость".

— Что это за образ жизни,— отвечал царевич,— веду я взаперти между четырех стен? Ты сделал меня недоступным и невидимым для всех.

—Я не хочу, дитя, чтобы ты видел что-нибудь неприятное для твоего сердца, что могло бы испортить твое счастливое настроение. Я желаю, чтобы ты жил постоянно в роскоши, во всякой радости и услаждении сердца.

—Будь уверен, мой господин,—отвечает царевич: что таким образом я живу не в радости и веселии сердца, но в мучении и печали, так что даже пища и питье неприятны для меня и горьки. Я хочу видеть все, что за стенами моего дворца. Поэтому, если ты хочешь, чтобы я жил безпечально, позволь мне отправиться, куда я хочу, и услаждать свою душу созерцанием еще не виденного мною.

Царь, услышав это, весьма огорчился. Размышляя, что если откажет сыну в просьбе, то будет виновником еще большей его скорби, он сказал: "Я, дитя, исполню твое желание. Сейчас же велю приготовить лучших коней и снарядить приличную царю свиту". Исполнив это, он позволил царевичу отправиться, куда он захочет, поручив его

спутникам избегать всяких встреч и всячески развлекать его: на дороге устраивать хоры песенников и разнообразныя зрелища, чтобы ум царевича, занявшись этим, отвлекался бы от всего другаго.

Находясь однажды в пути, царский сын заметил, по недосмотру слуг, двух мужей, из которых один был изувечен, другой слеп. Увидев их, царевич, неприятно этим пораженный, сказал своим спутникам:

— Что это за люди? Что у них за неприятный вид?

Они же, не находя возможным скрыть попавшееся на пути, сказали: Это страдания, происходящая от немощности человеческого тела, свойственны человеку.

—И всем людям приходится подвергаться этому?— спросил царевич.

Ему отвечали:

—Не всем, но тем, у коих здоровое тело делается болезненным.

— А если не всем,— продолжает спрашивать юноша,— то известно ли, кого постигнут такие ужасы, или этого нельзя определить и предвидеть?

—Кто из людей может знать свое будущее,— ответили они,— и кто может безошибочно судить о нем? Это выше человеческой природы и есть удел только одних бессмертных богов.

Тогда царевич перестал спрашивать; виденное и слышанное им так разстроило его, что он совершенно изменился в лице.

Немного дней спустя, Иоасаф на дороге опять встречает удрученного временем старика, с совершенно сморщенным лицом, с ослабевшими коленями, согбеннаго, совершенно седаго, беззубаго, едва говорящаго. Ужас охватил царевича. Велев привести его ближе, он начал спрашивать о причине его необычайной наружности. Спутники же ему сказали:

— Он живет уже много лет; сила его постепенно уменьшалась, члены ослабевали, и ты видишь, до какого недуга дошел он теперь.

— А каков конец всему этому?

—Ничто иное, как смерть завершит все это,— отвечали вопрошаемые.

—И всем людям предстоит то же самое, или и это только некоторым?

—Без сомнения, если только преждевременная смерть не избавит кого от подобных недугов, то невозможно с течением лет не дойти до такого положения.

— В какие лета бывает это? И неизбежна ли смерть, нет ли средств миновать ее и не дойти до такого недуга?— спросил царский сын.

— Достигнув возраста 80, 100 лет — умирают, а иначе невозможно. Ибо смерть есть необходимость, с самага начала присущая роду человеческому, и избежать ее нельзя.

После всего виденнаго и слышаннаго умный и благоразумный юноша зарыдал от всего сердца и сказал:

"Не сладка эта жизнь, полна всякой скорби и печали, если все это так. И как кто может быть беззаботным, кто совсем не знает, когда ему следует ожидать смерти, которая приходит не только неизбежно, но и неожиданно".

Они продолжали путь далее, и царевич непрестанно думал о виденном и слышанном, постоянно вспоминая о смерти. С тех пор его видели всегда печальным и унылым. Он говорил самому себе: "Когда же смерть похитит меня, и кто будет вспоминать меня после смерти, тогда как время все предает забвению? По смерти я бесследно уничтожусь, или есть какая-нибудь другая жизнь, другой мир?"

Обдумывая безпрестанно это и тому подобное, он начал бледнеть и чахнуть. Когда же ему случилось быть на виду у отца, он притворялся веселым и безпечальным, не желая, чтобы отец знал его размышления. Он горел нестерпимым желанием встретит кого-нибудь, кто бы мог удовлетворить стремлениям его души и сказать хорошее слово о том, что его так интересовало. Поэтому, он опять начал спрашивать упомянутаго воспитателя, не знает ли он кого-нибудь, кто бы мог удовлетворить его желаниям и успокоит ум его, ужасно блуждающий в размышлениях и не могущий отбросить мысли о смерти. Спрошенный, вспомнив о их предыдущем разговоре, сказал: "Я тебе уже и раньше говорил, как твой отец постоянно разсуждающих о том, что ты желаешь узнать, аскетов — одних велел казнить, других же

неумолимо преследовал, так что теперь я не знаю никого из них, живущих в окрестности".

Царский сын, исполнившись гнева и очень огорчившись в душе, был подобен мужу, потерявшему большое сокровище и направившему все свои помышления на его розыскание. С тех пор он жил в постоянной скорби и в заботах; все мирския наслаждения и увеселения были в его глазах какою-то мерзостью, срамотою. Когда царевич находился в таком положении, стремясь обрести благо для своей души, его увидело Всевидящее Око, и не оставил его без внимания Желаящий всем спасения и познания истины, по присущему Ему человеколюбию, и следующим образом показал ему путь, по которому следовало идти.

Повествование о св. Варлааме и свидании его с царевичем Иоасафом. Начало его св. учения.

В это время жил один монах, безукоризненной жизни, отличавшийся красноречием и прошедший весь путь монашеской жизни. Из каких мест и из какого рода он происходил,—я не могу сказать этого. Он жил в одной пустыне, находящейся в стране Сенаарской, и был удостоен священства. Имя этого старца было Варлаам. Узнав по Божественному откровению о состоянии души Иоасафа, он оставил пустыню и отправился в обитаемые места. Переменив свою одежду на мирскую, он сел на корабль и отправился в страну Индусов. Выдав себя за купца, он прибыл в город, где находился дворец царского сына. В этом городе он провел несколько дней, присматриваясь к обстановке царевича и разведывая о его приближенных. Узнав, что упомянутый выше воспитатель ближе всех к царскому сыну, он сказал ему наедине: "Я хочу объявить тебе, мой господин, что я купец и пришел из дальних стран. У меня есть один драгоценный камень, подобного которому еще никогда не находили. Я до сих пор никому еще не показывал его, тебе же я говорю о нем потому, что вижу в тебе мужа умного и смышленного, который может ввести меня к царскому сыну, чтобы я мог преподнести ему свой камень. Камень этот несравненно выше всего прекрасного: он может слепых одарить светом мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос и больных исцелить. Неразумных он делает мудрыми; злых духов изгоняет и все прекрасное и приятное щедро дает заслужившим этого".

Воспитатель отвечает ему: "Я вижу, что у тебя крепкий и зрелый ум, но твои слова мне кажутся чрезмерно хвастливыми. Я не могу пересчитать тебе всех драгоценных камней, которые мне приходилось видеть, но я не видел и не слышал о камнях, имеющих такая силы, какая ты приписываешь своему. Но все-таки покажи мне его, и, если сказанное тобою справедливо, то сейчас же отнесу его царевичу, и ты получишь от него очень много подарков и почестей. Но прежде чем я

не удостоверюсь в истинности твоих слов, я не могу возвестить господину и царю моему такие невероятности о неизвестном мне предмете".

Тогда св. Варлаам сказал ему на это: "Ты говоришь правду, что ты никогда не видел и не слышал о таких силах и действиях, ибо дело идет не об обыкновенном предмете, но об удивительном и великом. Но выслушай меня, и ты убедишься воочию в том, что ты старался увидеть. Этот драгоценный камень, кроме упомянутой силы и действия имеет еще одно свойство: его не может видеть не имеющий хорошаго, здороваго зренья и чистаго, непорочнаго тела. Если кто, будучи несовершенен в этих двух отношениях, захотел бы посмотреть на этот драгоценный камень, то он непременно лишился бы того зренья и ума, которые имеет. Я же, будучи несколько сведущ во врачебном искусстве, вижу, что твои глаза нездоровы. Поэтому боюсь, чтобы ты не лишился и того зренья, которое у тебя есть. Что же касается царскаго сына, то я слышал, что зрение его уже утвердилось и здорово, почему я и не побоялся бы показать ему это сокровище. Я надеюсь, что ты не оставишь слов моих без внимания и не захочешь лишить твоего господина такой вещи".

На это воспитатель отвечает ему: "Если это так, то не показывай мне камня. Моя жизнь запятнена многими проступками; кроме того, и глаза мои, как сказал ты, нездоровы. Тем не менее, я верю твоим словам и не замедлю доложить об этом царевичу".

Прийдя к Иоасафу, воспитатель подробно рассказал ему все. Царевич, выслушав его, почувствовал в своем сердце радостное и приятное чувство и, как бы вдохновенный в душе Богом, велел поскорее ввести этого св. мужа.

Когда Варлаам вошел к царскому сыну и отдал ему подобающее приветствие, тот пригласил св. мужа сесть. По уходе воспитателя, Иоасаф говорит старцу: "Покажи мне этот драгоценный камень, о котором, как говорил мой воспитатель, ты рассказываешь что-то необыкновенное и удивительное". Варлаам так начал с ним разговор: "Несправедливо было бы, царь, чтобы я рассказывал неверное и лишнее относительно предмета, превосходящаго своею славою даже твою славу. Все, доложенное тебе обо мне, верно, истинно и несомненно. Но если я сначала не буду убежден в твоей

разсудительности, то не могу открыть тебе тайну, ибо Господь говорит: *Вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы, и поклевали то. Иное упало на места каменистыя, где немного было земли, и скоро вошло, потому что земля была неглубока, когда же вошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло. Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его. Иное же упало на добрую землю и принесло плод; одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать* (Матф. 13, 4—9).

Если и твое сердце окажется плодородною землею, то я постараюсь насадить в тебе Божественное семя и открыть великую тайну. Если же твое сердце представляет каменистую или тернистую землю или путь, всеми попираемый, то лучше совсем не насаждать на нем спасительного семени и не бросать его на расхищение птицам и зверям. Но я надеюсь на лучшее, надеюсь, что ты достоин приять спасение; поэтому ты увидишь и этот неоценимый камень и благодаря его блеску можешь также сделаться светлым и принести стократные плоды. Ради тебя я предпринял это дело и совершил длинный путь, чтобы показать тебе то, чего ты не видел и научить тому, чего ты никогда не слышал".

Иоасаф отвечал на это: "Я, почтенный старец, горю неудержимым, страстным желанием слышать какия-нибудь новья хорошия слова, и в моем сердце пылает огонь, который жжет меня—так мне хочется разрешить свои сомнения. До сих пор я не встречался ни с одним человеком, который бы мог преподать мне спасительное слово. И надеюсь, что это слово не имело бы той участи, какую постигло упавшее на каменистую и тернистую почву и расхищенное птицами. Я с толком принял бы его и умел бы сохранить его. Если ты можешь мне тут в чем-нибудь помочь, то не скрывай от меня, но поведай. Как только я услышал, что ты пришел из дальней земли, то радостное чувство и надежда появились в моей душе,— надежда, что я буду иметь возможность узнать от тебя то, что хотел. Поэтому-то я велел привести тебя ко мне и ласково принял, как кого-нибудь близкого или сверстника, надеясь, что я не ошибусь в ожиданиях".

Тогда Варлаам сказал: "Ты поступил в этом случае прекрасно и достойно твоего царскаго величия, не поддался окружающему ничтожеству, но сокровенно надеялся. Был некогда один великий и

славный царь. Когда он однажды разъезжал на золотой колеснице с подобающей царской чести свитой, то встретил двух мужей, одетых в грязные и разодранные рубища, с бледными, изнуренными лицами. Царь знал их тучными, но они постом изнурили свое тело. Увидя их, он, сойдя с колесницы, пал пред ними на землю, приветствуя их. Сопровождавшие его вельможи же и знатные люди были недовольны этим, полагая, что он поступает не по царскому достоинству, но не осмеливаясь порицать его, они просили его брата сказать царю, чтобы он не унижал царской короны. Когда тот сказал об этом своему брату и порицал неуместное его унижение, царь дал ему ответ, которого его брат не понял.

У этого царя был такой обычай, что когда он издавал относительно кого-нибудь смертный приговор, то посылал глашатаев к дверям осужденного с трубою, нарочно для этой цели предназначенной, звуком которой все извещались, что такой-то приговорен к смертной казни. Когда наступил вечер, царь послал трубить в означенную трубу у дверей своего брата. Последний, услышав звуки смертоносной трубы, отчаялся в своем спасении и целую ночь писал завещание касательно своего имущества. На развете же одевшись в черные траурные одежды, он отправляется с женой и детьми, плача и рыдая, к дверям дворца. Введя его во дворец и видя в таком горе, царь сказал: "О, безумный! если ты так испугался глашатаев, посланного твоим единоутробным и равным по сану братом, относительно которого ты уверен, что ни в чем не провинился перед ним, то как ты можешь укорять меня в том, что я смиренно приветствовал глашатаев моего Бога, возвещающих мне смерть и страшное предстание пред Господом, пред Которым я чувствую себя много и тяжко согрешившим. Так вот, поэтому я уличу и подстрекавших тебя укорять меня, уличу в том, что скорее они безумствовали, чем я".

Дав таким образом своему брату полезный урок, царь отпустил его домой. Между тем, он приказал сделать четыре деревянных ящика. Позолотив два из них со всех сторон и наполнив их смрадными костями мертвецов, запер их золотыми крючками. А остальные, вымазав смолою и асфальтом, наполнил драгоценными камнями, жемчугом и различными благовонными веществами. Перевязав их волосяными веревками, он призвал вельмож, осуждавших его за встречу с упомянутыми мужами, и положил пред ними четыре ящика с

тем, чтобы они оценили достоинство каждого. Вельможи определили, что позолоченные два ящика очень ценны, потому что в них, наверное, царские короны и царские пояса, а вымазанные асфальтом и смолой,— говорили они,— малой и жалкой ценности. Тогда царь сказал им: "Я знал, что вы скажете это. Вы своими наружными глазами обращаете внимание и цените только внешность, но не так следует делать: следует внутренними глазами смотреть на внутреннюю ценность или безценность".

И приказал открыть позолоченные ящики. Страшный смрад понесся оттуда, и самый неприятный вид представился их глазам. "Это подобие людей, одетых в дорогая и блестящая одежды, гордых своей славой и могуществом, внутри же смрадных, подобно трупу, по причине своих дурных дел",— сказал царь. После этого он велел открыть ящики, вымазанные смолой и асфальтом! Тогда прекрасный вид представился всем присутствующим, и кругом распространилось благовоние. Царь обратился к ним и сказал: "Знаете ли, кому подобны эти ящики? Бедным, одетым в убогия одежды. Видя их внешность, вы сочли унижительным для меня преклониться пред ними, а я, познав сердечными очами благородство и красоту душ их, почел для себя за честь прикоснуться к ним и счел их выше царского венца и царской пурпуровой одежды". Пристыдив их таким образом, он научил их не судить по внешнему виду о достоинстве человека, но обращать внимание на духовную его сторону. Подобно этому благочестивому и мудрому царю и ты поступил, приняв меня в надежде узнать от меня что-нибудь хорошее. Я полагаю, что ты не обманешься в ней".

Иоасаф сказал ему на это: "Все это сказано тобой хорошо и уместно, но одно я хотел бы знать: кто твой Господь, о Котором ты сказал в рассказе о сеятеле"?

— Если ты хочешь узнать о моем Господе,— отвечал Варлаам,— то мой Господь — Иисус Христос, Единородный Сын Божий, всеблаженный и всемогущий, Царь царствующих и Господь господствующих. Он один безсмертен и во свете живет неприступном, прославляемый со Отцом и Святым Духом. Так как я не из тех, которые признают многих ложных богов и поклоняются бездушным немым идолам, но верую во Единого Бога, прославляемого в трех ипостасях; в Отце, Сыне и Святом Духе, Единого Существа и единой

славы, царствующих в едином, нераздельном царстве. Этот триипостасный Бог есть Дух вечный, нерукотворенный, неизменяемый, невидимый, непостижимый, всеблагий, всеправедный, сотворивший все из ничего: и видимое и невидимое. В начале Он создал бесчисленное множество невидимых безтелесных духов небесных—слуг величия Божия. Потом Он сотворил видимый мир—небо, землю и воды. Этот мир Он украсил светом; небо—солнцем, луною и звездами; землю—различными животными и растениями; воды же наполнил рыбами.—Все это Он сотворил словом: *Той рече и быша. Той повеле и создашася.* (Пс. 148, 5).

Затем Он создает человека Своими руками, взяв земной прах, из которого создал тело и вдунул в него душу, одаренную разумом. По Писанию, она сотворена по образу и по подобию Божию: по образу — вследствие свободной воли, а по подобию — вследствие добродетелей. Дав первому человеку свободную волю и бессмертие, Он назначил его царем на земле. Из ребра его Он создал ему в помощники жену. И, насадив рай в Эдеме, на востоке, полный радости и веселия, поместил туда человека, которого сотворил, позволив ему пользоваться всеми находящимися там насаждениями. От одного только дерева Он запретил ему вкушать плоды, называемого деревом познания добра и зла, сказав: *в день в который ты вкусишь от него—смертию умрешь* (Быт. 2, 17).

Один из Ангелов, первый из них, не получивший от Творца даже и тени зла, но созданный добрым, по собственному желанию обратился от добра ко злу. Он безумно возгордился и вздумал противиться Господу Богу, за что и был изгнан из числа Ангелов, лишен своего достоинства и вместо блаженной славы и Ангельского имени, назван был диаволом и сатаною. Бог отверг его, как недостойного вечной славы. Вместе с ним Он отдалил и отвергнул многих подчиненных ему ангелов, которые последовали примеру своего начальника и употребили во зло свою свободную волю вместо того, чтобы употребить ее на добро. Они названы были злыми духами, как обманщики и соблазнители. Отрекшись совершенно от всякого добра, диавол стал злым и выказал зависть к человеку. Видя себя лишенным такой почести, он начал замышлять о том, чтобы лишить и человека блаженной жизни. С этой коварной целью он вошел в змия, а чрез него обратился к жене и убедил ее отведать запрещенного плода, уверяя ее,

что, вкусивши этого плода, человек делается равным Богу. Чрез нее змий обманул также и Адама (так назывался первый человек). Вкусив запрещенного плода, первый человек был лишен райского блаженства. Вместо блаженной вечной жизни он получил в удел эту, полную бедствий и скорбей жизнь и, в конце концов, был осужден на смерть. С тех пор диавол возымел власть над человеком и, с умножением рода человеческого, гордясь своею победой, он всячески подстрекал людей к злу. Бог, желая прекратить умножение грехов, послал на землю потоп, истребивший всех живущих существ, кроме одного только праведника в этом роде, которого Бог оставил в живых, спасши его с женою и детьми в ковчеге, после чего Он поставил его одного над всею землею. Когда же люди начали размножаться, то они снова забыли Бога и впали в нечестие. Развращенные и порабощенные различными грехами, они приняли различныя заблуждения: одни думали, что все само собою происходит и живет, и учили, что нет никакого Высшего Существа; другие впали в фанатизм; некоторые признавали богов, имеющих собственныя страсти и нечестия, помогающих злым делам. Сделав их изображения в виде деревянных безчувственных идолов, они выставляли их в храмах, поклонялись и служили им — вещам, которыя сами сделали. Одни поклонялись солнцу, луне и звездам, которыя Бог назначил для служения этому земному миру,— безжизненным и безчувственным, дающим свет по Промыслу Божию, но не по собственному побуждению и желанию. Другие поклонялись огню, воде и другим естественным стихиям. И существа, одаренныя душою и разумом, не стыдились обожать их. Иные поклонялись животным и пресмыкающимся гадам, считая себя хуже их; некоторые же признавали богами ничтожных людей—мужчин и женщин. Сами эти люди рассказывали о том, что их боги были прелюбодеями, убийцами, злыми, завистниками, грабителями, отце и братоубийцами, ворами, отравителями, хромыми, калеками и бешеными, что они умирали, бывали поражаемы громом, бывали порабощаемы людьми, убиваемы, оплакиваемы, и что они творили разныя постыдныя дела.

Люди с самих своих богов брали примеры нечестия, вследствие чего они без всякаго стыда оскверняли себя всякими беззаконными делами. Страшный мрак господствовал тогда среди нашего человеческого рода. Не было тогда почитателей истиннаго Бога, никто не пытался Его даже

и найти. Среди этого поколения нашелся один только Авраам, у которого были здоровые душевные чувства. Созерцая внимательно творения мира, он дошел до познания их истинного Творца. Созерцая небо, землю, море, солнце, луну и пр., он удивлялся их целесообразности и эту целесообразность вселенной приписывал не самообразованию мира, не земным стихиям, не бездушным и безжизненным идолам, но всемогуществу и мудрости истинного Бога, Который и есть Творец всего. Бог Сам являлся ему, не в Своем истинном образе (ибо видеть Бога никто не может), но в каких-нибудь жизненных видимых образах, что возможно Его могуществу. Вложив в его душу более совершенное познание о Себе, Он прославил имя его и сделал Своим служителем, Внушая по очереди благочестие всем потомкам Авраама, Бог научил их истинному познанию, произвел от них многочисленное племя, которое назвал Своим избранным народом.

Когда этот народ был поработан египтянами при одном тиране— Фараоне, Бог посредством ужасных, изумительных чудес и знамений вывел избранный народ из Египта через Моисея и Аарона, мужей святых и удостоенных дара пророчества. Через них Он достойно наказал египтян за их жестокость и провел израильтян (так называется этот народ от имени внука Авраама) по дну Чермного моря, разсекши воды так, что справа и слева образовалось по стене. Когда же Фараон с египтянами погнался за ними по их следам, то возвратившаяся на свое место вода всех преследовавших истребила. Потом, проводя Свой народ чрез пустыню в продолжение 40 лет с великими знаменами и чудесами, питая их небесною пищею, Бог дал им закон, написанный на двух каменных скрижалях, которые Он вручил Моисею на горе Синай. Этот закон, запрещающий идолов и все дурные дела, учащий веровать и поклоняться единому истинному Богу и творит добрые дела послужил образцом, основою всех последующих законов. Производя постоянно среди израильтян чудеса, Бог привел их в прекрасную страну, которую Он некогда обещал Аврааму дать его потомкам. Долго можно было бы рассказывать о всех тех делах, великих и изумительных, славных и редких, которые Господь творил среди них. Цель всех этих чудес была та, чтобы отвлечь род человеческий от всякаго беззакония и нечестия и возвратить ему его первоначальное предопределение. Но и до сих пор сила греха имеет над ними власть, и

смерть царствует над людьми по проискам диавола, осуждая всех на ниспослание в ад. Когда мы дошли до такого жалкого положения, Создатель не отвернулся от нас. Он не допустил до окончательной гибели творений рук Своих. По желанию Бога Отца, Единородный Сын Божий, рожденный от Отца, единосущный Отцу и Святому Духу, истинный Бог, вечный и всемогущий, как и Отец, нисходит к Своим рабам и, будучи совершенным Богом, делается совершенным Человеком, воплотившись от Духа Святаго и Пресвятыя Девы Марии. К Пречистой Деве послан был один из Архангелов возвестить о непостижимом зачатии и рождении, непостижимом потому, что Сын Божий без отца зачался в Пресвятой Деве от Духа Святаго. Прияв от Пресвятой Девы Тело, одушевленное разумною душою, Христос явился нам, соединяя в Себе два естества — Божеское и человеческое, причем сохранил непорочно родившую Его Пречистую Деву. И, приняв на Себя все челвеческое, кроме греха, Он принял и наши немощи, наши недуги. Так как смерть вошла в мир чрез грех, то нужно было, чтобы наш Искупитель был безгрешен и неподвержен смерти за грехи. Прожив среди людей 30 лет, Он принял в реке Иордан крещение от Иоанна, мужа святаго и стоявшаго выше всех Пророков. Во время крещения Господа Иисуса Христа раздался с неба голос Бога Отца: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое Благоволение* (Матф. 3, 17). И Дух Святы́й сошел на Него в виде голубя. Христос начал творить великия и изумительныя чудеса: мертвых Он воскрешал, слепым даровал зрение, духов изгонял, немых и глухих исцелял, прокаженных очищал и всюду возстановлял природу нашу в первоначальном виде, делом указывая нам истинный путь добродетели, устраняя нас от гибели и направляя к вечной жизни. Затем Он избрал Себе 12 учеников, которых назвал Апостолами и поручил им возвестить всем о небесной жизни, объявить которую Он пришел на землю. Своими делами Господь сделал нас, жалких земных обитателей, причастными неба. Но первосвященники и старейшины иудейские (Он жил в их стране), не влюби́ли Его, завидуя Его удивительным и Божественным действиям, знамениям и чудесам, которыя они видели. Забыв все сделанное Христом добро, они, предательски овладев Им чрез одного из Его учеников, представили Его на суд язычников; обвинив во многом, они добились осуждения Его на крестную смерть. Господь добровольно решил нести все это,

ибо пришел пострадать за нас, желая освободить человека от страданий. Все эти страдания Господь переносил человеческою плотью, причем Его Божество не страдало, ибо Он состоял из двух естеств: Божеского и человеческого; человеческое естество Он принял ради нас и им Он страдал, Божеством же не страдал и не умирал. Тело безгрешного Иисуса Христа было распято; но Он не подлежал смерти, *потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его* (Ис. 53, 9) ибо чрез прегрешение, как я упомянул, смерть вошла в мир, как говорит Апостол Петр, но Он ради нас умер плотию, чтобы избавить нас от власти смерти. Сошедши во ад и сокрушив его, Иисус Христос освободил оттуда искони веков заключенные там души. Положенный во гроб, Он воскрес на третий день. Победив смерть, даровал нам победу над нею. Сделав Свою плоть нетленною, Спаситель явился Своим ученикам, даровав им мир, а чрез них всему роду человеческому. По прошествии 40 дней, Он вознесся на небо и возсел одесную Отца. Он снова придет на землю судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его. После Своего славного вознесения на небо, Господь ниспослал на Своих учеников Духа Святого в виде огненных языков, после чего они начали говорить на чужих языках. Получив дары Святого Духа, Апостолы разсеялись по всем народам, проповедуя истинную веру, крестя во имя Отца и Сына и Святого Духа, наставляя исполнять все заповеди Спасителя. Просвещались Духом находившиеся в заблуждении язычники; благодаря проповеди у них было уничтожено суеверие и почитание идолов. Дьявол, не перенося поражения, и доселе ведет с нами борьбу, внушая глупым и неразумным сохранять идолопоклонство, но его сила оказалась слабой и его меч окончательно упал пред силою Христа. Так вот, я вкратце дал тебе понятие о моем Господе Боге и Спасителе, подробнее же ты узнаешь, если всей душой примешь Его учение и сделаешься Его рабом".

Когда царский сын выслушал эти слова, то свет подобно молнии озарил его душу. В избытке радости, пораженный, он поднялся с трона и сказал Варлааму: "Это тот безценный камень, как я догадываюсь, почтеннейший из людей, который ты, естественно, держишь в тайне, не показывая его всякому желающему; тот камень, благодаря которому поддерживается бодрость душевных сил, потому что, как только я услышал твои слова, благодатный свет проник в мое сердце, и спало с

души моей то тяжелое покрывало, которое уже долгое время тяготило мою душу. Поэтому, если мое предположение справедливо, то скажи мне это. Если же ты знаешь что-нибудь лучше сказанного, то не откажи поведать мне и то".

Варлаам ответил ему на это: "Да, мой господин и царь, это та великая тайна, скрываемаемая от мира сего и вместе с тем с самага сотворения человека открываемаемая роду человеческому. Ее открывали в древности многие пророки и проповедники, просвещаемые Святым Духом, многообразно и гласом велиим проповедовавшие ее. И все они, предвидя будущее спасение, желали быть его свидетелями, но не дожили до этого. Теперешнее же поколение удостоилось принять его. *Кто поверит и крестится, тот спасен будет, а кто не поверит, осужден будет* (Марк 16, 16).

Тогда Иоасаф сказал: Всему, сказанному тобою, я безусловно верю и признаю Бога, Котораго ты проповедуешь. Одно только ты мне непременно разьясни и непреложно научи: что мне следует делать, и что такое то крещение, которое должен, как ты говоришь, принять верующий"?

На это ему Варлаам ответил: "Благодатный дар крещения есть как бы корень или твердое основание святой и безупречной христианской веры, спасающей человека от прирожденной способности грешить и от зла, происшедшаго от людских пороков. Так Спаситель велел возрождаться водою и Духом Святым и этим водворяться в первоначальном достоинстве. Крестимся мы, по словам Господа, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Тогда живут в душе крестившагося дары Духа Святаго, просвещающие ее, делающие богоподобною и возобновляющие ее по образу и подобию Божию. Освободив душу от зла, свойственнаго ей вследствие прежних дурных дел, мы заключаем с Богом завет, другой новой жизни и получаем основание для этой, более чистой жизни. Благодаря чему делаемся сонаследниками возродившихся для бессмертия и достигнувших вечнаго спасения. А без крещения никто не может надеяться, хотя бы он был благочестивейшим из благочестивых. Ибо воплотившийся для нашего спасения Сын Божий сказал: *Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие* (Иоанн. 3; 5). Итак, прежде всего, уверовав в душе, с искренним

желанием приступи сейчас же к крещению и ни в каком случае не откладывай этого, ибо откладывание опасно, вследствие неизвестности времени нашей смерти".

Тогда Иоасаф сказал: "О какой это надежде говорил ты, которая без крещения не может исполниться? Что это за царство, которое ты называл небесным? Откуда ты слышал слова воплотившагося Бога? Что это за неизвестность времени смерти, мысль о которой давит мое сердце и причиняет мне горе и скорби, уничтожающая мою плоть, и даже сдает крепость костей моих? И если мы умрем, то уничтожимся ли совершенно, или по прекращении этой жизни есть другая какая-нибудь жизнь? Я желал бы знать все это".

На все эти вопросы Варлаам отвечал следующим образом: "Та благая надежда, о которой я сказал, есть надежда на царствие небесное. Царствие же это совершенно невыразимо на человеческом языке. Священное Писание говорит: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2; 9). Когда же мы будем достойны, оставивши эту грубую плоть, достигнуть небесного блаженства, тогда Сам Господь, давший возможность исполниться нашей надежде, покажет нам, какова слава всех этих благ, непостижимая для ума, и каков тот невыразимый свет и непрестанная жизнь с Ангелами. Если мы будем удостоены жизни с Богом, на сколько это достижимо для человеческой природы, то будем все знать от Него, чего мы теперь не знаем.

Все это я почерпнул из боговдохновенных книг Священного Писания, учащих этому, и выше всего ставлю царствие небесное, где я буду близок к созерцанию Святой Животворящей Троицы, буду очищен и озарен неприступным светом и узрю блеск Ее невыразимой славы. Нет ничего удивительного, что нельзя выразить словом ту славу, тот свет и то благо, так как они не были бы великими и необыкновенными, если бы были доступны нашему уму и выразимы словом, доступны для нас, жителей земли, облеченных в это грубое тленное тело. Думай об этом так, прими все это с верой, что оно не заключает в себе ничего вымышленного и старайся чрез добрые дела достигнуть этого бессмертного царства. Если ты достигаешь его, тогда познаешь все совершенно.

Что же касается того, что ты спросил, как мы услышали слова воплотившагося Бога, то мы познали все о Божественной Его деятельности чрез Св. Евангелие. Так называется та часть Св. Писания, которая благовествует нам о бессмертии, о вечной жизни, об оставлении грехов и царствии небесном. Ее написали свидетели и служители Слова Божия, о которых я сказал выше, говоря, что Христос, Спаситель наш, избрал Себе учеников и Апостолов. Они передали нам письменно, после славнаго вознесения Господа на небо, о Его земной жизни, Его учении и чудесах, на сколько это возможно было передать письменно. Ибо избранный св. Евангелист так сказал в заключение своего повествования: *Многое и другое сотворил Иисус, но если бы писать о том подробно, то думаю и самому миру не вместить бы написанных книг* (Иоан. 21, 25).

В Св. Евангелии заключается повествование о воплощении, учении, чудесах и делах Христовых, написанное Духом Святым. Повествуется о славном страдании, которому Господь подвергнул Себя ради нас, о смерти, святом воскресении на третий день после смерти, и о вознесении на небо, кроме того, о Его будущем страшном пришествии во славе. Ибо Сын Божий вторично придет во всей Своей славе, со всеми небесными легионами, судить род человеческий и воздать каждому по делам его. Бог сотворил человека из земли, как я сказал тебе раньше, вдунул в него дыхание жизни, которое называется душою. Душа есть существо духовное и разумное. Так как мы осуждены на смерть, то мы все умираем. И никто из людей не может избежать этого. Смерть души отлична от смерти тела. Тело, созданное из земли, снова обращается в землю отдельно от души и, разлагаясь, уничтожается. Душа же, будучи бессмертна, отправляется туда, куда велит Господь, смотря по тому, какое место она сама себе уготовала в сожитии с телом. Что кто посеет здесь, то он пожнет там.

Потом, через много лет, придет Христос, Бог наш, в страшной и невыразимой славе Своей, судить мир, устрашась Котораго небесныя силы придут в ужас, и все легионы Ангелов в трепете предстанут пред Ним. Тогда по гласу Архангела и по трубе Бога, воскреснут все мертвые и предстанут пред Его грозным троном. Воскресение есть соединение опять души с телом. Тело же, уничтожившееся и рассыпавшееся, возстанет невредимым; и пусть тебе это не кажется невероятным. Нет ничего невозможнаго, чтобы тело, созданное с

самого начала из земли и превратившееся опять в землю, из которой было сделано, по повелению Создателя, снова возстало невредимым. Достаточным доказательством возможности этого будет для тебя то, если ты представишь себе, сколько всего Бог сотворил из ничего (потому что Бог сотворил человека из земли, которой прежде не было). Каким же образом земля стала человеком? Каким образом появилась земля, несуществовавшая прежде? Какую подпору имеет она? Каким образом на ней появились бесчисленные роды неодушевленных предметов, растения и другия произведения? Откуда такое разнообразие тварей? Сотворившему все из ничего и теперь еще творящему вполне возможно возстановить из земли умерших и разложившихся тела, чтобы каждый получил по делам своим.

Здесьняя земная жизнь — жизнь деяний, будущая же — жизнь воздаяний за деяния. В этом воскресении и воздаянии и заключается справедливость Божия. Ибо многие праведники, потерпев здесь много невзгод, подверглись насильственной смерти. Другие же безбожники и беззаконники провели земную жизнь в неге и благоденствии. Но Бог, будучи благ и справедлив, назначил час воскресения, в который каждая душа, соединившись с своим телом, получит должное.

Грешник, наслаждавшийся здесь благополучием, там будет наказан за свои прегрешения; праведник же, получив здесь возмездие за свои проступки, там сделается сонаследником вечных благ, ибо *наступает время, в которое все находящиеся во гробах услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения* (Иоан. 5; 28, 29). И возсядет тогда на трон наш Создатель, и откроются книги, в которых записаны все наши дела, слова, желания и самыя сокровенныя мысли.

Тогда ничто не сможет отклонить правильного суда: ни искусный защитник, ни убедительность речей, ни ложное оправдание, ни богатство, ни знатность, ни подарки. Но неподкупный, праведный Судия справедливо будет судить каждого за его дела, слова и помышления. И тогда отправятся творившие добро в жизнь вечную, в невыразимый свет, веселясь вместе с Ангелами, наслаждаясь неслыханными и невиданными благами, созерцая Св. Троицу. Сотворившие же зло, все нечестивцы и грешники пойдут на вечное мучение. Наказаниями будут: огненная печь, страшный мрак,

постоянно глодающий червь, скрежет зубов и другия безчисленные казни. Самое же тяжелое наказание — отчуждение от Бога, отторжение от лица Его, лишение лицезрения Его славы, выставление на вид каждого дела и безпредельный позор.

Ибо после этого Страшного Суда все останется непреложным и неизменным: и безконечная блаженная жизнь праведников, и бедственная мучительная грешников. После не будет ни другаго высшаго судьи, ни другаго суда. Не будет также отсрочки для раскаяния грешников. Тогда виновным не будет уже никакого пути миновать вечнаго заслуженнаго наказания. Если это так, то как нам следует вести себя, чтобы избежать угрожаемаго наказания и стать одесную Сына Божия? Ибо там становятся праведники. Грешникам же предстоит занять злополучное место — ошую Сына Божия. После этого Господь вводит праведных, благословенных Отцом в вечное царство. Грешников же Он с гневом и проклятием, отбросив от кроткаго лица Своего, отсылает в самое тяжелое, вечное наказание".

Тогда Иоасаф говорит Варлааму: "Ты, человек, говоришь что-то великое, удивительное, приводящее в страх и трепет, если только все это так, если за смертью и превращением в прах и пепел следует возстановление и воскресение, награды и наказания за прошлую жизнь. Но какое доказательство всего этого? И каким образом вы так безусловно и твердо поверили невиданному еще доселе? Ибо о сделанном и подтвержденном фактами вы могли услышать из свидетельства очевидцев, хотя бы сами не видели. Но как вы можете так уверенно проповедывать столь великое и чрезвычайное будущее"?

Учение о будущем страшном пришествии Христа.

На это Варлаам ему отвечает: "Из дел, которые уже совершены, я приобрел уверенность и в будущих делах. Ибо те, кто возвестили это, не погрешили ни в чем против истины, но подкрепляли слова свои разными знаменами и чудесами, они же изъясняли и будущия дела. Как о настоящем они не учили ничему нелепому или вымышленному, но все осветили ярче солнца, чтобы они ни говорили или делали, так и о будущем они учили истинно. Кроме того, Сам Господь Иисус Христос подтвердил это делом и словом. Он говорит: *Не дивитесь сему, ибо — наступает время, в которое все, находящиеся во гробах, услышат глас Сына Божия и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения* (Иоан. 5, 28, 29). И далее: *Истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут* (25 ст.). В другом Он снова говорит: *А о воскресении мертвых не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова. Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Матф. 22; 31—32). И еще: *Посему, как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего. Пошлет Сын человеческий Ангелов Своих и соберут из царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную, там будет плач и скрежет зубов. Тогда праведники возсияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит* (Матф. 13; 40—43).

Этими и многими другими словами Господь свидетельствовал о воскресении тел. Он и делом подтвердил Свои слова, воскресив многих из мертвых.

Так, к концу своей земной деятельности Он вызвал из гроба и оживил умершего уже четыре дня Лазаря, друга Своего, начавшего разлагаться и смердеть.

Кроме того, Сам Господь был первым примером совершенного воскресения. Он воскрес на третий день после Своей смерти, возстав

первым из мертвых. Хотя воскресли и другие мертвые, но они снова умерли и предупредили будущее истинное воскресение. Христос же был единственным представителем истинного воскресения, первый воскреснув безсмертным. Так возвестили и очевидцы, и первые служители Слова Божия. Блаженный Павел, призвание которого было не от людей, но с неба, говорит: *Напоминаю вам, братие, Евангелие, которое я благовествовал вам. Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день по Писанию. Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще в грехах ваших. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживают (1 Корин. 15; 1. 3. 4. 12. 13. 17. 19—22).*

И немного далее: *Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в безсмертие. Когда же тленное, сие облечется в нетление и смертное сие облечется в безсмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть, где твое жало? ад! где твоя победа? (53—55).* Тогда сила смерти совершенно уничтожится, исчезнет и впредь у людей будет безсмертие и вечное нетление. Будет, несомненно будет воскресение мертвых, и мы этому непреложно верим. Знаем также, что будут наказания и награды за земную жизнь в день страшного пришествия Христа, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают. Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда (2 Петра 3, 12—13).

Относительно же того, что предстоит награда или наказание за здешния дела и что будет принято во внимание не только доброе или дурное дело, но и предстоит возмездие и за слово, и за помыслы, Господь говорит: *И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей (Матф. 10, 42).* И в другом месте: *Когдаже придет*

Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей; и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастыр отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира. Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня, был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне (Матф. 25, 31—36). Этим Он высказал, что делая благодеяния бедным, мы делаем Ему благодеяние. Всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того исповедую и Я пред Отцом Моим небесным (Матф. 10, 32).

Всеми приведенными и многими другими словами Спаситель высказал, как прочны и верны награды за добрые дела. Но, вместе с тем, Господь предвозвестил чрез Свои чудеса и притчи, которые были сказаны очень мудро Источником мудрости, что за дурные дела предстоит наказание.

Например, Он сказал это в притче о богатом и бедном: *Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях, и желал напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его. И, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мной и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучусь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь (Лук. 16; 19—25).*

В другом месте, изображая царствие небесное, Он говорил: *Царствие небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего (Матф. 22, 2). Говоря так о будущей радости и свете, Христос говорил людям ничтожным, погруженным в земные заботы, поэтому Он в Своих притчах приспособлялся к предметам,*

близким и понятным для них. Конечно, в царствии небесном нет ни браков, ни пиршеств, но Господь снисходил к их грубой невежественности и, желая выяснить будущую жизнь, воспользовался этими названиями:

И послал рабов своих звать званых на брачный пир, и не хотели прийти. Опять послал других рабов, сказав: Скажите званным: вот я приготовил обед мой, телѣцы мои и что откормлено заколото и все готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою. Прочиеже, схватив рабов его, оскорбили и убили их. Услышав о сем, Царь разгневался и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их. Тогда говорит он рабам своим: брачный тир готов, а званые не были достойны. Итак, подите на распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, вышедши на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых, и брачный пир наполнился возлежащими. Царь, вошед посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетаго не в брачную одежду, и говорить ему: друг, как ты вошел сюда не в брачной одежде? Онже молчал. Тогда сказал царь слугам: связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов (Матф. 22, 3—13).

Позванные, но не послушавшиеся—суть не уверовавшие во Христа и или оставшиеся в идолопоклонстве, или в другой какойнибудь вере. Не имевшийже брачной одежды—это, хотя уверовавший, но запятнавший свою духовную одежду порочными делами; он был справедливо изгнан из брачного пира.

Сказал Христос и другую притчу, подобную этой, где Он выставил десять дев, которыя, взяв светильники свои, вышли на встречу жениху. Из них было пять мудрых и пять неразумных. Неразумная, взяв светильники свои, не взяли с собой масла. Мудрыя же вместе со светильниками своими взяли масла в сосудах своих, (здесь Он разумел под маслом творение добрых дел). И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот жених идет, выходите на встречу ему, (под приходом жениха разумеется неопределенность времени Страшного суда). Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумнаяже сказала мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрыя

ответили: чтобы не случилось недостатка и у нас, и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когдаже пошли оне покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились. После приходят и прочия девы и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Онже сказал им в ответ: истинно, говорю вам, не знаю вас (Мат. 25, 1—12).

Из всего этого ясно видно, что возмездие будет не только за богопротивныя дела, но и за слова, и помышления. Спаситель сказал: *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда (Матф. 12, 36).* И в другом месте: *У вас же и волосы на голове все сочтены (Матф. 10, 30).* Этими словами Он высказал, что и самыя сокровенныя наши мысли и желания откроются.

Согласно с этим говорит и блаженный Павел: *Ибо слово Божие живо и действенно, и острее всякаго меча обоюдоостраго: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечныя. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами Его: Ему дадим отчет (Евр. 4, 12 13).* То же самое за много лет до Него возвестили Пророки, просвещаемые Святым Духом: *Ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою. Ибо как новое небо и новая земля, которыя Я сотворю, всегда будут перед лицом Моим, говорит Господь, так будет приходить всякая плоть пред лицо Мое на поклонение. И будут выходить и увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет и огонь их не угаснет; и будут они мерзостью для всякой плоти (Ис. 66, 18; 2224).* В другом месте сей Пророк говорит о дне Страшнаго Суда: *И небеса свернутся, как свиток книжный, и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист со смоковницы (Ис. 34, 4).* Вот приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нея грешников ея. *Звезды небесныя и светила не дадут от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим.*

И положу конец высокоумию гордых и уничтожу надменность (Ис. 13, 9). И еще: *Горе тем, которые влекут на себя беззакония вервями суетности и грех, как бы ремнями колесничными. Горе тем, которые зло называют добром, а добро — злом, тьму почитают светом и свет*

тьмою, горькое почитают сладким и сладкое горьким! Горе тем, которые храбры пить вино и сильны приготавливать крепкий напиток; которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного! (Ис. 5, 18—23). Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокия решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа Моего, чтобы вдов сделать добычею своею и ограбить сирот. И что вы будете делать в день посещения, когда придет гибель издалека? К кому прибегнете за помощью? И где оставите богатство свое? (Ис. 10, 13). За то, как огонь съедает солому, и пламя истребляет сено, так истлеет корень их, и цвет их разнесется, как прах, потому что они отвергли закон Господа Саваофа и презрели слово Святаго Израилева (Ис. 5, 24).

Согласно с этим говорит и другой Пророк: *Близок великий день Господа, близок и очень поспешает; уже слышен голос дня Господня; горько возопиет тогда и самый храбрый! День гнева — день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен. И Я стесню людей, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили против Господа, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их — как помет. Ни серебро их, ни золото их не может спасти их в день гнева Господа, и огнем ревности Его пожрана будет вся эта земля; ибо истребление и притом внезапное совершит Он над всеми жителями земли (Софон. 1, 14—18). Царь и пророк Давид восклицает: Грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поедающий, и вокруг Его сильная буря; Он призывает свыше небо и землю, судит народ Свой (Пс. 49, 3—4). И далее: Возстан, Боже, суди землю. И гнев человеческий обратится во славу Тебе, ибо Ты воздашь каждому по делам его (Пс. 81, 8; 75, 11; 61, 13).*

Много и другого подобного говорил псалмопевец Давид и все пророки, чрез которых вещал Дух Святой о будущем Суде и воздаянии по делам; их слова и Спаситель подтвердил непреложно, научив нас верить в воскресение мертвых и в воздаяние за земную жизнь, и в будущую бессмертную, вечную жизнь".

Иоасаф, выслушав сказанное, был весь в слезах. Тогда он говорит старцу: "Ты выяснил мне ясно все, и я понял твои страшные и удивительные слова. Если это нам предстоит, то что нужно делать, чтобы избежать наказаний, уготованных грешникам, и быть удостоенным радости праведников?"

Варлаам отвечал ему: "В Писании сказано, что, когда однажды Апостол Петр поучал народ, то многие сокрушились в сердце своем, как и ты сегодня. Когда же они спросили Его, что нам делать, то Петр сказал: *Покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Св. Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш* (Деян. 2, 38—39).

Он и на тебя излил богатство Своего милосердия и призвал тебя, далеко отстоящего от Него в мыслях и поклоняющегося чужим... не богам, но злым духам, деревянным, безжизненным и безчувственным идолам. Посему, прежде всего обратись к Призвавшему тебя, от Которого ты получил познание видимого и невидимого. Если же ты и после призвания не захочешь или замедлишь обратиться к Богу, то ты будешь осужден праведным судом Божиим. И тогда за то, что ты Его не захотел, Он тебя не захочет, ибо так говорил тот же самый Апостол Петр одному из учеников своих.

Но я надеюсь, что ты внял призыванию, возьмешь на себя крест и последуешь за призвавшим тебя Господом Богом, Который призывает тебя от смерти к жизни и от мрака в свет. Ибо незнание Господа есть истинный мрак и смерть души, и порабощение идолам, наперекор природе, есть верх всякой глупости. Кому мне уподобить их? Как выразить безумие таких людей?

Я тебе приведу подтверждение их безумия, высказанное мне одним премудрым мужем. Он говорил, что идолопоклонники подобны птицелову, поймавшему соловья. Когда он поднял руку, чтобы заколоть и съесть его, то соловей вдруг, обращаясь к нему, заговорил человеческим голосом: "Какая тебе, человеке, польза от моего заклятия? Ты мною даже не сможешь наполнить своего желудка. Но если ты выпустишь меня из сетей, то я дам тебе три заповеди, исполняя которые ты всю свою жизнь будешь извлекать пользу". Птицелов, пораженный его говором, сказал соловью, что если он

услышит от него что-нибудь новое, то тотчас же освободит его из плена. Тогда соловей сказал: "Не предпринимай никогда ничего недостижимого, не раскаивайся в делах совершенных, не верь никогда сомнительным делам и словам. Исполняя эти три заповеди, ты будешь благоденствовать". Птицелов, которому понравилась простота и истина этих слов, выпустил его из сетей.

Тогда соловей, желая испытать, усвоил ли птицелов сущность данных ему советов и может ли он поэтому извлекать из них выгоду, говорить ему, летая в воздухе: "Увы, человек! Какое сокровище ты сегодня выпустил из рук! Внутри меня есть жемчуг, превосходящий по своей величине яйцо страуса". Птицелов, услышав это, очень огорчился, раскаиваясь, что выпустил такого соловья из своих рук; пытаясь поймать его, он сказал: "Пойдем со мною в дом мой, я радушно приму тебя и с почетом отпущу". Тогда соловей сказал ему: "Я теперь узнал, что ты ужасно глуп, потому что, выслушав и охотно приняв во внимание сказанное мною, ты не мог извлечь из этого пользы. Я сказал тебе, чтобы ты не раскаивался в прошедшем, а ты вот совершенно опечалился, что выпустил меня из своих рук и, таким образом, раскаялся в прошедшем. Потом, я заповедывал тебе не браться за недостижимое, а ты вот стараешься опять поймать меня, хотя не можешь последовать за мною. Кроме того, я говорил тебе не верить сомнительным словам, а ты поверил, что во мне находится драгоценный камень, превышающий размером мой рост, и ты даже не постарался понять, что я весь по своей величине меньше страусова яйца. Как бы я мог вместить в себе такой большой драгоценный камень?" Подобным образом безумствуют и верующие в идолов, ибо они сделали их своими руками и поклоняются тому, что сделали сами, говоря: "Это наши творцы". Как они могут считать своими творцами то, что само есть творение их же рук? Эти люди оберегают своих идолов, чтобы те не были похищены ворами, а между тем называют их же хранителями своего спасения. До какого безумия нужно дойти, чтобы не понимать, что те которые, не в состоянии помогать и охранять себя, тем паче не в состоянии охранять других. *И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шетунам и чрезовещателям, тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? спрашивают ли мертвые о живых?* (Ис. 8, 19). В Священном Писании сказано: *Подобны им будут делающие их и*

всякий, кто надеется на них (Пс. 134, 18). Высыпают золото из кошелька, и весят серебро на весах и нанимают серебряника, чтобы он сделал из него бога; кланяются ему и повергаются перед ним. Поднимают его на плеча, несут его и ставят его на свое место; он стоит, с места своего не двигается; кричат к нему, он не отвечает, не спасает от беды (Ис. 46, 6—7). Тогда обратятся вспять и великим стыдом покроются надеющиеся на идолов, говорящие истуканам: вы наши боги(Ис.42,17). Приносили жертвы бесам, а не Богу; богам, которых они не знали, новым, которые пришли от соседей. Они род развращенный, дети, в которых нет верности (Втор. 32, 17—30).

Из этого коварного и неверного рода призывает тебя Господь, говоря тебе: *Иди, иди, выходи оттуда, не касайся нечистаго; выходи из среды его; очисти себя, носящий сосуды Господни* (Ис. 52, 11); *спасайся из сего развращенного рода* (Дъян. 2, 40). *Встань и уходи, ибо страна сия не есть место покоя* (Мих. 2,10). Многочисленность ваших богов бывает причиною беспорядков, даже мятежей, и совершенно неправдоподобна. У нас совсем не так: у нас нет многих богов и властителей, но у нас один Бог Отец, из Котораго все и мы для Него; и один Господь Иисус Христос, Которым все и мы Им, Который есть также невидимый Истинный Бог, родившийся от Отца прежде сотворения всякой твари и прежде всех веков. Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, начальство ли, власти ли,—все Им и для Него создано. Он есть прежде всего, и все Им стоит; и един Святой Дух Животворящий властитель всего, Бог Истинный, Дух благий, Дух утешения, Дух усыновления.

Таким образом, у нас один Бог, троичный в Лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. У Них одна природа, одно царство, одно могущество, одна слава, одно бытие, различаемое только свойствами каждой Ипостаси: Отец никогда ни от Кого не рождался; Единородный Сын предвечно рождается от Отца; Дух же Святой предвечно исходит от Отца. От света Отца рождается свет Сына и исходит свет Духа Святаго, которым и мы освещаемся. В трех Ипостасях мы прославляем единое Божество: единого, Истин-наго Бога, познаваемого в Нераздельной, Единосушной Троице. Из Него все, Им все и для Него все.

По Его милости я узнал о твоём существовании и был послан к тебе, чтобы научить тебя тому, чему я сам был научен. Поэтому, если ты уверуешь и крестишься, то будешь спасен, если же не уверуешь,— будешь осужден. Все, что видишь ты теперь, все то величие, которым ты окружен, как-то: богатство, слава, роскошь — скоро пройдет; ты оставишь их против своей воли. Тело твоё будет заключено в тесный гроб, останется совсем одно без друзей и других близких лиц. Тление уничтожит его красоту и распространит кругом зловоние, вместо теперешняго улаждающаго его благовония. Душа же твоя будет брошена в ад, где она пробудет до всеобщаго воскресения, после котораго соединившись снова с телом, будет прогнана от лица Божия и осуждена в огненную геенну, горящую вечным, но никогда не сжигающим огнем. Вот, что будет тогда с тобою, и многое ещё худшее, если ты останешься в своем неверии. Если же ты с готовностью послушаешься Призывающаго тебя ко спасению, с радостью осенишься Его светом, невозвратно последуешь за Ним, отрекшись от всего мирскаго и суетнаго, и привяжешься к Нему одному, то послушай только какого блаженства достигнешь ты: *Когда ляжешь спать, не будешь бояться, и, когда уснешь, сон твой приятен будет. Не убоишься внезапнаго страха и пагубы от нечестивых, когда она придет* (Прит. Солом. 3, 24—25).

Ты будешь идти уверенно, как лев; будешь жить во всякой радости и улаждении сердца; и радость вечная будет над головою твоею; найдешь радость и веселие; печаль и вздохи удаляються (Ис. 51, 11). Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будетъ сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит, возопишь — и Он скажет: вот Я (Ис. 58, 8—9). Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого, и грехов твоих не помяну. Припомни Мне; станем судитъся; говори ты, чтобы оправдатъся (Ис. 43, 25—26). Если будут грехи ваши как багряное, как снег убелю; если будут красны, как пурпур, как волну убелю (Ис. 1, 18)".

Тогда Иоасаф говорит Варлааму: "Все сказанное так прекрасно и достойно удивления, что я уверовал и всею душою возненавидел идолов; и до твоего прихода я недоверчиво относился к ним, теперь же я окончательно убедился в их несостоятельности, узнав от тебя всю нелепость идолопоклонства и безумие их почитателей. Потому я

желаю сделаться служителем истинного Бога, если только Он не оттолкнет меня, недостойного, за прегрешения, но простит мне все, будучи человеколюбивым и милостивым, как ты учишь. Я готов принять крещение и соблюсти все, что ты предпишешь. Но скажи мне, что следует делать после крещения: достаточно ли одной веры для спасения, или нужно еще что-нибудь?"

На это Варлаам ему отвечает: "Выслушай, что надо делать после крещения. Следует воздерживаться не только от всякого греха, от всяких порывов страсти, но требуется подвизаться в добродетелях, имея основою своих действий правую веру, так как *вера без дел мертва*, равно как и дела без веры, по учению Апостола: *поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели-бы. Если же вы духом водитесь, то вы не под законом. Дела плоти известны, они суть: прелюбоддеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия (соблазны) ереси, ненависть, убийства, пьянство, безчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера* (Галат. 5, 16—22).

После крещения нужны освящение души и тела, смирение сердца, сокрушение о грехах, человеколюбие, милостыня бедным, бодрствование и постоянное раскаяние во всех совершенных грехах. При соединении одного с другим, восхождении от одного к другому, это, подобно ступеням лестницы, приводит душу в царствие небесное. Таким образом, вот что нам предписано исполнять и как жить после крещения, противного же этому следует избегать. Если-же мы, познав истину, будем все-таки творить прежняя суетная, греховная дела и подобно псам набросимся на собственное рвотное, то на нас сбудется сказанное Господом: *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел; и пришедши находит его незанятым, выметенным и убранным* (Матф. 12, 43—44), но пустым и не наполнившим еще себя богатством добрых дел. *Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши*

живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом (Матф. 12, 45).

Крещение, смывая водою грязь грехов, уничтожает всякий их след, и на будущее время оно для нас есть несокрушимая стена и славное оружие против врагов. Сила его не уничтожится даже последующими новыми прегрешениями, для очищения которых не требуется нового погружения в купель, ибо мы исповедуем единое крещение. Потому следует всеми силами остерегаться, чтобы снова не осквернить себя прегрешениями, но соблюдать заповеди Господа, сказавшего: *Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века (Матф. 28, 19—20).* В своих заповедях блаженства Христос назвал блаженными нищих духом. Их же признал и достойными царствия небеснаго.

Затем Он предписывает для вечнаго блаженства скорбеть в земной жизни, чтобы быть утешенным в будущей; быть кроткими, алчущими и жаждущими правды, чистыми сердцем, воздерживающимися от всякаго осквернения плоти и духа; быть миротворцами в отношении к ближним и к своей душе; подчинить зло добру и подвергнуть правому суду постоянную войну между ними; терпеть за правду всякое поношение и делать все это во имя Его, чтобы быть удостоенными вечной радости при разделе будущих славных даров. Он дал такое общее правило поведения для сей земной жизни: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрая дела и прославляли Отца вашего Небеснаго (Матф. 5, 16).*

Закон Моисея, данный Израильтянам, гласит так: *Не убей, не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближняго твоего (Исх. 20,13).* Христос же говорит: *А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедрionу; а кто скажет "безумный" — подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдй, прежде примиришь с братом твоим и тогда приди и принеси дар твой (Матф. 5, 22-24).*

И немного дальше: *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Матф. 5, 28). Таким образом, Он даже страстное желание назвал прелюбодеянием. Так как закон преследует клятвонарушение, то Христос запретил совсем клятву, повелев подтверждать свои слова только чрез "да" и "нет". *Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.*

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас; да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных (Матф. 5, 38—45); *и: не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Матф. 7, 1—2).

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет, и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницу, и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их (Матф. 6, 19—21, 25—26). Этим сказано, что давший нам душу и тело, даст нам и пищу, и одежду, если Он и птиц небесных питает, и облакает в такую красу полевые травы. *Ищите же прежде царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне. Ибо завтрашний сам будет заботиться о своем. Достаточно для каждого дня своей заботы* (Матф. 6, 33—34).

Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими. Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Матф. 7, 12—14). Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в царство небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного (Матф. 7, 21). Кто любит отца или мать больше, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня (Матф. 10, 37). Всему этому и тому подобному Господь и велел Апостолам учить верующих, и мы должны соблюдать сказанное для достижения совершенства и венцов бессмертия, которые Господь наш, праведный Судья, даст в день Своего второго пришествия всем праведникам".

Тогда Иоасаф говорит старцу: "Если при таком строгом требовании безукоризненного поведения со мною случится, что я нарушу одну или две из заповедей, то тогда я уже совсем не достигну своей цели и всякая надежда будет тщетна"?

Варлаам ему отвечал: "Нет, не так должно судить об этом, ибо Слово Божие, вочеловечившись для спасения рода человеческого, зная немощность и жалкость нашей природы, и в этом случае не оставил нашу болезнь неизлечимой, но, как всеумудрый Врач, дал лекарством от этой болезни раскаяние; принимая во внимание шаткость и ошибочность нашего образа мыслей, раскаяние Он сделал средством для получения оставления прегрешений. После того, как мы познали истину, получили освящение через воду и Духа Святаго, без всякого труда очистились от грязи прегрешений, то, если после этого нам придется снова впасть в грех, не будет более другого духовного возрождения чрез крещение, т.е. чрез погружение в купель с нисхождением на крещаемого дара Духа Святаго (ибо этот дар дается нам только однажды). Но тогда оставление и очищение от грехов совершается по милосердию Божию, посредством искреннего раскаяния, чрез горячие слезы и неутомимый труд. По милости Господа, продолжительное сокрушение и потоки слез есть как бы крещение, которое спасло от гибели уже многих согрешивших, так как нет греха, который мог бы победит человеколюбие Бога, если только мы его омоем слезами и раскаянием. Но человек должен спешить

покаянием, чтобы преждевременная смерть не заставила нас покинуть этот мир запятненными грехами. Ибо в аде уже нет места для раскаяния и сокрушения о грехах, но ими можно загладить свои прегрешения при жизни. Невозможно исчислить всех случаев сострадания Божия и измерить всю глубину милосердия Его, но можно сосчитать грехи людския и судить о степени их тяжести. Эти измеримыя и исчислимыя прегрешения не могут победить неизмеримаго сострадания и милосердия Божия, выразившихся уже во многих случаях. Поэтому нам велено не отчаиваться в своих грехах, но уповать на благодать Божию и раскаиваться в проступках, отпущение которых подлежит человеколюбию Христа, Который за наши грехи проливал Свою Кровь. Из многих мест Св. Писания мы узнаем о силе раскаяния, в особенности же из притчей и учений Господа нашего Иисуса Христа: *С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь, ибо приближается царство небесное* (Матф. 4, 17). Особенно сильно свидетельствует Он о раскаянии в притче о заблудшем сыне, говоря: *У некотораго человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче, дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней, младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться. И пошел, пристал к одному из жителей той страны, а тот послал его на поля свои пасти свиней. И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Пришедши же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода! Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим, прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.*

Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его, и обувь на ноги. И приведите откормленнаго теленка, и заколите; станем есть и веселиться. Ибо этот сын мой был мертв и ожил;

пропадал и нашелся. И начали веселиться (Лк. 15, 11—24). Так Он нас учил о кающихся грешниках.

В другом месте Он опять говорит о добром пастыре, имевшем 100 овец, который, потеряв одну овцу, оставил 99 и отправился искать пропавшую. Нашедши же, он взял ее на плечи и отнес к остальным. Созвав-же своих друзей и соседей, он устроил в знак радости своей находки пир. Спаситель говорит так: Сказываю вам, что так на небесах больше радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии (Лук. 15, 7). Даже Петр, камень веры, согрешил во время самого спасительного страдания Христа, отрекшись на короткое время от своего Учителя (как вообще жалка и немощна человеческая природа). Но сейчас же вспомнив о словах Господа и выйдя из двора, где находился Спаситель горько заплакал, и своими горячими слезами снова одержал победу над злом, загладив свое поражение. И враг добра, восторжествовав мгновенно, с воплями и позором далеко бежал от него, ибо Петр был опытен в борьбе со злом. Хотя он и пал, но не был отвержен и не отчаялся, но, оправившись от поражения, принес горячие слезы и искреннее сокрушение, и он снова стал в сонме Апостолов и камнем веры. Таким образом, будучи всеобщим учителем, Петр сделался также образцом раскаяния. Когда после Своего Божественного воскресения Христос трижды спросил: Симон Ионин, любишь ли ты Меня,— то Апостол отвечал: Так, Господи, ты знаешь, что я люблю Тебя! (Иоан. 21, 15).

Из всех этих и других безчисленных примеров мы узнаем о силе слез и раскаяния. Но это средство заглавить грех возможно только тогда, когда кающийся, смывая слезами свой грех, чувствует отвращение, ненависть и презрение к нему, как об этом говорит пророк Давид: утомлен я воздыханиями моими, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постелю мою (Псал. 6, 7). Раскаяние и слезы могут искупить наш грех, благодаря страданиям Христа, по безконечному милосердию Бога, сказавшего: Если будут грехи ваши, как багряное, как снег убелю; если будут красны, как пурпур, как волну убелю (Ис. 1, 18). Вот как нужно думать об этом; и мы так веруем. Кроме того, после познания истины, удостоения возрождения и усыновления, следует участвовать в св. таинствах, чтобы, по возможности, обезопасить себя от падения, ибо истинному борцу не

подобает падать, так как многие, упав, уже не могли встать: одни, дав доступ в сердце свое страстям, навсегда подчинились им и не могли уже прибегнуть к раскаянию; другие же, вследствие преждевременной смерти, не успели смыть с себя грязи греха, а потому и были осуждены. Посему опасайся впасть в какую бы то ни было страсть. Если же это падение будет неизбежно, то следует тотчас же встать и снова вступить в славную борьбу. И сколько бы раз это падение в жизни не случилось, нужно сейчас же стараться очнуться и подняться. Обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам (Матф. 3, 4).

Тогда Иоасаф ему говорит: "А как можно сохранить себя чистым, незапятнанным грехом после крещения? Хотя, как ты говоришь, для согрешивших есть спасение чрез раскаяние, но оно все-таки соединено опять с горем, бедствием и слезами, и мне кажется, что большинство не может успешно воспользоваться этим средством. Мне бы хотелось обрести путь, идя которым я мог бы не сходить с него и сохранить ненарушимо все заповеди Божии; чтобы, по оставлении мне моих прежних прегрешений, я уже ничем бы не прогневал всеблагаго Господа Бога нашего".

На это ему Варлаам отвечал: "Твое слово благо, царь и господин мой! Я и сам весьма бы этого желал, но только трудно и даже совершенно невозможно кому бы то ни было не обжечься, соприкасаясь с огнем. Поэтому, обремененному делами и занятому житейскими заботами и тревожностями, живущему в богатстве и роскоши весьма трудно неуклонно идти путем исполнения заповедей Божиих. Никакой слуга,— говорит Господь,— не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне (Лук. 16, 13). Подобно пишет и возлюбленный ученик Его, великий Богослов Иоанн в своем послании: Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает во век (1 Иоан. 2, 15—17). Поняв смысл этих слов Апостола, услышав, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14, 22), наши Божественные отцы старались после святого крещения сохранить чистым и безупречным дарованное им одеяние безсмертия. Многие из них присоединили к нему еще

другое крещение, именно чрез кровь и страдания. Это тоже есть крещение, при том самое достойное и доблестное. Крещенный таким крещением уже не осквернится нечистотою греха. Сам Господь, приняв за нас страдания, назвал их истинным крещением. Отсюда и Его подражатели и после-дователи — сначала очевидцы, ученики и Апостолы приняли такое крещение, потом целыя христианския общества — подвергали себя Божественным страданиям; выдавая себя языческим царям и начальникам, они были осуждаемы на разныя наказания и истязания: на растерзание дикими зверями, на сожжение и убиение. Они в течение всего своего жизненного пути открыто исповедывали свою веру, сохранили ее непреложной, за что и были удостоены награды, назначенной праведникам, сожития с Ангелами и наследия, обещаннаго Христом. Доблесть их была так велика, что молва о них распространилась по всей земле, и блеск их подвигов возсиял за пределами вселенной. И не только их слава и дела, но кровь и кости их исполнены святости. Ибо силою их изгоняются бесы, и прикасающиеся к ним с верою получают исцеление от всех неизлечимых болезней. Даже их одежды и все, бывшее близким к их славным телам, имеет силу для всякой твари. Но долго было бы рассказывать о всех их подвигах в отдельности.

Когда же те жестокие, зверские тираны ужасно погибли, гонения прекратились, и во вселенной воцарились благочестивые цари, то многие последователи Христа подражали в рвении истинно-христианскому поведению мучеников и, воодушевившись их стремлениями, более всего думали о том, чтобы предстать пред Господом чистыми телом и душою. Они отдалили от себя воздействие всяких страстей и все то, что могло бы запятнать их чистыя души и тела. А так как они уразумели, что могут достигнуть этого только чрез исполнение заповедей Христа и вместе с тем поняли, что выполнение заповедей и упражнение в добродетелях трудны в среде мирских страстей и похотей, то стали заботиться о другом роде жизни и по Божественному гласу, оставив родителей, детей, друзей, родных, богатство и роскошь, возненавидев все мирское, подобно каким-нибудь беглецам, удалились в пустыню.

Проводя здесь жизнь в лишениях, в скорбях, живя в горах, пещерах и земных расщелинах, отказавшись от всех земных наслаждений и удобств, подвижники стесняли себя даже в пище, стремясь только к

тому, чтобы вдали от людских страстей вырвать с корнем всякия суетныя желания и, изгладив их совершенно из своей памяти, насадить в своей душе на их место любовь и стремление ко всему Божественному и небесному. Кроме того, они, стараясь истязаниями умертвить свою плоть, желали добровольно сделаться мучениками, чтобы обрести славу умерших мученической кончиною; стремились воспринять мучения подобно Христу, насколько это, конечно, доступно человеческой природе, и вследствие этого сделаться соучастниками в пользовании благами будущего вечнаго царствия.

Поставив себе такую цель, блаженные вели тихую, ничем не нарушающую душевнаго спокойствия жизнь. Некоторые из них, живя под открытым небом, терпели от зноя, дождей, свирепой стужи, бурь и ветров; другие жили в шатрах, ими же сколоченных, в пещерах, или же в земных расщелинах. Подвизаясь, таким образом, в добродетели, они совершенно отказались от всякаго плотскаго покоя и других телесных услаждений; в пищу употребляли сырыя овощи, разныя растения, древесныя плоды, или же сухой, совершенно черствый хлеб. Их воздержание простиралось не только на качество пищи, но со свойственным им усердием и на количество, именно: они самага необходимаго и простаго употребляли в пищу только настолько, чтобы поддержать жизнь.

Одни из них даже в течение целой недели оставались без пищи и только в воскресный день позволяли себе прикасаться к ней; другие принимали ее два раза в неделю, иные же через день или только по вечерам отведали немного пищи.

Проводя постоянно время в молитвах и бдениях, подвижники почти применились к образу жизни Ангелов: они совершенно забыли о существовании золота, серебра, купли и продажи между людьми; зависть и недоброжелательство, следующие обыкновенно за земными делами, были чужды им. Тот из них, кто менее успешно подвизался в добродетелях, не имел даже никакого помысла о зависти к подвизавшемуся успешно, который не выказывал никакого презрения, высокомерия, хвастовства в отношении своего ближняго, менее счастливаго в подвижничестве, ибо такой подвижник приписывал все свои удачи в подвигах не собственным силам, а могуществу Божию. Они следовали в этом случае повелению Божию: Так и вы, когда

исполните все, повеленное вам, говорите: мы рабы ничего нестоящие, потому что сделали, что должны были сделать (Лук. 17, 10).

Некоторые же из них упрекали сами себя, что они не выполнили еще приказанного им Господом, но что им остается еще выполнить гораздо больше, чем они уже сделали. Эти подвижники презирали самих себя за немощь тела и бедность человеческой природы. Таким образом, у них один был смиреннее другого. В их душах не было места для тщеславия и человекоугодничества. Поэтому те, которые, бежав в пустыню от людского общества, живут там, подвизаясь не для людей, но для Бога, надеются получить от Него же награды за свои подвиги, понимая, что за труды из-за тщеславия нет награды, потому что таковые совершаются для похвалы со стороны людей, а не для угождения Богу. Посему подвижники второго рода вдвойне заблуждаются: убивая свою плоть, они не получают мзды.

Домогающиеся же достигнуть славы на небесах, презрели все земное, свойственное человеческой природе. Такие люди подвизаются: некоторые в совершенном одиночестве, вдали от человеческого общества, посвятив себя всецело Богу; другие же, живя вдали, лишь по воскресным дням приходят в общество людей для участия в святых таинствах, именно: в принесении чистой и Безкровной Жертвы и принятия святого Тела и Крови Христа, что Он установил для отпущения верующим грехов, просвещения и освящения тела и души. Проводя здесь время в душе-спасительных разговорах, в даровании друг другу нравственных советов, выяснении народу тех скрытых и тайных действий, которые употребляет враг для совращения верующих с пути истины, они, с своей стороны, наставляли в способах ведения борьбы со врагом, чтобы кто-нибудь, по незнанию этих способов, не попался в плен. После всего этого они возвращались на места своих подвигов, ощущая в своем сердце чувство, сладость которого подобна меду, готовя себе своими трудами плод, достойный занять место даже в небесной трапезе.

Некоторые подвижники ведут совместную жизнь. Собравшись в известном количестве в одно место, они ставят во главе своего общества наиболее отличающегося душевными качествами, убив в себе мечем повиновения всякое собственное желание. Сделавшись, таким образом, добровольно рабами, они живут уже не для себя, но

для Того, Кому они подчинились по воле Христа. Еще лучше сказать, они живут не сами по себе, но живет в них Христос, Которому они подчинились, отказавшись от всего остального. Это есть истинное удаление от мира и добровольное отречение от плотской жизни, вследствие стремления к высшему. Такие ведут образ жизни, подобный образу жизни Божественных Ангелов, прославляя единодушно в псалмах и гимнах Господа Бога и вместе заслуживая награды за послушание. На них выполняется слово Господне, гласящее: Где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них (Матф. 18, 20). Этими словами Он не ограничил числа собирающихся во имя Его, но словами "два или три" Он выразил только неограниченность числа их. Ибо мало ли, много ли собираются во имя Его с пламенным желанием служить Ему, мы непреложно веруем, что Христос находится там среди Своих.

Живя такими обществами, обитатели земли старались примениться к жизни небожителей. Время они проводили в посте, молитвах и бдении, в проливании слез, неутешном горе, в мыслях о смерти, в смирении и кротости, в молчании, лишениях, чистоте и смиренномудрии, в душевном спокойствии и совершенной любви к Господу и своему ближнему. Вследствие такой жизни, они к концу ее делались совершенно небесными Ангелами. За то Бог наградил их еще здесь, на земле, дав им силу творить разныя знамения и чудеса, благодаря чему слава о них распро-странилась по всей вселенной. Если я тебе расскажу о жизни одного из них, основателя монашеской деятельности, имя котораго было Антоний, то ты из рассказа об одном этом древе совершенно познаешь сладость плодов однородных с ним дерев. Узнаешь, что он поставил за основание монашеской деятельности, какой образ жизни предписал им и какими милостями он награжден от Спасителя. После него и другие многие совершали подобные подвиги и достигли небесных наград и венцов. Блаженны, трижды блаженны возлюбившие Бога и презревшие ради любви к Нему все остальное. Они скорбели и рыдали днем и ночью, чтобы достигнуть вечнаго утешения; они здесь добровольно унижали себя, чтобы там возвыситься; здесь истощали свою плоть голодом, жаждою и бдениями, дабы там жить в райской роскоши и радости. Они сделались местом пребывания Св. Духа вследствие чистоты своего сердца, как об этом свидетельствует Священное Писание: И поставлю

жилище Мое среди вас и буду ходить среди вас (Левит 26, 12). Они распинали себя для мира, чтобы быть удостоенными места одесную Распятого; опоясали истиною бедра свои и имели всегда готовыми светильники, ожидая пришествия бессмертного Жениха. Смотря на все глазами разума, они всегда имели пред собою тот страшный час смерти; видели пред собою будущия блага и, вместе с тем, постоянно думали о будущем вечном наказании; они старались исчахнуть, чтобы достигнуть вечной славы. Страсть была им так же чужда, как Ангелам, и теперь они ликуют с ними, жизни которых подражали. Блаженны они и преблаженны за то, что, смотря на все взором ума, видели всю суету и пустоту здешней жизни, непрочность и ненормальность человеческого благополучия на земле, отказавшись от которого предпочли вечныя блага и достигли непрерываемаго смертью блаженства.

Этим удивительным святым мужам и мы, недостойные и ничтожные, стараемся подражать, но не можем достигнуть высоты их образа жизни, подобнаго жительству небожителей. Но, тем не менее, мы стараемся подражать им, насколько нам это позволяет наша жалкая и немощная природа, применились к внешности их образа жизни, хотя в делах спотыкаемся.

Следуя словам этих блаженных отцев, и мы презираем тленные и временныя блага земной жизни, в которыхъ нет ничего ровнаго, твердаго, постояннаго, но все суета и томление духа (Еккл. 1,14). Все здешнее земное призрачнее снов, тени, дуновения ветерка. Малую и недолговременную доставляет оно радость, которую нельзя и назвать радостию, но обманом и заблуждением во зле мира. Нам предписано не любить его, но всем сердцем ненавидеть, и эта ненависть совершенно основательна. Ибо, что мир дает своим любимцам, то снова гневно отымает. Лишенными всякаго блага, покрытыми позором, с тяжким бременем отсылает он потом их на вечную скорбь. Кого он возвышает, того же спешит тотчас унижить на радость врагам.

Таковы милости и дары мира сего. Он враг любящих его и злоумышляет против творящих волю его. Низвергая всех положившихся на его прочность, он находит себе последователей только среди глупцов, лстя им различными ложными обещаниями, дабы их увлечь. Если же они, тем не менее, окажутся

благочестивыми, то он сам оказывается лживым и глупым, так как не может выполнить того, что задумал.

Услаждая сегодня гортань людей изысканными блюдами, мир завтра отдает тех же людей на съедение врагам; сегодня он делает человека царем, завтра же предает его унижительному рабству; сегодня он его осыпает безчисленными благополучиями, завтра делает его нищим и рабом рабов; сегодня возлагает венец славы на голову человека, завтра он низвергает его лицом на землю; сегодня украшает шею человека почетными знаками, завтра он его заключает в железные оковы. Все он делает для всех желанным ненадолго и немного спустя — ненавистным и про-тивным; сегодня он заставляет человека радоваться, завтра же — рыдать и сокрушаться.

Выслушай, какой конец предлежит всему этому: возлюбивших его мир делает жертвами огненной геенны. Так оно бывает всегда, такие от этого бывают результаты, и так случается со всяким, возлюбившим похоти его: никто от него пусть не ждет милосердия или сострадания. Всех мир желает обмануть, опутать своими сетями и старается только о том, чтобы никто не избежал этих сетей.

По моему мнению, люди, порабощенные таким суровым и дурным тираном, безумно отступившие от человеколюбиваго и всеблагаго Господа, всецело погрязшие в земные заботы и не думающие совершенно о будущем, но только о плотских наслаждениях, душу же свою осуждающие на голодную смерть, подобны мужу, убежавшему от бешенаго верблюда. Муж этот, испугавшись ужаснаго рева своего взбешеннаго верблюда, бежал, чтобы не сделаться его жертвою, и в беге упал в глубокую яму. Но в падении он, простерши руки, ухватился за какое-то растение. Вместе с тем он оцупал какую-то подпору для ног, на которую и поспешил опереться, считая себя впредь в безопасности. Но, осмотревшись, человек увидел, что две мыши, черная и белая, не переставая грызут корень того растения, за которое он ухватился, и уже близки к тому, чтобы совсем перегрызть его. Взглянув же на дно ямы, видит ужаснаго огнедыщащаго дракона, свирепо смотрящаго на него с разинутой пастью, готовящагося проглотить его; присмотревшись же к той подпоре, на которой он утвердил ноги, видит, что это была стена, с которой торчали головы четырех аспидов; подняв же свои глаза кверху, он увидел немного

меду, капающего с ветви этого растения. Тогда человек, забыв об окружающих его опасностях: о бешеном верблюде, стоящем над ямою и желающем его растерзать, о драконе, об аспидах и мышках, догрызающих корень, вполне предался услаждению себя сладостью этого ничтожного количества меду.

Это сравнение относится к увлекающимся сею земною жизнью: верблюд—это смерть, преследующая постоянно род Адамов и стремящаяся похитить его; яма же — мир, полный различных зол и коварных козней; растение же, корень которого непрестанно точится мышами, есть жизнь человеческая, непрестанно сокращаемая сменяющимися днем и ночью (черная и белая мыши); четыре же аспида выведены тут для подобия тела человеческого, зависящего от четырех непрочных и непостоянных элементов, которые, находясь если в беспорядке и смятении, то сокрушается и прочность человеческого тела; тот же ужасный, огнедышащий дракон показывает собою ад, стремящийся принять в свое лоно всех, кои предпочли временныя земныя наслаждения будущим вечным благам; наконец, под каплею меду изображается сладость земных удовольствий, которою вводятся в заблуждение любители мира, вследствие чего они не заботятся о своем спасении.

Иоасаф, на которого эта притча произвела сильное впечатление, воскликнул: "Сколько истины и смысла в этой притче! Говори таких притч побольше, чтобы я вполне понял нашу жизнь и мог бы судить верою, кому что предстоит в будущем".

Тогда старец сказал ему: "С другой стороны, возлюбившие эту земную жизнь и упивающиеся ею кратковременными сладостями, которых они предпочли будущим вечным благам, подобны человеку, имевшему трех друзей. Двух из них он весьма любил, уважал и готов был за них подвергнуться смерти и каким угодно опасностям. К третьему же относился с величайшим пренебрежением, не оказывал ему никакого почтения, ни подобающей любви, но выказывал в отношении к нему очень мало, чтобы не сказать никакой, дружбы. Но вот в один день к этому человеку приходят какие-то грозные воины и требуют, чтобы он немедленно явился к царю, отвечать за долг в 10.000 талантов. Находясь в стесненных обстоятельствах, этот человек

мысленно искал помощи, чтобы исполнить столь ужасное для него требование царя.

Он бежит к своему первому другу, которого считал самым искренним и говорит ему: "Ты знаешь, друг, я всегда готов был душу свою положить за тебя. Теперь же мне нужна помощь, так как крайняя нужда постигла меня сегодня. Скажи же, чем можешь помочь мне, и насколько оправдается моя надежда на тебя?" Этот же ему отвечает: "Я тебе не друг и даже не знаю, что ты за человек. У меня есть другие друзья, с которыми я буду сегодня веселиться, которые и будут всегда моими друзьями. Тебе же я дам два рублища на дорогу, которая тебе предстоит, и больше от меня не жди ничего". Услышав это и обманувшись так горько в надежде, которую он возлагал на своего друга, он отправился к другому и говорит: "Ты помнишь, друг, как я всегда почитал и любил тебя. Теперь я нуждаюсь в человеке, который бы мне помог в ужасном постигшем меня горе и беде. Скажи мне, чем ты можешь мне помочь, чтобы я мог выйти из нея?"

Он же ему отвечал: "Я не могу оказать тебе сегодня никакой помощи, потому что со мной случилось несчастье, причинившее мне много забот, так что у меня теперь свое горе. Я, если хочешь, могу тебя немного проводить, но помочь не могу ничем и, возвратившись домой, предамся собственным заботам". Таким образом, выйдя от него с пустыми руками и не получив нигде помощи, он отправляется к третьему другу, о котором никогда не заботился и с которым не делился своими радостями, и говорит ему с пристыженным и потупленным взором: "Я не смею обращаться к тебе, так как знаю, что ты не видел с моей стороны в отношении к тебе никакого доброго дела, ни даже простого расположения. Но так как меня теперь постигло ужасное горе, и ни одна из надежд на моих прежних друзей не оправдалась, то я и решился придти к тебе просить оказать мне, если можешь, хотя какую-нибудь помощь. Прошу тебя: не откажи мне, не напоминай мне теперь о моей прошлой несправедливости". Но друг говорит ему с веселым и ласковым лицом: "Нет, я считаю тебя истинным другом и, помня о том незначительном благодеянии, которое ты мне когда-то оказал, я отдам тебе сегодня с процентами. Не бойся и не робей: я буду твоим предстателем, буду просить за тебя царя, чтобы он не отдавал тебя в руки врагов твоих; так ты ободрись и не печалься". Тогда этот человек, растроганный, сказал ему со слезами:

"О, я безумец! О чем мне прежде плакать? Презирать ли мне себя за свое глупое пристрастие к неблагодарным друзьям, забывшим оказанное мною им добро, или же сокрушаться о той безумной несправедливости, которую я выказал в отношении тебя, истинного, искреннего друга?!"

Иоасаф, слушавший с недоумением эту притчу, просил разъяснения ее. Тогда Варлаам говорит ему:

"Под первым другом здесь следует разуместь любостыжательность и богатство. Из-за них человек подвергается безчисленным опасностям и терпит много горя. Когда же приходит час смерти, то все его богатство ничего полезного ему дать не может, кроме рубища, в котором можно быть похороненным. Под вторым другом следует разуместь жену, детей, родственников и друзей. Привязанный к ним телом и душою, человек ничего не жалеет для них и бывает с ними неотлучно. В час же смерти он ничего от них не получает, кроме провожания к могиле, после чего они сейчас же возвращаются к своим делам и заботам; так же скоро перестают вспоминать о нем и забывают даже о месте могилы когда-то любимого человека. Под третьим же другом, бывшем в пренебрежении, считающимся недостойным, с которым не только не искали сближения, но котораго, напротив, избегали; который был как бы отверженным, надо понимать совокупность всего хорошаго, как-то: веру, надежду, любовь, сострадание, человеколюбие и всякия другия добродетели, вообще, все, что может нам быть полезным в час смерти, быть нашим ходатаем пред Господом, освободить нас от наших врагов, от власти тех немилостивых сборщиков податей, которые в том свете безжалостно берут следуемое и стараются только об одном, чтобы иметь нас в своей власти. Тот есть наш истинный друг, который помнит даже о малейшем благодеянии, оказанном ему с нашей стороны и с процентами возвращает данное".

Выслушав этот рассказ, Иоасаф сказал: "Да наградит тебя Господь Бог твой, премудрый муж, за то, что ты своими мудрыми словами просветил духовною радостью мою душу. Выставь мне еще в какой-нибудь притче пустоту и ничтожество благ мира сего, где было бы выяснено средство мирно и безопасно провести эту жизнь".

Тогда Варлаам отвечал ему: "Выслушай притчу на разрешение и этого вопроса. Знал я один большой город, граждане котораго имели

обыкновение брать себе в цари какого-нибудь иноземца, совершенно незнакомаго с их законами и обычаями, которому они предоставляли неограниченную власть в продолжение одного года. По истечении же этого срока они вдруг неожиданно нападали на него, когда он беззаботно жил в роскоши, предаваясь всяким наслаждениям, считая свою власть упроченной до конца жизни; снимали с него царския одежды и торжественно водили без одежды по городу, после чего изгоняли на какой-нибудь отдаленный остров, где он томился в лишениях пищи и одежды, терпел голод и стужу. Как неожиданно достались ему роскошь и жизнь в веселии, так же неожиданно оне обратились в горе и лишения.

Но как-то раз гражданам того города попался умный и смышленный царь, который не чрезмерно увлекался выпавшим на его долю счастьем и не подражал беззаботности своих предшественников, но постоянно думал о том, чтобы навсегда укрепить свое благополучие. Будучи пытливым, он узнал однажды от одного из своих советников об обычае своих подданных — изгонять царей, и что потому следует обезопасить себя на последующее время. Выведав, на какой остров ему придется уже вскоре отправиться и, таким образом, оставить власть и свои сокровища, которыми он до сих пор свободно пользовался, он отобрал от них большое количество золота, серебра и драгоценных камней, вручил их своим самым преданным слугам и велел отвезти на тот самый остров, куда ему предстояло отправиться. Когда прошел годичный срок, граждане, собравшись, поступили с ним, как и с его предшественниками. Но его предшественники терпели в изгнании голод и стужу. Этот же, приготовив большия сокровища, продолжал жить в роскоши и веселии, таким образом, благодаря уму, упрочив свое дальнейшее благополучие.

Под городом ты разумей здесь эту пустую, обманчивую мирскую жизнь; под гражданами — власть дьявола, царствующаго над мраком мира сего, прельщающаго нас его наслаждениями и удовольствиями; по его же внушению люди смотрят на тленное и кратковременное, как на вечное и нетленное. И вот нас, находящихся в таком обмане и заблуждении, не заботящихся о будущих вечных и прочных благах, а потому и не готовящихся к тому, чтобы быть достойными обладания ими, внезапно постигает гибель чрез смерть. Тогда-то позорные, злые обитатели мрака, под господством которых многие люди провели всю

свою жизнь, отведут этих людей в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма (Иов. 10, 22).

Под добрым же советником, сказавшим тому мудрому царю всю правду и направившим его на спасительный для него путь, разумею мое ничтожество, меня, который пришел указать тебе истинный, благий путь, приводящий к вечным, нетленным благам. Ты его найдешь, если оставишь все мирское, вводящее в обман, что и я злополучно любил; любил и я все эти мирския удовольствия и наслаждения.

Но, взглянув на них умственными духовными очами, проследив весь ход человеческой жизни, заметив, как одно в ней приходит, другое проходит, ничто не имеет ни твердости, ни постоянства: богатые не пребывают вечно в богатстве, сильные—во власти, мудрецы—в мудрости, изнеженные роскошною жизнью—в роскоши, считающие себя в безопасности висят на волоске, что вообще ни одно из земных благ непрочно и невечно, но все они подобны потокам тающего снега, низвергающимся в неизмеримую глубину моря (так переменчиво и временно земное счастье!), я понял, что все это пустота и суета, и что от всего этого нет никакой пользы. Как до меня ни одно из земных благ не было прочно и постоянно: ни богатство, ни слава, ни власть, ни почет, но все проходило и предавалось забвению, так оно будет и после меня. Никому не дано в удел наслаждаться на земле вечно.

Таким образом, я понял, как мучает этот мир людей, какия они претерпевают в нем превратности. Одни в нем из крайняго богатства приходят в крайнюю бедность, и обратно: из крайней бедности в богатство и славу; одни оставляют эту жизнь, другие приходят; многие умные и достойные уважения люди терпят унижение и позор, ничтожные же и порочные входят в почет и славу, даже делаются обладателями царской короны.

Страх людей сей мирской жизни, чем-нибудь уstraшенных, подобен страху голубя, преследуемого орлом или ястребом. В ужасе перелетает этот голубь с места на место, прячется на каком-нибудь дереве или в кусте, или в отверстиях скал, но нигде не находит себе вернаго и безопаснаго убежища и, наконец, изнурившись, приходит в отчаяние. Сему подобен и мирской страх. Терпя в мире много различных бедствий, люди не имеют против них никакаго вернаго средства или

безопасного, надежного убежища; не знают даже, какой конец предстоит этому, куда приведет их вся эта суета мирская, которой они, злополучные, совершенно подчинились. Избрав сами себе в удел такую жизнь,— непригодность вместо пригодности, такие люди, не смотря на свои часто тяжелые труды в жизни, в конце концов не получают от них никакой пользы. Таким образом, мир поступает со своими приверженцами не так, как друг или даже хороший знакомый, но как недруг, как заклятый враг.

Взвесив все это в своей душе, я возненавидел жизнь, проходящую в бессмысленной суете; жизнь, которую и я когда-то проводил. Когда же в мою душу проникла искра света, позволившая мне видеть пустоту мирской жизни, я начал понемногу сознавать, в чем заключается истинное счастье; понял, что основание всякого блага есть страх Божий и исполнение воли Божией. Это есть начало всякой мудрости и вместе с тем совершеннейшая мудрость. Имеющий страх Божий и исполняющий Божию волю, ведет безобидную и безпечальную жизнь, озирающиеся на такую жизнь находятся в безопасности, ибо они опираются на Самого Господа. Вступив мысленно на путь исполнения заповедей Божиих, я уразумел, что на этом пути нет ничего, вводящего в соблазн или заблуждение; нет ничего неравномерного, нет ни утесов, ни ям, ни терний, ни шипов, что он гладок, ровен, услаждает глаза идущих им, самую приятною надеждою украшает стопы их; я понял, что это есть путь, идя которым люди исполняют предписанное Евангелием; понял также, что он самый короткий и безопасный для достижения истинного блаженства.

Естественно, что я избрал его и начал строить в своей душе вместо прежнего разрушенного и павшего здания новое, непоколебимое. Когда я, таким образом, изменил свой прежний образ мыслей и дал им новое безопасное направление, я услышал слова одного мудраго учителя, говорившаго следующее: "Выйдите отсюда все, желающие спастись; оставьте эту суетность и пустоту мирскую! Выйдите не оглядываясь, но запасшись всем необходимым для пути, ибо вам предстоит большая дорога, для которой надо запастись всем, что нужно для достижения нетленного царства. Ибо в вечности есть два отделения, имеющие много мест. Одно отделение Господь уготовал любящим и исполняющим заповеди Его, оно исполнено всяких благ; удостоенные этого отделения живут вечно, наслаждаясь безсмертием;

они чужды горя, печали и плача. Второе же отделение, исполненное мрака, горя и печали, уготовано диаволу и аггелам его, в него будут низвергнуты все, заслужившие того своими дурными делами, променявшие вечное, нетленное на временное, и этим сами себя сделавшие жертвою вечного огня".

Сознавая истину слышанных слов, я решил употребить все усилия сделаться достойным первого отделения, не знающего ни печали, ни воздыхания, напротив, исполненного таких благ, знанием которых я обладаю теперь только отчасти, так как я духовно еще несовершеннолетен и могу видеть эти блага как бы сквозь тусклое стекло, гадательно; впоследствии, когда настанет совершенное, тогда познаю лицом к лицу. *Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти* (Римл. 7, 25; 8, 2). Этот же закон открыл мне глаза, дал мне возможность ясно видеть, что помышления плотския суть смерть, а помышления духовныя—жизнь и мир. Как я окончательно познал суету здешней жизни и совершенно возненавидел ее, так я и тебе советую сделать: чуждаться всего мирскаго и скоропроходящаго. Оставь теперь все это; думай о том, чтобы в том нетленном жилище наслаждаться вечными, истинными и неисчерпаемыми благами; но приготавлийся удостоиться этого, немедля старайся скопить те сокровища, чтобы явиться туда не нищим, но богачем с неистощимым богатством".

Тогда Иоасаф вопрошает старца: "Как я могу отправить туда сокровища и богатства, как наслаждения ими могут сделаться непрестанными и неисчерпаемыми? Как мне выказать ненависть ко всему временному, мирскому и прилепиться к вечному? Объясни мне это".

Варлаам же ему отвечает: "Отправление этих сокровищ в вечное царствие производится руками нищих. Ибо премудрый пророк Даниил говорит Вавилонскому царю: *искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным, вот, чем может продлиться мир твой* (Дан. 4, 24). Сам Спаситель сказал: *приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечныя обители* (Лук. 16, 9). И во многих местах Св. Евангелия мы читаем, что Господь предписывает милосердие к бедным. Руками

бедных ты вернее всего отправишь сокровища на небеса. Милостынею ты расположишь к себе Господа, и Он за это воздаст тебе несравненно большим, ибо в воздаянии даров Он всегда побеждает любящих Его.

Таким образом, ты, раздав богатство этого мира, (в порабощение которого ты уже достаточно бедствовал), будешь достаточно снабжен для пути, ведущего к истинному благу, купив ценою преходящего и временного, незыблемое и вечное. Потом, с Божией помощью, ты сам познаешь всю непрочность и непостоянство настоящего, а потому, распроставшись со всем мирским, будешь жить будущим. Мир же сей ты возненавидишь, возненавидишь также тленную свою плоть, возьмешь крест свой и последуешь за Христом, и этим самым выйдешь из мрака, господствующаго над этим миром. По окончании сей кратковременной жизни, просветишься Его неприступным светом, озаришься блеском Его славы и будешь наследником вечной, истинной жизни".

Выслушав это, Иоасаф спросил: "Учение пренебречь земными благами и вступить на многотрудный путь имеет началом своим учение Апостолов, или же составлено недавно вами и есть произведение вашего ума, который нашел это средство лучшим для достижения истиннаго блаженства?"

На это старец отвечал ему: "Я тебе не предписываю никаких законов, составленных недавно, но привожу заповеди, издревле данная нам, ибо Господь следующим образом отвечал одному богатому юноше, спросившему Его: *Что мне делать, чтобы наследовать вечную жизнь*, и хваставшему, что он исполняет все, предписанное законом: *Одного тебе не достает, поиди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах: и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалию; потому что у него было большое имение.* (Марк 10, 21, 22). Иисус, видя, что он опечалился, сказал: *как трудно имеющим богатство войти в царствие Божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие* (Лук.18, 24, 25). Все святые, зная эту заповедь, всячески старались освободиться от обузы богатства. Они освобождались от нея, раздавая его бедным, приобретя этим самым вечное богатство. Они же брали крест свой и следовали за Христом;

одни достигали этого мученической кончиной, как я тебе ранее это сказал, другие аскетическим подвижничеством. И этим истинно мудрым поведением не оставляли в себе ничего, что напоминало бы о их прежней плотской жизни. Поэтому запомни эту заповедь Христа, Царя и Бога нашего, отвлекающую нас от всего тленного и обращающую к вечному".

Тогда Иоасаф спросил: "Если это столь древняя и необходимая заповедь, то почему же теперь немногие поступают согласно с нею?"

Старец же ему говорит: "Многие желали и желают вести жизнь, согласно с заветами Христа, но не все решаются начать ее. Ибо немногие, как говорит Господь, идут трудною и узкою тропею, но большинство предпочитает широкую и легкую. Это люди, совершенно порабощенные любостыжательностью и сладострастностью, неразрывно связанные с ними; они подобны людям, продавшим себя другому господину. Душа их, отвергнув собственное спасение, отдавшись во власть неразумных страстей, безумно устремляется на все. Пророк, сожалея об этих душах, покрытых густым слоем невежества, говорит: *Сыны мужей! доколе слава моя будет в поругании? доколе будете любить суету и искать лжи?* (Пс. 4, 3).

Подобно этому Пророку один из наших премудрых учителей, присовокупляя и от себя, замечает: "Сыны мужей! за что вы любите суету и ищете ложь? Считаете чем-то великим здешнюю жизнь, роскошь, ничтожную славу и ложное счастье? Имеющие все это имеют не более, чем надеющиеся иметь. Земное счастье подобно праху, раздуваемому и разносимому ураганом, дыму или же сну. Этих благ не безнадежно лишены необладающие ими, но вместе с тем они ненадежны для обладающих ими".

Так говорили по повелению Божию Пророки, Апостолы и другие святые, словом и делом направляя нас на путь добродетели. Хотя немногие избирали этот путь, большинство же предпочитало легкий и для всех открытый путь, приводящий к гибели, но не следует думать, что от этого уменьшилось достоинство Божественной мудрой деятельности благочестивых. Подобно тому, как солнце, щедро посылая нам свет своими лучами, предоставляет пользоваться этим светом всем, так и истинная мудрость освещает своих последователей. Если же некоторые, закрыв глаза, не хотят видеть света, то вовсе не

следует хулить солнце и другим также пренебрегать его светом; равным образом, слава света Божия вовсе не посрамится из-за глупости этих людей. Такие люди, лишив себя света, подобно слепым, должны ощупью искать стены, при чем они впадают во встречающиеся им ямы и, натыкаясь на шипы, прокалывают себе глаза. Равным образом, как солнце своим блеском светит для всех, с открытым лицом смотрящим на его свет, так и свет Христа щедро светит всем нам, и каждый может пользоваться Его светом, сколько желает. Но свет правды, не лишая возможности кого-либо из желающих пользоваться им, не принуждает избирающих добровольно мрак. Каждый поступает по собственной свободной воле, по собственному свободному выбору, пока он живет в этом мире".

Когда Иоасаф попросил старца выяснить ему истинное значение слов "свободная воля и свободный выбор", Варлаам начал так: "Свободная воля есть желание разумной души, беспрепятственно направляемое на все: и на добро, и на зло, ибо таким свойством одарил Создатель душу человека. Таким образом, свобода воли есть разумное, независимое движение или направление нашей души. Выбор же есть наша окончательная воля, последовавшая за обсуждением желаемого. Обсуждение есть врожденное нам стремление останавливать свои мысли на всем, что подлежит нашим действиям. Всякий сначала обсуждает, следует ли ему совершить известное дело или нет, после чего уже делает то, что, по его мнению, лучшее, и это называется решением или выбором. Если человек и впоследствии будет одобрять свое решение, то такое решение называется решением или выбором по склонности; если же не будет одобрять, то — решением или выбором условным. Но обсуждение всегда предшествует выбору: никто не выберет чего-нибудь, не обсудив прежде. Все, на чем остановится наш выбор, мы стараемся употребить для дела, применить к своим действиям. Ибо мы все обсуждаем для того, чтобы знать, как нам поступать, как действовать; всякое обсуждение есть причина наших поступков.

Поэтому, не только наши дела, но и наши мысли, избирающие действия, могут быть причиной награды или наказания; так как начало всякого хорошаго или дурнаго дела есть выбор, зарождающийся в мыслях. Так что, каковы наши мнения, таковы и действия. Следовательно, от нас самих зависит быть добродетельными или

порочными. Мы — господа всех наших желаний, всех душевных побуждений, а потому и всех наших решений и действий. Желание есть источник всякого действия, а желания у различных людей бывают различны, а потому и действия различны. Поэтому, сообразно с тем, кто насколько желает, настолько он и получит в удел Божественный свет, так и будет подвизаться в Божественной мудрости. Еще раз: как различны желания, источники наших действий, так и различны самые действия. Подобно тому, как воды, смотря по источникам, текут или в земных ущельях, или на поверхности земли: причем одне врезаются в землю меньше, другия больше; одне соленыя на вкус, другия сладкия, одне текут в изобилии, другия-же падают понемногу, каплями; так должно думать и об источниках наших действий — наших желаниях. Сообразно с последними, наши действия бывают быстрыми или вялыми, горячими или спокойными; одни клонятся к добру, другия же, напротив, отклоняются от него. Словом, сообразно с качествами наших желаний, бывают различны качества и направления наших действий".

Иоасаф опять вопрошает старца: "Есть еще другие, думающие и говорящие об этом, как ты, или же ты один так учишь и предписываешь ненавидеть эту временную мирскую жизнь?"

Варлаам же ему говорит: "В этой вашей злополучной стране я не знаю никакого проповедника. Вследствие тирании твоего отца они все казнены, так как он дал повеление, чтобы в его земле совсем не слышно было их проповеди об истинном богопознании. Но во всех других странах учение это проповедуется. Разница между ними только та, что у одних об этом проповедуется в первоначальной чистоте, у других же извращенно. Ибо враг рода человеческого всячески старается отклонить наши души от прямого пути и, при преподавании Христова учения различным народам, старается придать ему каждый раз другой смысл. Но истинное учение только одно — учение, переданное нам Апостолами и Божественными Отцами; учение, просветившее ярче солнца католическую Церковь во всей вселенной".

Тогда Иоасаф спросил его: "А мой отец никогда не слышал ни о чем подобном?" Варлаам ответил: "Определенного и ясного он ничего не слышал. Когда ему начинают говорить об этом, то он делается глух и

слеп, добровольно чуждаясь добра и всегда склоняясь ко злу". Иоасаф говорит: "Но я бы желал, чтобы и он был посвящен в это учение".

"Невозможное у людей вполне возможно у Бога,— отвечал старец. — Да, было бы истинно доблестным подвигом с твоей стороны, если бы ты спас своего отца и сделался столь славно родителем своего родителя. Я слышал об одном царе, прекрасно управлявшем своим государством, кротко и справедливо относившемся к своему народу. Но у которого был один недостаток, именно: при отсутствии света истинного богопознания заблуждение в поклонении идолам. У него был советник со многими прекрасными качествами души, а также отличавшийся истинным благочестием и мудростью. Этот советник, печалась и негодуя на нечестие царя и желая вывести его из заблуждения, медлил исполнением своего желания, боясь повредить как себе, так и своим товарищам, и этим устранить ту пользу, которую он мог приносить. Но он, тем не менее, выжидал благоприятного случая, чтобы направить царя к познанию истинного блага. В одну ночь царь говорит ему: "Пойдем, пройдемся по городу, не узнаем ли мы там чего-нибудь, достойного внимания и касающегося наших обязанностей".

Когда они шли по городу, то увидели луч света, исходящий из какого-то отверстия. Присмотревшись, они заметили подземную пещеру, где сидел один муж среди крайней бедности, покрытый убогим рубищем. Возле него стояла его жена, которая наливала ему вино в чашу. Когда чаша была полна и муж взял ее в руки, она начала громко петь, увеселяя мужа. Царь со своими спутниками, видя это, дивился, что люди могут среди такой бедности, в таком убогом жилище и одежде так веселиться.

И сказал царь своему советнику: "Что за чудо, друг, что мне и тебе, живущим в такой славе и роскоши, жизнь никогда не была так мила, как она, непонятно для меня, мила, приятна этим людям в таких ужасных и тяжелых обстоятельствах и обстановке".

Воспользовавшись удобным случаем, советник говорит ему: "А какова, государь, по твоему мнению, их жизнь?"—"Из всех, какая мне пришлось видеть, самая непривлекательная, отвратительная и безобразная",— отвечает царь. Советник же говорит ему: "Так знай же, государь, что наша жизнь, жизнь, которую мы с тобой ведем,

несравненно хуже и тяжелее жизни людей, посвященных в тайну вечной славы и благ, непостижимых умом человеческим. Эти наши блистающие золотом дома и великолепные одежды кажутся безобразнее грязи и помета видевшим несказанные красоты нерукотворенных жилищ на небесах, Божественных одежд и нетленных венцов, которые Господь уготовил любящим Его.

Подобно тому, как нам кажется безумным веселие этих людей, так и мы, считая окружающую нас роскошь и ложную славу истинным благом, кажемся безумцами и достойными слез и сожаления в глазах отведавших сладости тех вечных небесных благ".

Услышав эти слова, царь, казалось, сначала онемел, потом спросил: "Кто же это такие, живущие лучшей жизнью, нежели мы?"—"Все те,— отвечает советник, — которые предпочли вечное временному". Когда царь снова спросил, что он разумеет под "вечным", вельможа отвечал: "Жизнь, непресекаемую смертью, богатство, неподозревающее бедности; вечную радость и веселие, непрерываемая горем и неудовольствием; наконец, вечный мир, которому чужда всякая вражда и зависть. Удостоенные обладать всем этим беззаботно и безпечально будут жить, наслаждаясь всеми удовольствиями и радостями царствия Божия и соцарствуя со Христом во веки веков. "Кто же достоин обладать таким блаженством?" — заметил царь. — "Все те,— отвечал советник: "которые идут путем, приводящим в царствие Божие, а путь этот открыт для всех желающих".—"Как же найти его?"— спросил царь. — "Этот путь заключается в познании Бога Отца, Единородного Сына Его, Иисуса Христа, и Духа Святаго".

Царь же, имея истинно царский ум, говорит ему: "Что мешало тебе до сего времени сказать мне об этом? Мне кажется, что если сказанное тобою истинно, то не следовало скрывать или откладывать его открытия. Если же это сомнительно, то, думается, пройдет много времени, прежде чем можно убедиться в несомненности этого".—"Я не по небрежности или нерадению медлил высказать тебе эту истину, неподлежащую никакому сомнению,— отвечал советник,— но потому, что считал себя недостойным предстать пред тобою, пользующимся такой славой, в качестве просветителя; я боялся показаться тебе докучливым. Если же ты теперь прикажешь впредь повторять тебе об этом, то я готов исполнять твое приказание".—"Да,— сказал" царь,—

но напоминай мне об этом не только каждый день, но даже каждый час; ибо к сему нельзя относиться небрежно, но с рвением и всеусердием".

"И мы слышали,— сказал Варлаам,— что этот царь впоследствии жил в истинной вере и благочестии; что он с спокойною душою окончил свою жизнь, а потому, можно думать, достиг вечного блаженства. Если и с твоим отцом кто-нибудь при удобном случае заговорит подобным образом, то и он поймет и сознает, как порочна была до сих пор его жизнь, и, может, пожелает переменить ее на лучшую в истинной вере. Теперь же он духовно слеп, так как отстранил от себя истинный свет и блуждает во мраке нечестия".

Тогда Иоасаф ему сказал: "Да поступит Господь с моим отцом, как Ему угодно, ибо у Него, как ты говоришь, возможно все то, что невозможно у людей. Я же, благодаря твоим чудным словам, сознал суету сей земной жизни, а потому намерен разстаться со всем, в чем я до сих пор проводил свою жизнь, и прожить остальное время с тобою, чтобы чрез эти временныя и преходящая наслаждения не лишиться вечного и непрестанного блаженства".

На это ему старец сказал: "Если ты так сделаешь, то будешь подобен одному юноше, который, как я слышал, происходил от богатых и знатных родителей. Отец сосватал ему очень красивую дочь одного тоже очень богатого и знатного человека. Когда же он объявил это своему сыну, присовокупляя и то, как он вообще намерен устроить его жизнь, то благородный юноша отвергнул его планы, как нечто постыдное и безнравственное, и бежал от своих родителей. Во время странствия он приходит в дом одного бедного старика, чтобы просить позволения отдохнуть после долгого пути среди знойного дня. У порога дома сидела единственная дочь хозяина, занимаясь ручной работой, причем она прославляла и искренно благодарила Бога. Услышав ее славословия, юноша говорит ей:

"Я тебя не понимаю, женщина, в такой бедности и нужде ты благодаришь и славяшь Бога за какие-то великие дары".

Она же ему отвечала: "Разве ты не знаешь, что подобно тому, как незначительная доза лекарства часто избавляет человека от тяжелых болезней, так и благодарение Бога за немногое бывает причиною дарования многого. Я, будучи дочерью бедного старика, благодарю и

прославляю Господа и за это малое, зная, что Он, дав это, может дать и больше. Но я надеюсь не на земные дары, но на будущие, ибо от земных даров, как бы многочисленны и велики они не были, человек не получает никакой пользы, чтобы не сказать, что терпит вред, так как они часто бывают причиною наказания. А с другой стороны, получивших земные дары в очень малых размерах, вовсе не следует считать обиженными, потому что они не получили бы от них ничего, что привело бы их к той цели, которая должна быть общею человеческою целью. Что же касается необходимого и главного, то в этом отношении я получила от Бога безчисленные и великие дары: я удостоилась быть сотворенною по образу и подобию Божию и познания Его; не в пример животным я получила от Него способность слова; получила жизнь; по богатству благодати Его имею возможность участвовать в Его таинствах, и для меня, если я пожелаю, открыты врата рая. За столь многие и великие дары, которые получают одинаково и богатые, и бедные, я не в состоянии воздать достойной признательности Богу. Если же я не буду воздавать Ему и малой посильной благодарности, то какое может быть для меня оправдание"

Юноша с удивлением слушал разсудительныя речи девушки. Когда же она кончила говорить, то он призвал ее отца и сказал ему: "Выдай за меня твою дочь, так как я люблю ее за ее умныя речи и благочестие". Старец же ему говорит: "Ты сын богатых родителей, не можешь взять себе в жены дочь бедняка". Но юноша ему возразил: "Нет, я желаю иметь ее женою, если только ты не откажешь; для меня была сосватана дочь богатых и знатных родителей, но я не пожелал ее, спасся от нея бегством и теперь предпочитаю соединиться с твоею дочерью, оторую я люблю за ее ум и благочестие".—"Но я могу,— отвечал старец,— выдать ее за тебя, отпустить ее с тобою в дом отца твоего, разстаться с своею единственною дочерью". Юноша же говорит ему: "В таком случае, я останусь с вами, поведу ваш образ жизни". И он снял с себя блестящия одежды и оделся в одежды старика, которыя он у него выпросил. Испытывая юношу в продолжение долгаго времени и всесторонне оценив его душевныя качества, узнав, что он не из сумасбродства просит у него дочь, но что это было его серьезным желанием; что он из-за благочестия решился, отказавшись от богатства и славы, жить в бедности, старик берет однажды юношу за руку, ведет в свою кладовую и показывает ему такое богатство, столько денег,

сколько юноша во всю свою жизнь не видел. И говорит ему: "Все это, сын мой, я даю тебе за то, что ты полюбил мою дочь. Ты будешь наследником всего моего состояния". Наследовав эти богатства, юноша сделался первым богачом во всей той стране".

Когда Варлаам умолк, Иоасаф говорит ему: "Ты совершенно верно изобразил в своем рассказе мои душевные чувства, так как я полагаю, что ты на мой счет это говорил. Но чем ты пожелаешь увериться в твердости моих намерений?"

"Я уже убедился и познал силу твоего разума, твердость мыслей и прямоту твоей души,— сказал Варлаам.— Но я желаю, чтобы ты окончательно

Ипросветился душою. Поэтому преклоняю колена моя пред Богом нашим, прославляемым в Троице, Творцом всего видимого и невидимого, вечным, безначальным и безконечным, всемогущим, всеблагим и всемилостивым, молю Его, чтобы Он просветил очи сердца твоего и дал тебе дух мудрости и откровения в познании Его; чтобы ты познал, что значит надежда на Него, какова слава наследовавших царствие Божие, и как дивно Его могущество, проявляемое в нас, верующих, молю Его о том, чтобы ты не был более чужд Ему; но, чтобы, подвизаясь со святыми, был близок к Нему, имея в своих действиях основание, положенное Апостолами и пророками, краеугольный камень которого Сам Господь наш Иисус Христос".

Услышав это, Иоасаф, опечаленный, сказал: "И я желал бы знать все об этом. Потому, прошу тебя, скажи мне о богатстве славы Божией и о Его чрезвычайном могуществе".

Учение о непостижимой мудрости всемогущаго Бога, о Его славе, могуществе и величии.

Снова вдохновенно повел свою речь Варлаам: "Молю Бога, чтобы Он Сам научил тому, о чем ты желаешь узнать; чтобы Он вложил в твою душу это познание, потому что совершенно невозможно человеку выразить славу и могущество Божие, хотя бы для этого соединились все языки людские. Евангелист и великий Богослов говорит: Бога не видал никто никогда. Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (Иоан. 1, 18); так что никто из смертных не может постигнуть славы и величия Невидимаго и Непостижимаго, кроме тех, кому Он Сам пожелает открыть, как открыл это Апостолам и пророкам. Мы же узнаем или из их повествований, или из самой природы вещей, насколько, конечно, нам вообще доступно постигать это. Св. Писание говорит: *Небеса проповедают славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы* (Псал. 18, 2; Римл. 1, 20).

Подобно тому, как кто-нибудь, увидев великолепный дом или какое другое сооружение, представляющее прекрасную гармонию, стал бы удивляться строителю и творцу их, так и я, созданный и получивший жизнь из ничего, хотя и не могу видеть своего Творца, но из замечательного целесообразного и мудраго устройства своего существа заключаю о Его мудрости. Конечно, я не могу понять ее совершенно, но только в пределах человеческой способности. Я сознаю, что не сам по себе произошел, но что Верховное Существо по Своей воле сотворило меня, как вообще человека, выше всех прочих тварей, хотя по размеру и силе физической меньше некоторых из них. Затем, когда я оставляю эту жизнь и по Его воле переменяю ее на другую, вечную, бесконечную, то ни в чем не могу пойти наперекор силе" Его божественнаго предопределения; не в состоянии ничего ни прибавить к своему существу, ни отнять: одрях-левшаго я не могу возобновить,

растлевшаго—возстановить. Никто из людей не в силах сделать ничего подобного: ни царь, ни мудрец, ни сильный, и никто другой, обладающий человеческими свойствами, потому что никто не имел другого рождения, но для всех бывает только одно начало и один конец этой жизни. Таким образом, я для познания величия Создателя руководствовался свойствами своего собственного существа.

Наш ум и наше чувство без слов, внутренним побуждением, говорят нам предоставить себя Промыслу нерукотворенного, неизменного и непреложного Бога, Который будет руководить нами, хранить и заботиться о нас. Как столь противоположные элементы могли бы соединиться для образования одного мира и оставаться неразрывно друг с другом, если бы всемогущая сила Божия не примиряла их сосуществования? Чем бы поддерживалось существование того, что вызвано Им к бытию, если бы оно не поддерживалось Им? Если судно, лишенное кормчаго, не выдерживает напора моря, но легко потопляется; если ничтожный дом не может стоять без пекущагося о нем человека, то каким образом вселенная, столь грандиозное, прекрасное, удивительное творение, могла бы существовать без замечательного, великаго, удивительнаго управления и мудраго Промысла? Сколько времени существуют небеса и не помрачились! Сила земли не изсякла, хотя она столько времени дает постоянно так много произведений; ключи не перестали бить оттуда, откуда получили начало; моря, принимающая в свои недра столько рек, не увеличились в размерах; движения солнца и луны не прекратились и не переменили своих направлений; порядок смены дня и ночи остался прежний. Из всего этого мы можем заключить о несказанном могуществе и величии Божиим, о которых свидетельствуют также Пророки и Апостолы. Но никто не может вполне ни постигнуть, ни выразить Его славы. Потому Апостол, чрез котораго говорил Сам Христос, поняв, что доступно и что недоступно человеческому разумению, говорит: *Мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится* (КоринѠ. 13; 9, 10). Далее, изумляясь непостижимому богатству мудрости Божией, восклицает: *О, бездна богатства и премудрости, и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неизследимы пути Его* (Римл. 11, 33).

Если же Апостол, достигнувший третьяго неба и слышавший там неизреченныя слова, говорил так, то кто из подобных мне может измерить бездну таких тайн, совершенно познать их, а потому говорить о них что-нибудь уверенно, если только Глава мудрости, Руководитель немудрых не вложит в кого-нибудь это познание, следовательно, и эту уверенность. Ибо в Божией власти и мы, и разумения наши, и слова наши. От Бога же мы имеем истинное познание об устройстве вселенной; познание первых, средних и последних времен, перемены нравов, обычаев и внешних обстоятельств. Всему Он дал определенный размер и вес, великое могущество Котораго про-является всюду. Кто может противиться Его державной руке?! Человек, решившийся сделать это, подобен самой незначительной тяжести, положенной на одну чашку весов, когда на другую положена тяжесть всего мира; или же такой человек подобен капле росы на земле. Бог милостив ко всем: Он прощает людям их прегрешения, если они раскаиваются в них; никем Он не гнушается и никого из обращающихся к Нему не отвергает, ибо Он единый, благий и любящий Господь. Да будет хвалимо, прославляемо и почитаемо святое имя славы Его во веки веков. Аминь".

Выслушав, Иоасаф ему заметил: "О, премудрый муж! Мне кажется, что если бы ты размышлял даже долгое время о том, как бы лучше разъяснить предложенные тебе мною вопросы, то и тогда бы ты исполнил это не лучше, чем теперь. Ты мне так ясно доказал, что Бог есть Творец и Властитель всего мира, и в неопровержимых словах показал мне непостижимую человеческим умом славу величия Божия; выяснил, что никто не может ее постигнуть, кроме получивших особое о том откровение. Я удивляюсь твоей великой премудрости, блаженный муж! Но скажи мне, однако, сколько тебе лет? Где ты живешь? Какие мудрецы еще живут с тобою? Я всем сердцем, всею душою полюбил тебя за твое мудрое учение и не желаю в течение всей своей остальной жизни разстаться с тобою".

Старец же ему отвечает: "Мне около сорока пяти лет; живу я в Сенаарской пустыне, сподвижники же мои — люди, посвятившие свою жизнь и труды на то, чтобы явиться достойными наследовать царствие Христово на небесах".

Иоасаф же ему возразил: "Как это может быть? Ты на вид кажешься лет семидесяти, а говоришь, что тебе сорок пять лет? Мне кажется, что в этом случае твои слова неистинны".

"Если ты,— отвечал Варлаам,— спрашиваешь, сколько мне лет от рождения, то ты верно определил, что мне около семидесяти лет. Но я вовсе не включаю в годы своей жизни то время, которое я прожил в мирской суете. Ибо, когда я жил плотью, порабощенный грехами, то духовно был мертв, так что я никоим образом не могу годы смерти включить в годы жизни. С тех же пор, как *для меня мир распят и я для мира* (Гал. 6, 14), сбросив с себя прежнего человека, растлеваемого страстями, *уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня* (Гал. 2, 20). Годы, прожитые мною в такой жизни, я и называю годами спасения, прожито же их мною около сорока пяти. Потому-то я и определил тебе свой возраст этим числом и, как видишь, вполне согласно с разумом и сообразно с целью своей жизни. Отныне и ты веди такой счет на том основании, что чуждые всего доброго, живущие во грехе, тратящие свою жизнь на позорные, страстные удовольствия суть подлинные мертвецы, неспособные к истинной жизнедеятельности. Один мудрец совершенно справедливо назвал грех вечною смертью. Апостол говорит: *Когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их — смерть. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец—жизнь вечная. Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий—жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 6, 20, 23)".

Услышав это, Иоасаф говорит: "Так как ты не включил времени, прожитого тобою в угождение плоти, в годы своей жизни, то и смерть, которую умирают все, по-твоему не следует считать смертью"?

"Без сомнения,— отвечал старец.— В этом случае я разсуждаю по предыдущему и ничуть не боюсь сей временной смерти и даже не называю ея смертью, если она постигнет меня на пути исполнения заповеди Господа, а считаю это скорее переходом от смерти в лучшую, совершеннейшую жизнь, сокровенную во Христе. Святые, желавшие достигнуть вечной жизни, весьма тяготились настоящею земною,

почему Апостол говорит: *Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. От того мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище, только бы нам и одетым не оказаться нагими. Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью* (2 Коринф. 5,1, 5). И в другом месте: *Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?* (Рим. 7, 24). И опять: *Имею желание разрешиться и быть со Христом* (Филип. 1, 23). Пророк восклицает: *когда прииду и явлюсь пред лице Божие!* (Пс. 41, 3).

В том же, что я ничуть не боюсь телесной смерти, ты можешь убедиться из того, что я, не обращая внимания на угрозы твоего отца, безстрашно явился к тебе, чтобы возвестить спасительное слово, хотя твердо знал, что если он узнает об этом, то предаст меня, если сможет, безчисленным пыткам и казням. Но ставя выше всего Слово Божие, я не боюсь сей временной смерти и даже не считаю ее достойною такого названия, следуя заповеди Господней, гласящей:

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне (Матф. 10, 28)".

"Таковы ваши успехи в истинной мудрости,— сказал Иоасаф,—они, конечно, выше человеческой природы и недоступны обыкновенным земным обитателям, которые весьма дорожат настоящею жизнью. Блаженны вы за свой мужественный образ мыслей! Но чем вы питаетесь в пустыне — ты и твои сподвижники? Какова там ваша одежда?"

Варлаам же отвечает: "Пищею нам служат плоды и трава, растущие в пустыне, которые она производит по воле Божией, питаемая земною росой. Никто из-за них не вступает с нами в борьбу, и ни для кого они не служат предметом зависти. Но в изобилии растет наша пища, для которой мы не пахали, и кушания, которых мы не приготавливали. Если же кто-нибудь из ближних наших, верующих братьев, принесет нам когда-нибудь другой снеди, то мы принимаем ее, как дар Промысла Божия, больше для того, чтобы с верою приносящие получили благословение Божие. Одеждами же нам служат рубища или шкуры,

совершенно ветхия, изнуряющая нашу немощную плоть, употребляемая нами безразлично летом и зимою; как только мы оделись в такую одежду, то снять ее мы не смеем, пока она совершенно не растлеет от ветхости. Бедствуя в таких одеждах от холода и зноя, мы приготовляем себе в будущем одежды безсмертия".

"Откуда же у тебя в таком случае одежда, в которой ты теперь?"— спросил его Иоасаф.

"Платье это,— отвечал старец,— я взял по необходимости у одного верующаго, когда готовился идти к тебе, так как в своей одежде я не мог бы пройти сюда. Подобно тому, как некто, желая освободит из плена своего родственника, переменял свою одежду на неприятельскую и уподобившись, таким образом, им по внешности, проник в страну чужого народа и хитростию вывел оттуда своего родича,— так и я, узнав чрез откровение о состоянии твоей души, облачился в эту одежду и пришел вложить в твое сердце семя Божественнаго учения и избавить тебя от власти духа зла. И вот, я по воле Божией, насколько от меня зависело, преподавал тебе познание об истинном Боге, возвестил повествования Пророков и Апостолов; ясно и верно выставил тебе суету земной жизни, все зло, которым наполнен сей мир, жестоко обманывающий своих почитателей и всюду разставляющий людям сети. Затем, когда мне нужно будет отправиться туда, откуда я пришел, тогда я сброшу с себя чужую одежду и останусь опять в своей".

Услышав это, Иоасаф просил старца показать ему его собственное платье. Внимая его просьбе, Варлаам скинул чужую одежду, которая была на нем сверх его обычнаго одеяния, и тогда ужасный вид представился взорам Иоасафа. На теле его не было никакого признака мяса; кости с покрывающею их кожей, почернелою от солнечнаго зноя, были подобны тонкому тростнику, обтянутому кожею; грубое, ветхое рубище покрывало его тело от бедер до колен. Такая же ветошь покрывала плечи. Иоасаф, изумленный последствиями суроваго и труднаго образа жизни, а также пораженный его нечеловеческою твердостью, громко зарыдал и сказал старцу: "Так как ты пришел освободить меня от жестокаго плена диавола, то доверши свое благодеяние,— выведи из темницы душу мою, возьми меня с собою; уйдем вместе отсюда, чтобы я, освободившись совершенно от обмана

мира, закрепил свое освобождение спасительным крещением и вместе с тобою преуспевал в Божественной мудрости и великом подвиге".

На это Варлаам говорит: "Один богатый человек воспитывал молодую газель. Когда эта газель подросла, то, влекомая природными свойствами характера, затосковала по пустыни. Выйдя однажды из своего двора, она видит стадо пасущихся газелей и, примкнув к ним, бродила с ними по полям и равнинам, возвращаясь к вечеру домой. С разсветом же она, по небрежности служащих, опять выходила и примыкала к своему стаду. Когда же другия бежали дальше, то и она следовала за ними. Но однажды слуги, заметив ее исчезновение, сели на лошадь и погнались за ней. Догнав стадо, они свою газель возвратили домой и впредь держали ее взаперти, других же газелей частью убили, частью ранили. Я боюсь, чтобы того же самаго не было и с нами, если ты присоединишься к нам. Последствием сего может быть то, что и мы с тобою навсегда должны будем разстаться, и товарищам своим я причиню много зла. Но вот что Господь повелевает делать тебе: чтобы ты пока, приняв св. крещение, оставался на месте, поступая по всем правилам благочестия, исполняя заповеди Христа. Когда же Податель всех благ даст тебе удобный случай, тогда ты придешь к нам, и всю остальную жизнь мы будем жить вместе.

Я возлагаю надежду свою на Господа в том, что в будущей жизни мы будем жить неразлучно".

Тогда Иоасаф заплакал и говорить старцу: "Если так угодно Господу, да будет воля Его. Заклучи же свое благое дело святым крещением надо мною, потом прими от меня деньги для своего пропитания и своих товарищей, а также платья и иди с миром на место своего подвижничества. Не переставай молиться за меня, чтобы надежда не оставляла меня, и я мог как можно скорее прийти к тебе и при глубоком спокойствии наслаждаться твоим душеполезным обществом".

На это ему Варлаам возразил: "Для совершения над тобою св. крещения нет никакого препятствия. Старайся впредь быть постоянно готовым предстать на Страшный Суд, и тогда, с Божией помощью, ты усовершенствуешься. Что же касается того, что ты хочешь одарить моих товарищей, то непонятно, каким образом ты, бедняк, можешь одарить богатых: богатые всегда одаряют бедных, а не бедные —

богатых. Самый бедный из моих товарищей несравненно богаче тебя; но я, надеясь на милосердие Божие, думаю, что и ты со временем будешь богат, но тогда ты не будешь щедр".

"Разъясни мне подробнее свои слова,— сказал Иоасаф,— каким образом самый бедный из твоих товарищей богаче меня, тогда как ты незадолго пред тем сказал, что вы живете в крайней бедности? Почему ты называешь меня теперь бедным? Когда же я разбогатею, то не буду щедрым, а теперь, при бедности, я щедр?"

На это Варлаам ему отвечал:

"Я тебе не говорил, что мои товарищи терпят бедность: они владеют неисчерпаемым богатством,— ибо постоянно увеличивать свои деньги, не употреблять их для дела, но постоянно стремиться иметь больше и больше — есть крайняя бедность; те же, которые, стремясь к вечному, пренебрегли всем временным, земным, считая это пометом, чтобы только наслаждаться благами Христа; те, которые отложили всякую заботу о пище и одежде, надеясь на Господа; которые радуются бедности так же, как другие радуются богатству и деньгам, которые, наконец, накопили в изобилии богатство добродетели и живут утешением и надеждою на будущия вечныя блага,— богаче всего земнаго царства в совокупности.

С Божией помощью и ты сам будешь обладателем такого духовнаго богатства. Это сокровище ты будешь стараться сохранить невредимым, будешь совершенно справедливо стремиться постоянно его увеличивать, а потому не захочешь, конечно, его расточать.

Такое богатство есть истинное богатство. Материальное же довольство скорее вредит своим обладателям, чем приносит им пользу. Я совершенно справедливо назвал такое богатство крайнею бедностью.

Домогающиеся небесных благ совершенно отреклись от него и бежали, как от змеи. Так что, если я принесу им от тебя убитаго и попраннаго ногами врага и сделаюсь виновником новой борьбы со страстями, то окажусь для них плохим посланцем, скорее буду недоброжелателем, старающимся ввести их в заблуждение. Но этого я никогда не сделаю.

То же самое и относительно одежд: как я могу одеть сбросивших с себя платье гибели и непослушания и облачившихся во Христа, как одежду спасения и радости,— как могу их одеть снова в кожаные хитоны, а сверх них в плащ позора? Да кроме того, я знаю, что мои товарищи совсем не нуждаются в этих одеждах, так как все их тщание сосредоточено на пустынных подвигах.

Ты раздай бедным те деньги и те платья, о которых говорил; этим ты приобретешь себе неотъемлемая сокровища; молитвы бедных призовут Бога тебе в помощники. Таким образом, ты пользуйся богатством как средством для творения добрых дел.

Потом, *препоясав чресла твои истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир, а паче всего возьми щит веры, которым можешь угасить все раскаленные стрелы лукаваго; и шлем спасения возьми, и меч духовный, который есть Слово Божие* (Ефес. 6; 14, 17), и, вооружившись так прекрасно, смело выйди против врагов благочестия. Если ты будешь успешно бороться с ними, сокрушишь их главу, диавола, то будешь украшен победоносным венком одесную живоначального Господа".

Наставив царского сына в истине такими учениями и спасительными словами, склонив его к Божественному крещению, заповедав ему молитвы и пост, старец в течение нескольких дней постоянно навещал юношу, уча его подробно догмам Православной веры, излагая ему учение Св. Евангелия, Апостольских Посланий, а также объясняя изречения Пророков. Ибо он был сведущ в Священном Писании как Ветхаго, так и Новаго Завета, и знал содержание их наизусть. Просвещаемый кроме того Святым Духом, он преподавал царевичу истинное богопознание.

Учение о догматах веры.

В тот день, когда Иоасаф должен был креститься, Варлаам, поучая его, говорил: "Вот ты спешишь осенить себя знамением Христа, просветиться светом лица Господня, сделаться сыном Божиим и храмом Святаго Животворящаго Духа. Веруй же отныне в Отца и Сына, и Святаго Духа, Троицу Святую и Живоначальную, в три Ипостаси, но Единое Божество — Божество в трех Ипостасях; каждая Ипостась имеет Свои отличительныя свойства, но соединяются оне в Единую Троицу, вследствие единого их существа. Итак, ты веруй во Единого Господа Бога Отца, не рожденного ни от кого, и Единого Господа Бога Сына, рожденного от Отца, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного прежде всех век. От всеблагаго Отца родился всеблагий Сын: от нерожденного Света возсиял Свет вечный, от Истинной Жизни произошел Животворящий Источник, от могущества Отца произошло могущество Сына, Он был всегда с Богом, будучи Сам Богом безначальным и вечным. Через Него все произошло: видимое и невидимое. Затем веруй во Единого Духа Святаго, от Отца исходящаго, Бога совершеннаго, животворящаго, вечнаго, непреложнаго. Итак, поклоняйся Отцу и Сыну, и Св. Духу, в трех Ипостасях с тремя личными свойствами, но в Едином Божестве. Общее всем Им есть Божество, одно существо, одна слава, одно могущество. Общее между Сыном и Духом Святым то, что Они от Отца: Один рождается, Другой исходит. Отличительное же свойство Отца то, что Он не исходит и не рождается ни от кого.

Так веруй сему; но не старайся постигнуть, как произошло рождение Сына и исходяние Духа Святаго, ибо это непостижимо для людей. Но прими всем сердцем, что Отец и Сын, и Дух Святой всегда и во всем суть едино и разнятся только упомянутыми свойствами каждой Ипостаси.

Прими также и то, что Единородный Сын и Слово Божие, будучи Богом, ради спасения нашего сошел на землю, по благоволению Отца

и по действию Духа Святаго, что Он воплотился во чреве Святой Девы Марии без мужа от Св. Духа. Родившись от Нея пречисто и пренепорочно, Он, сделавшись совершенным Человеком, был совершенным Богом, состоя из двух естеств: Божества и человечества. Каждое из этих двух естеств в одном лице имело в должной мере свою особую волю, особый разум, чувства и действия. Это ты также прими, не сомневаясь и не стараясь познать самого способа, которым Сын Божий безгрешно родился от Девы без мужа, а также того, как произошло соединение двух естеств в одном Лице. Мы были научены с верой принять сие. Это учение дано было нам свыше, чрез Священное Писание. Но как происходило заключающееся в этом учении — этого мы не знаем и сказать не можем.

Верую, что Сын Божий, вочеловечившийся по богатству милосердия Своего, восприял и все свойства природы человека, а потому и свойство подлинно страдать. Человечеством Он и голодал, и жаждал, и имел потребность во сне, изнурялся, трудился и проч. За наши грехи Он подвергнулся смерти, ибо Он был распят и погребен, умерши на короткое время. Но Он страдал и умер человечеством; Божеством же Он не страдал и не умирал, но был неприкосновенным, так как всякое страдание доступно только природе, способной воспринимать и чувствовать его. Затем мы знаем также, что Он нетленным возстал из мертвых, вознесся на небо и придет снова со славою судить живых и мертвых и Своим праведным судом воздать каждому по делам. В Священном Писании сказано: *Оживут мертвецы Твои, возстанут мертвые тела* (Ис. 26, 19). И тогда исполнявшие заповеди Христа и пребывавшие в истинной вере наследуют вечную жизнь. Запятнавшие же себя грехами и уклонившиеся от истинной веры отправятся на вечное наказание.

Но ты не верь в самостоятельное существование зла, в его господство; не считай его безначальным, всегда бывшим, возникшим само собою или происшедшим от Бога. Такое мнение было бы нелепостью. Зло есть наше творение и творение диавола, могшее появиться у нас вследствие данной нам свободной воли, дарования нам свободного выбора добра или зла. Кроме того, исповедуй только одно крещение — крещение водою и Духом Святым во оставление грехов. Принимай также участие в приношении безкровных жертв Господу, веруя, что ты принимаешь истинное Тело и истинную Кровь Христа.

Это таинство Христос установил совершать для оставления прегрешений. В ту ночь, когда Он был предан, Он заключил Новый Завет с учениками Своими и Апостолами, а чрез них и со всеми верующими; взяв хлеб, преломив и благословив его, Он сказал: "Примите, ядите; сие есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов". А также, взяв чашу, Он подал им, сказав: "Пийте от нея вси; сия есть Кровь Моя Новаго Завета, которая за вас проливается во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание" (Матф. 26, 26; Лук. 22, 17). Само Слово Божие, живущее и действующее, делая все по Своему могуществу, принесенные хлеб и вино пресуществляет чрез нисхождение Святаго Духа в Свое Тело и Кровь для освящения и просветления добровольно принимающих их.

Поклоняйся и целуй с верою честное изображение воплотившагося за нас Слова Божия в той мысли, что ты видишь пред собою Самого изображеннаго. Ибо честь, воздаваемая иконе относится к тому, кто на ней изображен"; как сказал один из наших богословов (св. Василий Великий). Так что мы в уме переносимся к живому, подлинному, истинному образу Того, Кто изображен на иконе. Мы не обожаем этих икон, но целуем их, как изображения воплотившагося за нас Бога, Который из любви к нам временно уничижил Себя. На том же основании мы лобзаем и поклоняемся изображениям Пречистой Его Матери и всех святых. Подобным образом, с верою целуй и поклоняйся изображению святаго и Животворящаго Креста ради Распятаго на нем, распятаго для спасения рода человеческого и давшего нам крест помощником для победы над диаволом, при виде котораго диавол ужасается и дрожит, не перенося его силы. Следуя этому учению, прими св. крещение, сохраняя веру неизменной и чистой до последняго дыхания. Всякое же учение и мнение, противоречащее этой истинной вере, ты считай противным Богу, а потому отвергай его, ибо Апостол говорит: *Но если бы даже мы, или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали мне, да будет анафема* (Галат. 1, 8). Знай, что нет другаго Евангелия, другой истинной веры, кроме возвещенной нам Апостолами и утвержденной на различных соборах Божественными Отцами и принятой кафолическою Церковью".

**Св. крещение Иоасафа, последния наставления, прощание
и удаление св. Варлаама в пустыню.**

Сказав все это и передав царевичу Символ веры, изложенный на Никейском соборе, Варлаам крестил его во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, погрузив в водоем с водой, находящийся в царском саду. Тогда низошли на крещенного дары Святаго Духа. Возвратившись же в спальню Иоасафа и совершив безкровное священное жертвоприношение, старец преподавал ему Святых Таин Христовых, возрадовался он духом, прославляя Христа, Бога нашего.

После этого Варлаам сказал: "Да будет хвален Бог, Отец Господа нашего Иисус Христа, утвердивший тебя в надежде на жизнь в безсмертном, вечном, святом наследии чрез Духа Святаго. Сегодня тебе отпущены все сотворенныя тобою прегрешения, ты стал рабом Божиим, получил задаток вечной жизни, оставив тьму, ты облекся в свет, имея славное право именоваться чадом Божиим. Евангелист Иоанн говорит: *А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими (Иоан. 1, 12). Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа. (Галат. 4, 7).* Поэтому старайся предстать пред Господом чистым и безупречным, творя добрыя дела для основания веры, как я тебе и раньше сказал. Для сего отбрось от себя всякое зло и возненавидь дела, которыя ты творил, будучи прежним человеком, под влиянием неведения и страстей; старайся подобно новорожденному питаться молоком разума, истины и добродетелей, чтобы, питаясь этой пищею, ты возвеселился, преуспевал в познание заповедей Сына Божия, стал совершенным мужем; не был бы волнуем и носим вихрем страстей, противопоставляя злу, вовлекшему тебя в заблуждение, свой ум, прикрепленный и направленный к добру, чтобы ты был достоин имени христианина, которое ты носишь, чего ты достигнешь, исполняя заповеди Господа, оттолкнув и удалив от себя пустоту прежняго образа жизни.

Ты видишь, как язычники мнутя под влиянием суеты своего ума, будучи отдалены от славы Божией и подчинены своим страстям и неразумным побуждениям. Ты же как предстал пред истинным живым Богом, так и живи—как сын света. *Потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине* (Ефес. 5, 9). И не порочь нового человека, чем ты стал отныне, своими качествами прежнего человека, но обновляй себя упражнением в справедливости, благочестии и истине, потому что это доступно каждому желающему. *Ибо тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Иоан. 1, 12). Так что мы не можем более сказать, что не в силах быть добродетельными, так как путь, ведущий к достижению этого, легок и доступен, и затрудняется только страстями и похотями плоти. Но это прямой и желательный путь вследствие надежды на будущия блага, не для бессмысленно идущих, но для верно понимающих, что угодно Богу, вполне вооруженных для устранения встретившихся на этом пути затруднений, и для бодрствующих, пребывающих ради этой цели в молитве, терпении и надежде. Ты же, тем, что услышал от меня и чему научен мною, получил прочный фундамент, на котором строй свое здание, возвеличиваясь, преуспевая, совершая славный поход. Имей веру и добрую совесть, приобретаемую благими делами. Старайся быть добрым, справедливым, благочестивым, верующим, любящим, терпеливым, кротким, чтобы достигнуть вечной жизни. Всякое же желание наслаждения и требования страстей не только не проявляй делами, но даже в мыслях старайся не иметь их, чтобы твоя душа предстала пред Богом совершенно чистой, так как не только наши дела, но и наши сокровенныя помыслы, будучи записываемы, бывают причиной или славы, или наказания.

Мы знаем, что в чистых сердцах обитает Христос с Отцом и Святым Духом.

Узнали также, что подобно тому, как дым разгоняет пчел, так дары Св. Духа выгоняют из нас всякия дурныя пожелания. Заботься о том, чтобы стереть с своей души всякий след страстного помышления и насадить в ней лучший образ мыслей, делая себя, таким образом, храмом Духа Святаго, так как из помыслов вытекают действия. Всякое дело имеет своим началом ничтожную мысль и желание, которыя, постепенно развиваясь, разрешаются большим делом. Поэтому, ни в

каком случае не допускай, чтобы какая-нибудь дурная склонность возымела над тобою власть. Но выбрось скорее дурной зародыш из своего сердца, а то он разрастется, пустит глубокий корень, и тогда потребуются много времени и усилия, чтобы вырвать его. От того, что мы не обращаем внимания на малые ошибки и прегрешения, не замечаем худые желания, непристойные слова, дурные общества и не заботимся о их исправлении, происходит то, что мы делаем большие ошибки, и грешные склонности властвуют над нашей душой.

Подобно тому, как пренебреженные гниением незначительных ран тела часто причиняют себе смерть, так и нерадеющий о малых душевных недостатках и погрешностях, возводит их постепенно на степень больших пороков, свыкнувшись с которыми душа и ими пренебрегает. Тогда она подобна свинье, погрузившейся в грязь и наслаждающейся этим положением. Душа, погрязнув в дурных склонностях, не замечает их злокачественности, но скорее находит в них негу и наслаждение, любя зло, как благо. И если она, когда-нибудь потом, спохватившись, придет в себя, то только с большим усилием и трудом освобождается она от тех дурных склонностей, которым поработила себя. Всеми силами остерегайся дурных мыслей или желаний и всяких страстных склонностей. Но старайся приучить свою душу к добру, чтобы все твои действия истекали, так сказать, из привычки к добродетели. И если ты хоть немного преуспеешь в этом, то потом с Божией помощью неутомимо будешь подвигаться на этом пути. Привычка к добродетели, сроднившись с душой и приобретши помощником Бога, становится надежной, несокрушимой.

Мужество, разум, благоразумие и справедливость только тогда тверды, когда они воистину свойства души, если проникли в глубину ее. Ибо, если качества, не будучи врожденными нам, но приходящая извне, войдя в привычку, становятся несокрушимыми, то тем паче добродетель, для которой мы призваны к жизни Создателем и поддерживаемая Им в человеке, войдя при нашем усердии в привычку, прочно укореняется в душе нашей. Один подвижник сказал мне, что эта привычка с течением времени делается так сильна, что потом действие, согласное с добродетелью, становится потребностью, человек уже не в силах сойти с этого пути, лицемерие Божие становится главной целью жизни такого человека, что я испытал потом и на себе. Пророк говорит: *Как олень желает к потокам воды,*

так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому (Псал. 41, 2—3).

И из всего этого можно заключить, что обладание добродетелью зависит от нас, и что мы как бы господа ея, потому что в нашей воле или ее избрать предметом своих действий или предпочесть ей грех. Порабощенные злом неразрывно связаны с ним, как я сказал раньше. Ты же, по милосердию Божию, освобожденный на будущее время от его власти, удостоенный быть носителем имени Христа по милости Святаго Духа, обратись всецело к Господу и не открывай более дверей страстям. Но, украсив свою душу благоуханием и блеском добродетелей, сделай ее храмом Пресвятой Троицы, посвятив для созерцания Ея все свои духовныя силы. Если проводящий время и разговаривающий с земным царем считается всеми счастливейшим человеком, то каким блаженством будет наслаждаться удостоенный разговора и духовнаго сожития с Богом!

Представляй Его всюду пред собою и обращай к Нему. Ты спросишь, как тебе обращаться к Богу?— Чрез молитву и прошение. Молящийся Ему искренно с чистым сердцем, освободив свой ум от всего греховнаго и низкаго, со страхом и трепетом возносящий Ему свои прошения — такой воистину разговаривает с Ним лицом к лицу, так как всемилостивый Господь Бог наш присутствует всюду, внимая искренно молящимся к Нему, о чем свидетельствует Пророк: *Очи Господни обращены на праведников, и уши Его к молитве их* (Псал. 33, 16). Поэтому Св. Отцы называют молитву общением человека с Богом, делом Ангелов и преддверием к будущему веселию. Ибо, если царствие небесное, близость и созерцание Св. Троицы ставятся выше всего, а это достигается через молитву, то вполне естественно, что ее называют преддверием и как бы прообразом будущаго блаженства. Но не всякая молитва носит такое название, а только достойная этого, имеющая своим наставником Бога, молитва, чуждая всего земнаго и обращенная непосредственно к Господу. Усвой себе такую молитву и старайся преуспевать в ней, потому что чрез нее ты можешь возвыситься от земли на небо.

Но без приготовления подвизаться в такой молитве ты не можешь. Должен сначала очистить душу свою от всяких страстей и дурных мыслей, сделать ее подобною ярко вычищенному зеркалу, освободить

ее от всякаго злопамятства и вражды, что более всего препятствует нашим молитвам быть угодными Богу; подкрепить свою молитву прощением от всего сердца прегрешений против тебя обидчиков твоих, милосердием и милостынями бедным и тогда уже с горячими слезами вознеси ее к Богу. Молясь так, ты сможешь сказать подобно Давиду, который, будучи царем, боримый безчисленными мыслями, очистив свою душу от всяких страстей, восклицал к Богу: *Ненавижу ложь и гнушаюсь ею; закон же Твой люблю. Седмикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей. Велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения. Уповаю на спасение Твое, Господи, и заповеди Твои исполняю. Душа моя хранит откровения Твои, и я люблю их крепко. Храню повеления Твои и откровения Твои, ибо все пути мои пред Тобою. Да приблизится вопль мой пред лице Твое, Господи; по слову Твоему вразуми меня* (Пс. 118; 163 — 169). Пророк Исаия говорит: *Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: вот Я* (Ис. 58, 9).

Если ты усвоишь себе такую молитву, то будешь блажен. Потому что разогревший свое сердце, как выразился один святой, и напрягший душу, переселившийся мысленно на небо и назвавший, таким образом, Господа своим, раскаиваясь о своих прегрешениях, прося прощения, умоляя с горячими слезами Господа быть милостивым к нему, при этом самом оставляет всякую заботу о земной жизни, становится выше человеческих мыслей и чувств и может назваться собеседником Божиим. А что может быть выше, блаженнее этого? Тебе же Господь дал возможность достигнуть такого блаженства: я тебе указал путь исполнения заповедей Божиих и ничего не упустил, возвещая волю Божию. Теперь я уже окончил дело своей миссии. Впредь ты, опоясавши чресла мыслей своих, сообразуясь призвавшим тебя Святым, и сам старайся свято поступать во всех жизненных случаях: *святы будьте, ибо свят Я, Господь Бог ваш* (Лев. 19, 2). Подобным образом пишет Апостол Петр: *И если вы называете Отцом Того, Который судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего, зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною кровью Христа как непорочного и чистаго Агнца* (1 Петр. 1, 17, 19).

Запечатлей все это в своем сердце и помни о том, чтобы иметь всегда пред глазами: страх Божий и Страшный Суд; свет и славу праведников, которые они наследуют в том мире, и позор грешников в густом мраке; всю немощь и суету земной жизни и вечность будущей. *Всякая плоть трава, и вся красота ея, как цвет полевой. Засыхает трава; увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа: так и народ—трава. Трава засыхает, цвет увядает; а слово Бога нашего пребудет вечно* (Ис. 40, 68). Имей всегда сие в мыслях. И да будет мир Божий с тобой, который просветит тебя, вразумит и направит на путь спасения, отгонит от ума твоего всякое дурное помышление, и прикрепит душу твою к знамени Креста, чтобы никакой дурной соблазн не пристал к тебе. Подвизайся в усовершенствовании всякой добродетели для наследования вечного и непреложного царства и озарения светом блаженной и животворящей Троицы, прославляемой в Отце и Сыне, и Святом Духе.

Дав царскому сыну такая нравственныя наставления, благочестивый старец возвратился в свое временное место жительства. Между тем, воспитатели и слуги юноши очень удивлялись его частым посещениям. И вот, главный из них, по имени Зардан, котораго царь назначил к сыну, зная его, как очень вернаго и преданнаго человека, говорит царевичу: "Ты не ведаешь, мой господин, как я верен и как благоговею пред твоим отцом. Зная это, твой отец и назначил меня слугою к тебе. Теперь я, видя частыя посещения этого неизвестнаго старика, опасаясь, что он христианин, к которым так нерасположен твой отец, и боюсь как бы чрез него я не был казнен. Так что ты или извести своего отца об этих посещениях, или прекрати их. Если же ни то, ни другое, то удали меня и потребуй у своего отца другаго на мое место". Услышав это, Иоасаф говорит Зардану: "Прежде всего, Зардан, ты во время следующаго посещения старика скройся за занавесью и послушай его беседы со мной. После чего я тебе скажу, как поступить".

Когда Варлаам должен был опять прийти, царевич, скрыв Зардана, говорит старцу, пришедшему вслед затем: "Сведи мне, учитель, все твое божественное учение в одно, чтобы оно прочнее утвердилось в сердце моем".

Тогда Варлаам начал говорить много о Боге, о благочестии в отношении к Нему; говорил, что Его одного следует любить всем сердцем, всею душою, всеми помышлениями, благоговейно и добровольно исполнять Его заповеди; говорил, что Он один есть Творец всего видимого и невидимого; затем повторил о сотворении первого человека, о заповеди, данной ему, о нарушении ее Адамом и об осуждении его Создателем за это нарушение. Перечислил те блага, которых лишили себя нарушившие заповедь. Напомнил о тех скорбях и бедствиях, которые постигли наш род после греха первого человека, и о том, что Созидатель, будучи человеколюбив, послал на землю учителей и пророков, возвестивших о воплощении Единородного Его Сына. Затем привел на память о самом пришествии Сына, о Его воплощении, о Его благодеяниях, о чудесах, о крестных страданиях, перенесенных Им из-за нас, неблагодарных, о добровольной Его смерти, о нашем возстановлении в прежнем состоянии, о царствии небесном, принимающем в лоно свое праведников; а также о муках, предстоящих грешникам, о вечном огне, о непрестанном мраке, о черве, постоянно голодающем, и о другого рода наказаниях, уготованных для рабов греха. Заклучив свою речь нравственным поучением, предписав очищение жизни, презрение к ее суете, изобразив, насколько жалки возлюбившие эту суету, он закончил свои назидания молитвою. Потом, заповедав неотлучное пребывание в православной вере, безупречную жизнь и деятельность, он, после вторичной молитвы, удалился опять в свое временное место жительства.

По уходе Варлаама, Иоасаф, призвав Зардана, спросил его: "Ты слышал, что мне наговорил этот болтун, пытаюсь своими пустословиями обмануть меня, отвлечь от этой радостной жизни в веселии и наслаждении и обратить к чужому Богу?" Зардан же ему отвечал: "Для чего ты, мой господин, испытываешь меня, своего слугу? Я знаю, что слова этого мужа проникли в глубину твоего сердца. Если бы это было не так, то ты бы не беседовал с ним постоянно с таким удовольствием. Мы тоже слышали это учение, но с тех пор, как твой отец воздвиг непримиримое гонение на христиан, они удалились отсюда, и уже не слышно их проповедей. Но если тебе нравится это учение, и ты чувствуешь себя способным исполнить его строгия и трудныя требования, то желаю тебе счастья и успеха в

выполнении своих желаний. Но что делать мне, который не смеет даже шевельнуть глазом из страха перед царем; мне, которому предстоит душевная скорбь и страдания? Ибо, что я скажу в свое оправдание твоему отцу о том, как я небрежно отнесся к его приказаниям, не воспрепятствовав посещениям этого старика?"

Тогда Иоасаф ему говорит: "Я думал, что ничем не смогу так вознаградить тебя за твою преданность и верность, как тем, что сделаю тебе известным истинную цель и Виновника человеческой жизни, выведя тебя, таким образом, из мрака в свет. И я надеялся, что ты, после только что слышанного, неудержимо захочешь последовать Христову учению, но, как вижу, обманулся в своих ожиданиях. Если же ты выступишь о всем этом моего отца, то тем самым причинишь ему только горе и заботы. Поэтому, если ты предан отцу, то никоим образом не рассказывай ему ничего до удобного случая". Говоря так, царевич был подобен человеку, сеющему на воде, ибо мудрость недоступна глупой душе.

Когда Варлаам на другой день пришел к Иоасафу и объявил о своем намерении возвратиться в свои места, то он весьма опечалился, и слезы выступили у него на глазах, ибо разлука со старцем была для него чрезвычайно тяжела. Поговорив с царевичем довольно долго и убедившись, что он неуклонно пребывает в добродетели, старец с радостным чувством простился с ним, предсказывая, что скоро они соединятся неразлучно. Иоасаф не решился более удерживать Варлаама, боясь, чтобы Зардан не донес о нем царю и тем не навлек на него наказания. Прощаясь, он говорит старцу: "Если тебе угодно, мой духовный отец, славный учитель и виновник всего хорошего, что у меня есть,— оставить меня еще возвращаться в суете этого мира, то я не смею удерживать тебя более. Иди с миром и поминай в своих достойных молитвах ко Господу мое бедствие, молись о том, чтобы я мог жить с тобою и всегда видеть благородное твое лицо. Прошу тебя исполнить еще одну мою просьбу: так как ты не пожелал ничего принять от меня для своих сподвижников, то прими для себя хотя немного денег на одежду и пищу".

На это блаженный отвечал: "Если я не принял от тебя ничего для своих товарищей, которые не нуждаются ни в чем мирском, добровольно отрекшись от него, то как я могу принять для себя то, что

я отказался принять для них. Ибо, если бы приобретение денег было делом полезным, то я старался бы скорее доставить их товарищам, чем себе, но так как я знаю, что приобретение их губительно, то не хочу подвергать опасности ни их, ни себя".

Когда царевич, таким образом, не успел в своем желании, то он обращается к старцу с другой мольбою, уговаривая его не пренебречь окончательно его просьбами и тем оставить в совершенном унынии: умоляет его дать ему свое ветхое платье для воспоминания о нем, своем учителе, и о его подвигах, а также для безопасности от всякаго сатанинского воздействия, вместо же оставленного платья взять другое. "При виде этого платья,— заключил он,— ты будешь вспоминать обо мне, о моем бедственном положении".

На это ему старец возражает: "Мне нельзя взять от тебя новое платье, а взамен его дать старое и порванное, чтобы я не был осужден за то, что за свой ничтожный труд здесь взял мзду; но чтоб не огорчать тебя, я готов взять от тебя старое платье, ничем не отличающееся от моего".

Отыскав грубое, ветхое рубище и дав его старцу, его же платье оставив себе, Иоасаф радовался и дорожил им несравненно более, чем всякой царской пурпуровой одеждой.

Св. Варлаам, намереваясь вскоре уйти, окончательно развил и изложил свое христианское учение Иоасафу, говоря ему: "Возлюбленный брат и дорогое дитя! Ты знаешь за Какого Царя ты вступил в борьбу и с Кем заключил союз. Теперь ты должен твердо соблюдать этот завет и ревностно вести борьбу, которую обещал, путем исповедания нашему всеобщему Господу, в присутствии, при свидетельстве всего небеснаго воинства; исполняя этот договор, ты достигнешь вечнаго блаженства. Не предпочитай Богу и уготованным Им благам ничего временнаго, земнаго. Ибо из того, что считается ужасным и страшным на земле, что может быть ужаснее и страшнее вечнаго огня геенны, который никогда не сжигает, а потому и никогда не перестает карать. С другой стороны, какое земное счастье может доставлять такую радость и веселие, какия доставляет Бог любящим Его, благодать Котораго невыразима, а потому и дары, уготованныя Им для любящих Его, дары, которых не видело око, не слышало ухо и не приходили на сердце человеку, несравненно превосходят все видимыя

и непостижимыя блага. Соблюдая заключенный тобою завет, ты сделаешься наследником всех этих благ, будучи охраняем могучею рукою Самого Господа Бога".

Тогда царевич, заливаясь слезами, скорбя и сокрушаясь близостью разлуки с возлюбленным духовным отцом и славным учителем, вопрошает старца: "А кто, отец мой, заменит мне тебя? Кто будет моим пастырем и руководителем в душевном спасении? Чем я утешусь в тоске по тебе? Меня, негодного раба, ты обратил к Богу и дал мне возможность сделаться сыном Божиим; овцу, пропавшую и годную только на съедение диким зверям, ты отыскал и присоединил к незаблудшим Божиим овцам; указал мне кратчайший путь истины, вывел меня из мрака, из смертной тени, и сдвинул ноги мои со скользкой, ложной и кривой дороги; сделал меня наследником великих благ для выражения которых бессильно слово. Да даст тебе Господь за меня великие дары! Да сжалится Он над моею немощью воздать тебе достойную благодарность, Он, Который один только побеждает воздаяниями даров любящих Его".

Варлаам, прервав его хвалебную речь, поднялся и простерши руки к небесам, начал читать молитву:

"О Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, просветивший погруженное прежде во мрак, сотворивший из ничего все видимое и невидимое, обративший на путь истины сего раба своего и не допустивший, чтобы все продолжали свой путь прежнего безумия! Хвалим и благодарим Тебя, Твое могущество и мудрость; хвалим и благодарим Господа нашего Иисуса Христа, чрез Котораго Ты сотворил мир, поднял нас, павших, и прегрешившим отпустил грехи их, заблудившихся вывел на истинный путь, поработенных освободил, умерших оживил драгоценною кровью Сына Своего, Господа нашего. Взываю я к Тебе, к Единородному Сыну Твоему и к Всесвятому Духу: воззри на сию одаренную разумом овцу Свою, которая чрез меня, недостойного, обратилась к Тебе, и освяти душу ея милостью и могуществом Своим! Воззри на сию виноградную лозу, посаженную Духом Святым и дай ей приносить плоды праведности. Поддай ему силу, утверждая в нем завет Твой, огради его от всяких происков и обмана диавола мудростью Своего благаго Духа! Научи его исполнять волю Твою и не оставь без помощи Твоей. Удостой его и

меня, недостойного раба Твоего, сделаться наследниками вечных Твоих благ. Ибо Тебе подобает слава и хваление во веки веков. Аминь".

Окончив молитву, старец обнял юношу, уже дитя Небеснаго Отца. Испросив для него мир и вечное спасение, он оставил дворец и возвратился в места своего пустынножительства, радуясь и прославляя Бога, направившаго юношу на путь добра, Иоасаф же, по уходе старца, принялся усердно молиться. Обливаясь горячими слезами, он говорил:

"О, Господи Боже мой, не оставь меня беспомощным, поспеши мне на помощь, я бедный сирота, Ты же помощник всех сирот! Воззри на меня и сжался надо мною, так как Ты для всех желаешь спасения и познания истины. Спаси меня и дай силу мне, недостойному, идти путем исполнения святых Твоих заповедей, ибо я немощен, жалок и не способен творить добро. Ты же, могущий спасти меня, подающий жизнь и силу всему видимому и невидимому, не допусти, чтобы я был в порабощении страстей и похотей плоти, но научи меня исполнять волю Твою и сохрани меня для вечной и блаженной жизни, Отче и Сыне, и Душе Святой, Единосущное и нераздельное Божество! К Тебе я взываю и Тебя прославляю. Ибо Тебя восхваляет всякая тварь, и прославляют безтелесныя, духовныя силы во веки веков. Аминь".

С того времени Иоасаф тщательно берег себя, стараясь сохранить чистоту своего тела и души. Он жил во всяком воздержании; целыя ночи проводил в прошениях и молитвах, потому что днем, как окружающие постоянно мешали ему делать это, так и сам царь, который навещал его и, с своей стороны, звал к себе. Ночью же он вознаграждал себя за все те лишения, которыя он терпел днем: до разсвета проводя время в молитвах и слезах, призывая к себе Господа. Таким образом, на нем исполнялись слова Пророка, гласящия: *Воздвигните руки ваши к святилищу и благословите Господа* (Пс. 133, 2).

Между тем, Зардан, замечая его образ жизни, очень скорбел и терзался заботами, не зная, что ему делать. Наконец, удрученный горем, он удалился в свой дом, сказавшись больным. Когда царь узнал об этом, то, на его место назначил другаго вернаго себе слугу. Заботясь же о здоровье Зардана, посылает к нему лучшаго врача и вообще выказывает в отношении его чрезвычайную внимательность и попечение. Посланный к Зардану врач, очень преданный царю,

внимательно осмотрев своего больного и хорошо ознакомившись с его состоянием, сказал Авениру: "Я не мог найти в этом человеке никаких признаков болезни, поэтому могу предположить, что уныние есть причина его слабости". Услышав это, Авенир начал думать, что его сын не расположен к Зардану, который, вследствие этого, огорченный, удалился из его дворца. Но, желая узнать истину, он известил Зардана, что посетит его на другой день, чтобы узнать причину постигшего его недуга.

Тогда Зардан сам с разсветом поспешил к царю. Придя к нему, он поклонился ему до земли. Царь же ему говорит: "Для чего ты пересилил себя и явился ко мне? Я сам хотел навестить тебя и этим выказать всем мое к тебе расположение". Зардан же ему отвечает: "Мой недуг, царь, не подобен обыкновенным людским недугам: от забот и скорби моего сердца и души занемогло и тело мое". Когда же Авенир спросил, что за причина такого душевного недуга, то он отвечал ему: "Я нахожусь в большой опасности и заслуживаю строгого наказания; заслуживаю быть подвергнутым многим казням за то, что я нерадиво исполнял твое приказание и теперь виновник большого для тебя горя". Тогда царь снова спросил его: "Какое же это ты причинил мне горе и почему тебе предстоит опасность?" Зардан отвечал: "Я был небрежен в исполнении обязанностей относительно господина моего, твоего сына: какой-то дурной человек, злой обманщик, пришел к нему и сообщил ему христианское учение". После этого он последовательно передал царю все, сказанное Варлаамом царевичу, с какою радостью он принял его слова и как он теперь всецело стал христианином. Наконец, он объявил, что имя этого старика Варлаам.

Авенир и раньше слышал о Варлааме, о его строгом подвижничестве. Когда же он услышал сообщенное ему Зарданом, то пришел в страшное смятение и отчаяние, исполнился гнева и призвал Арахию, который занимал у него первую должность, был его первым советником во всех тайных совещаниях, и, кроме того, сведущим в астрологии.

Когда он явился к царю, последний в тревоге и волнении рассказывает ему о случившемся. Арахия, видя его смятение и отчаяние, говорит ему: "Не тревожься и не печалься, царь! Мы еще не

потеряли надежды образумить его, и я наверное знаю, что он очень скоро отречется от заблуждения этого учения и покорится твоей воле".

Ободрив такими словами царя, Арахия начал обдумывать с ним, как лучше всего достигнуть цели. "Прежде всего, царь,— говорит он,— поспешим завладеть этим Варлаамом. Если нам удастся это, то я уверен, что мы не обманемся в надежде. Убежденный или словами, или разного рода пытками, он будет утверждать поневоле, что говорил ложь и этим убедит моего господина, а твоего сына, возвратиться к отцовской вере. Если же этот способ не удастся, то я знаю другого старика-пустынника по имени Нахора, который до того похож во всем на Варлаама, что невозможно узнать, что это не он. Этот Нахор — мой бывший наставник в науках и вполне нашего образа мыслей. Я отправлюсь к нему ночью и расскажу ему все дело подробно. Потом пустим слух, что Варлаам пойман и представим Нахора за него. Нахор, с своей стороны, выдаст себя за Варлаама и приверженца христианства и будет состязаться с сторонниками нашей веры. Затем, после долгого словесного состязания, он будет совершенно побежден. Царевич же, видя поражение мнимаго Варлаама и нашу победу, естественно перейдет на сторону победителей. При этом нам много поможет его боязнь лишиться наследства царского престола и желание сделать угодное тебе. К тому же и мнимый Варлаам должен будет обратиться и сказать, что признает свою прежнюю веру заблуждением".

Розыски св. Варлаама и мученическая кончина других божественных отцов.

Царь очень обрадовался такому плану, питая пустые надежды. Узнав, что Варлаам недавно отправился в обратный путь, он поспешил принять меры, чтобы овладеть им. Поручив страж охранять все проходы и выходы, он сам на лошади стерег один путь, который особенно подозревал, желая, во чтобы то ни стало, овладеть Варлаамом. Прокараулив здесь напрасно целых шесть дней, огорченный неудачей, он удалился в одно из городских предместий и остановился в находившемся там царском дворце.

Арахию же с несколькими всадниками отправил на поиски за Варлаамом, велел им отправиться в самую Сенаарскую пустыню. Прибыв туда, Арахия стал спрашивать всех окрестных жителей о Варлааме. Но так как все они отвечали, что не видели такого мужа, то он отправился в глубь пустыни отыскивать последователей правой веры.

Объехав почти всю пустыню, перешарив все самые крутые горы и овраги, Арахия со своим отрядом, взошедши на вершину одной горы, увидел у ее подошвы общество пустынников. Тотчас же, по приказанию своего вождя, все во весь дух бегут с горы, стараясь перегнать один другого. Достигнув подошвы, они, подобно стае собак или каких-нибудь диких зверей, набрасываются на пустынников и схватывают их. Отшельники эти, на лицах которых были видны следы трудов в пустыне, самым наружным видом внушали уважение. Но посланные Арахиею не замечают ничего этого. Схватив, они влекут их к своему начальнику. В течение всего этого времени пустынники не выразили никаких признаков страха или печали. Шедший впереди их старший нес мешок, наполненный останками прежде умерших святых отцов.

Увидев их, но не видя между ними Варлаама (он знал его наружность), Арахия очень опечалился и говорит им: "Где тот

обманщик, который совратил царского сына?" Тогда несший мешок отвечал ему: "Такового среди нас нет, да и не будет его. По милости Христа он бежит от нас и живет среди вас". "Так ты знаешь его?—спросил Арахия.— Да, конечно,— отвечал пустынный,— я знаю о существовании обманщика, которого зовут дьяволом и который живет среди вас, которому вы служите и повинуетесь".— "Я тебя спрашиваю о Варлааме, а именно спросил тебя, где он находится".— "Для чего же ты говоришь о каком-то, совратившем царского сына! — отвечал монах. Ибо, если ты ищешь Варлаама, то тебе следовало бы спросить: где находится спасший царского сына от обмана и направивший его на путь истины? Это наш брат и сподвижник, но мы уже давно не видели его".—"Так укажи нам место его пребывания",— сказал Арахия.— "Если бы Варлаам желал вас видеть, то он сам бы вышел к вам на встречу. Мы-же не можем указать тебе места его пребывания".—"Так если вы мне сейчас не доставите Варлаама, то я вас предам неслыханным казням!"— закричал разгневанный Арахия, зверски посмотрев на него.

— "Что же ты заметил у нас такого, что бы могло нас так привязать к этой временной земной жизни, чтобы мы испугались смерти, которую ты угрожаешь?—отвечал подвижник.— Я тебя скорее буду благодарить за то, что ты дал нам возможность умереть за добродетель, что вывел нас из этой жизни. Мы не мало боялись предстоящего ей конца именно в виду его неизвестности, не зная какими он нас постигнет. Мы боялись, чтобы шаткость наших убеждений и дьявольские наветы не заставили нас переменить образ мыслей и нарушить завет с Богом. Итак, не имея никакой надежды узнать от нас то, чего вы желаете, исполни немедля свое намерение. Ибо мы не укажем вам ни места пребывания нашего брата, хотя и знаем его, не выдадим других неизвестных вам монастырей, считая позором избегать смерти, но скорее умрем мучениками за добродетель, не колеблясь за имя Божие пролить свою кровь".

Грешник, не перенося прямоты этих праведных речей, особенно же благородства их ума, велел их бить и пытаться. Однако твердость и терпение подвижников показали замечательными даже этому тирану. Когда ни качество, ни обилие пыток не могли поколебать аскетов, и никто из них не захотел выдать места пребывания Варлаама, тогда Арахия велел вести их к царю и на пути бить и оскорблять, а также

заставил нести мешок с останками. Через несколько дней они приходят на место пребывания царя. Рассказав царю о поведении пустынников, Арахия затем приводит их к нему. Увидев монахов, Авенир, кипя гневом, был подобен бешеному. Заметив, что они жестоко изсечены, он снова велит их немилосердно бичевать. Наконец, уняв немного свою ярость, он велит прекратить бичевание. Потом спросил их: "Для чего вы храните и носите с собою эти кости умерших? Если вы хотите, то я и ваши кости положу вместе с этими, чтобы вы были мне благодарны за то, что через меня вы достигли желаемого".

Тогда глава этого божественного общества, не обратив внимания на угрозы царя, говорит ему, как будто с ним ничего не случилось, свободно и с светлым лицом, свидетельствовавшим о его внутренней душевной радости: "Эти святые, чистые кости мы носим с собою, царь, для того, чтобы очищать ими свои желания. Приводя себе на память упражнения в богоугодной деятельности тех мужей; которым принадлежат эти кости, мы чувствуем в себе такое же рвение к добродетели, видя, как в зеркале, то отдохновение и ту негу, в которых они теперь живут. Стремясь к такому же блаженству, мы взаимно поощряем друг друга идти по их стопам. Кроме того, эти останки напоминают нам о смерти, что весьма важно, так как это напоминание воодушевляет нас к перенесению аскетических трудов и, наконец, прикосновение к ним освящает нас".

Царь опять спросил: "Если, как вы говорите, напоминание смерти полезно, то почему же кости, находящиеся в ваших телах, которые в скором времени разложатся, не могут напоминать вам о смерти так же, как эти уже разложившихся тел?"

На это монах ему отвечал: "После того, как я тебе сказал пять причин, по которым мы носим с собою эти останки, ты, возражая на одну из них, думаешь, что насмехаешься над нами. Будь уверен, что кости людей уже умерших сильнее заставляют вспоминать о смерти, чем кости живых людей. Но, если ты того мнения, что кости, сокрытые в плоти людей живущих, могут напоминать о смерти, то отчего же ты, вспоминая о скорой своей кончине, не заботишься о том, чтобы быть готовыми к ней, но всецело предал себя разного рода беззакониям, насильственно и безжалостно уничтожая служителей истинного Бога,

людей благочестия, не причинивших тебе никакого зла, не отнявших и не замышляющих отнять у тебя ничего из благ земной жизни".

На это царь возразил: "Я вас наказываю и преследую, как людей опасных, вводящих других в заблуждение за то, что вы советуете воздерживаться от жизненных наслаждений и удовольствий, приписывая суровую жизнь в грязи и лишениях; а также учите отречься от почитания наших богов, а вместо них почитать Иисуса. Поэтому-то я, не желая, чтобы люди, следуя вашему ложному учению, превратили всю землю в пустыню и, отступив от отцовских богов, обратились к чужому Богу, справедливо осудил вас на смертные казни и другие наказания".

Услышав это, монах говорит царю: "Если тебе так хочется, чтобы все наслаждались жизненными благами, то почему же ты не даешь возможности жить другим в богатстве и роскоши, а большинство терпит крайнюю бедность, ты же стараешься только о том, чтобы получше откормить свою плоть и этим приготовить обильную пищу для червей. Для того-то ты и Бога истинного не признаешь, но провозглашаешь несуществующих богов, виновников всякого беззакония, чтобы, ссылаясь на их пример, ты мог творить всякия беззакония, ибо, что делают боги ваши, то как не делать того же и поклоняющимся им людям?!

Таким образом, ты находишься в великом заблуждении, царь! Ты боишься, чтобы мы не уговорили некоторых из твоего народа выйти из-под твоей власти и отдаться под покровительство Всемогущей руки. Этим самым ты только желаешь иметь в своей власти побольше людей, которые бы доставляли тебе средства для удовлетворения твоего честолюбия, а сами чтобы поэтому терпели всякия бедствия, представляя тебе все свои выгоды. Подобно тому, как кто-нибудь, выучивши для охоты собак или птиц, до травли всячески ласкает их, когда же они поймают что-нибудь из того, за чем охотились, то он насильно вырывает добычу у них изо рта,—так и ты, желая иметь побольше податников, приносящих тебе плоды земные и морские, говоришь, что заботишься о спасении людей, на самом же деле только губишь их, а прежде всего самого себя. Но очнись, наконец, от этого земного сна, раскрой свои закрытые глаза и узри озаряющую всех славу Бога нашего, приди же в себя. *Образумьтесь, бессмысленные*

люди! Когда вы будете умны, невежды? (Пс. 93, 8). Пойми, что нет другого Бога, кроме нашего Бога, что без Него нет спасения".

Тогда царь грозно говорит ему: "Перестань болтать вздор и тотчас скажи мне, где Варлаам, или ты испробуешь таких наказаний, каких никогда не пробовал".

Но великий и благородный подвижник, служитель небесной мудрости, не обращая внимания на угрозы царя и оставаясь совершенно спокойным, сказал: "Нам, царь, предписано делать не то, что ты прикажешь, но что приказывает Господь Бог наш, Который учит нас воздерживаться от всяких удовольствий и страстей, мужественно переносить всякий труд и терпеть всякое зло за благочестие. Так что если ты нас заставишь пострадать за добродетель, то этим самым окажешь нам благодеяние. Итак, делай, что хочешь. Мы же не совершим ничего, непристойного христианину и не подчинимся греху. Ты не считаешь малым грехом выдать нашего сподвижника и соратника в твои руки, но в нас есть столько мужества, чтобы из страха к твоим пыткам не отречься от нашей мудрости и не сделать чего-нибудь, противного закону Божию. Если ты думаешь, что знаешь средство, которым можно бы было заставить нас исполнить твое приказание, то употреби его. Ибо наша жизнь есть Христос, умереть же за имя Его есть первое счастье".

Побагровев от гнева, царь велел отрезать подвижникам языки, вырвать глаза и отрубить руки и ноги. Когда было отдано это жестокое приказание, то стоявшая вокруг стража начала безжалостно и безчеловечно производить эти увечья, отрезывая языки, вырывая глаза железными щипцами и ломая суставы рук и ног приспособленными к тому инструментами. Блаженные же, славные и благородные отцы мужественно выдерживали эти муки, относясь к ним, как к приготовлению к пиру, взаимно поддерживая друг друга и безстрашно идя на встречу смерти за имя Христа. В таких многообразных мучениях отдали свои мужественные души Господу Богу более 70 подвижников. Несомненно, что сила благочестиваго разсудка побеждает чувство всяких страданий, как выразился один муж, рассказывая о страданиях стараго священнослужителя, семи юношей и одномыслящей с ними матери, пострадавших за отцовский закон. Скончавшиеся теперь божественные отцы ничем не уступили им в

твердости и величии души и несомненно стали наследниками и гражданами небеснаго Иерусалима.

Увещания и хитрые способы Авенира отклонить от христианства сына и мудрые беседы Иоасафа с отцом.

После блаженной кончины пустынников царь велел своему первому советнику Арахии испробовать другой план, так как первый не осуществился: приказывает призвать к себе Нахора, о котором тот говорил. Арахия, пришедши поздно ночью к пещере Нахора (он жил в пустыне и занимался предсказыванием), сообщает ему весь свой план а с рассветом возвращается к царю. Потребовав у него всадников, он объявил им, что они поедут на розыски Варлаама. При въезде в пустыню, всадники увидели какого-то человека, выходящего из обрыва. Арахия приказал им погнаться за ним, и они, поспешив исполнить приказание, схватывают и приводят его к нему. Когда Арахия спросил, кто он такой, какой веры и как его имя, то он объявил себя христианином и назвался Варлаамом, как это было ему приказано. Тогда Арахия, исполнившись радости, забрав его с собою, поспешно возвращается к царю; объявив о случившемся, он представляет ему пойманного. Царь, желая чтобы окружающие слышали его слова, спрашивает: "Ты, Варлаам, служитель злаго духа?"—"Я служитель Бога, а не злых духов,— возразил пойманный.— Поэтому, ты не должен злословить меня, но выразить мне благодарность за то, что я наставил твоего сына в благочестии, вывел его из обмана и обратил к истинному Богу, воспитав в нем все качества добродетели". На это царь, притворившись разсерженным, сказал: "Тебя бы, собственно, следовало, без всяких разговоров и оправданий казнить, но я, будучи вообще человеколюбивым, сношу твою дерзость. Если же ты до известного срока окажешься неисправимым, то погибнешь ужасно, но если исправишься, то получишь прощение". После этого он передал его Арахии, велев строго стеречь его.

На другой день всюду шли слухи, что Варлаам пойман, так что они дошли и до царского сына. Услыхав об этом, царевич весьма опечалился, и слезы полились у него потоком, котораго он не в силах

был удержать. Громко рыдая, просил он Бога помочь старцу, и всемилостивый Господь внял его рыданию и молитвам. Он всегда оказывает помощь в дни несчастья верующим в Него и боящимся Его. В ночном видении Он открывает юноше всю истину, влагает в него силу, подкрепляя его к благочестивой борьбе. Проснувшись, Иоасаф почувствовал в своем сердце, незадолго пред тем полным горя и скорби, радость, мужество и благодатный свет. Между тем, царь, поступив так, как было сказано, весьма радовался и благодарил Арахию, считая предложенное им средство весьма удачным. Но зло обманулось в самом себе, как выразился божественный Давид. Справедливость побеждает беззаконие, совершенно сокрушает его, уничтожает всякий след, как это мы увидим дальше.

Два дня спустя царь является во дворец сына. Когда последний вышел к нему на встречу, то он не приветствовал его обычной ласкою, но казался недовольным и сердитым, и, войдя в царскую спальню, угрюмо сел. Потом, призвав к себе сына, он сказал:

"Что это за слухи дошли до моих ушей, сын мой, причинившие мне столько печали? Я думаю, что ни один человек так не обрадовался рождению своего дитяти, как я твоему рождению, и думаю также, что ни одно дитя не причинило отцу столько горя, сколько ты причинил мне теперь. Ты затемнил свет, бывший пред моими глазами и сокрушил силу моих мускулов. То, чего я опасался на счет тебя, сбылось на самом деле. Ты на радость моих врагов, на мое посмеяние, своим неразумным умом и сердцем послушался слов обманщиков и предпочел волю глупых моих врагов моей воле, оставив почитание наших богов и обратившись к чужому Богу.

Где слышно, чтобы дитя так поступило со своим родителем? Тот, которого я надеялся воспитать невредимым, которого я надеялся иметь подпорою на старости лет и сделать достойным своим преемником, не постыдился направить на меня оружие неприятелей! Чему тебе следовало более подчиняться: моим ли наставлениям, или глупой болтовне старика, предписывающего горькую и трудную жизнь вместо сладкой радости, вместо жизни в роскоши — суровый, тернистый путь, который предписывает Сын Марии? Ты даже не убоился гнева великих богов, чтобы они не поразили тебя громовым ударом, или земная расщелина не проглотила тебя; оттолкнул и презрел богов,

которые оказали нашему роду столько благодеяний, украсили царскою короною, подчинили столько многолюдных государств; богов, благодаря которым, по моим молитвам и прошениям, ты сверх ожидания родился, и вдруг прилепился к Распятому, обманутый пустыми надеждами Его слуг, рассказывающих о каком-то другом мире, болтающих о воскресении мертвых и многом другом, вводящем безумцев в обман. Но ты, дорогой сын мой, послушайся теперь меня, своего отца, принеси жертву милостивым богам, забыв навсегда этот вздор. Мы же умилостивим их гекатомбами и возлияниями, чтобы они простили тебе твою ошибку: ибо они имеют силу и власть оказывать благодеяния и наказывать. Подтверждением моих слов являемся мы же сами, которые, получив от богов власть, воздаем поклоняющимся им почести; а не желающих принести им жертву наказываем".

И долго еще царь говорил, убеждая сына, осмеивая и порицая все наше, превознося и восхваляя идолов. Тогда святой юноша, видя, что уже нечего таить и скрывать, но что, напротив, для его дела нужен как бы подсвечник или подставка, чтобы оно было всем явно и очевидно, сказал свободно и смело:

"Что мною сделано, мой господин, от того я не отрекусь. Я бежал от мрака и вышел на свет, вышел из заблуждения и примкнул к истине; разстался с злыми духами и привязался ко Христу, Сыну и Слову Бога Отца, по слову Котораго все появилось из ничего, Который создал и человека из земли, вдунув в него дыхание жизни и дав ему в жилище роскошный рай. Но и после того, как человек согрешил, нарушив данную ему заповедь, чем стал причастным смерти, Бог постоянно делал все для возвращения человеку его первоначального почетного предназначения. Для того Творец всего и Создатель нашего человеческого рода, нас ради сделался Человеком. Сошедши на землю и воплотившись от Св. Девы, Он вступил в жизнь с людьми. И из-за нас, неразумных рабов, Господь принял крестную смерть, чтобы освободить нас от власти греха и уничтожить наше осуждение, чтобы нам снова были открыты врата рая, который Он предназначил для нас, и снова воссадить нас на трон славы. Он даровал бессмертное царство любящим Его, полное благ, которых невозможно выразить словом, ибо Он один только всемогущ, Царь царствующих и Господь господствующих, сила Котораго непобедима и власть несравненна ни с

какой властью; Который прославляется с Отцом и Духом Святым. Во имя Их я крестился и Их одних признаю.

Я прославляю и поклоняюсь одному Богу в Трех Лицах, Троице Единосущной и нераздельной, не сотворенной, бессмертной, вечной, вездесущей, безтелесной, неизменяемой, непреложной, свободной от страстей и страданий, источнику всякого блага, справедливости и вечного света, Творцу всего видимого и невидимого, содержащему и охраняющему все в Своей власти. Ничего из существующаго не произошло без Него и не может существовать без Его Промысла, так как Он Един податель жизни. Оставить столь благаго, мудраго и могущественнаго Бога и обратиться к нечистым духам, виновникам всех страданий, или совершить служение деревянным, немым и глухим идолам, которые и теперь не имеют жизни и никогда не будут ее иметь — каким это было бы безумием, сумасшествием с моей стороны! Кто когда-нибудь хоть слово услышал от них? Кому из молящихся им они что-нибудь отвечали? Кто видел их ходящими или имеющими хотя малейший признак жизни? Ни те из них, которые поставлены, никогда не садились, ниже посаженные вставали. О их бессилии, безжизненности, а также о том, что они суть дело обманывающих нас злых духов, я узнал от святаго мужа; тогда, презрев и вместе с тем совершенно возненавидев их, я обратился к живому, истинному Богу, Которому и буду служить до последняго дыхания, чтобы это дыхание мое перешло в Его руки.

Когда такая невыразимая блага скопились у меня, я радовался своему освобождению от рабства и плена злых духов и своему просвещению светом лица Господня. Но моя душа мучилась и терзалась только тем, что мой господин и отец лишен такого счастья.

Но, боясь твоего упорства, я держал при себе свое горе, не желая разстроить тебя. Я непрестанно молил Бога, чтобы Он обратил тебя к Себе, прекратил бы твое исключение из пользования общим благом, в котором, впрочем, ты сам виноват, убегая от благочестия и сделавшись последователем всякаго нечестия. Но так как ты, отец, сам узнал о моем образе мыслей, то выслушай вполне мое убеждение. Я не нарушу своего завета с Христом, искупившим Своею драгоценною кровью наше рабство, и если бы мне пришлось 10 тысяч раз умереть за Него, то я был бы готов. Зная теперь мое мнение, не бери на себя труд

отговорить меня от этого славного исповедания. Будь уверен, что твой труд станет столь же бесплоден и напрасен, как попытка достать рукою до неба, или засушить все воды морския. Поэтому ты, зная мое решение, или сделайся сам последователем Христа, благодаря чему ты удостоишься быть наследником непостижимых благ, и мы будем соединены и природою, и верою,— или же я отрекусь от тебя, как отца, и всецело посвящу себя служению истинному Богу".

Царь, выслушав все это, пришел в страшное волнение; безграничный гнев овладел им; он скрежетал зубами, подобно бешеному, и из уст его посыпались яростныя слова: "Кто виною таких моих несчастий? Не я ли сам, будучи так расположен к тебе и делая для тебя то, чего ни один отец никогда не делал. Этим только объясняются своеволие и развращенность твоего ума, так ужасно обрушившаяся на мою голову. Не даром звездочеты при твоём рождении предсказали, что из тебя не выйдет ничего хорошаго, что ты будешь дурным человеком, безпутным и непослушным своим родителям сыном. Но знай что если ты теперь не исполнишь моей воли и отречешься от меня, то я, с своей стороны, будучи твоим противником, поступлю с тобою так, как никто никогда не поступал со своим врагом".

Тогда ему снова говорит сын: "Что ты так разгневался, царь? Неужели тебя печалит то, что я удостоен таких благ? Где видано, чтобы какой-нибудь родитель был недоволен счастьем сына? Как не назвать такого отца недоброжелателем? Поэтому и я не буду называть тебя впредь отцом, но отрекусь от тебя, подобно тому, как всякий бежит от змеи, если буду видеть, что ты завидуешь моему спасению и насильно вталкиваешь меня в гибель. Если же ты захочешь употребить против меня насилие или тиранство, как ты это сказал, то будь уверен, что этим ты ничего не выиграешь, кроме названия мучителя или убийцы, вместо отца; так как тебе легче было бы найти в воздухе следы полета птицы или самому полететь в воздухе, чем сокрушить мою веру в Христа и мое славное исповедание ея. Но образумься, отец, и, сбросив мрак с глаз твоего ума, постарайся увидеть всеозаряющий свет Бога. Для чего ты всецело предался страстям и похотям своей плоти? Знай, что *всякая плоть—трава, и вся красота ея, как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него*

дуновение Господа: так и народ-трава. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно (Ис. 40, 6—8).

Что тебя так неразрывно привязывает к этой увядающей и преходящей, подобно весенним цветам, славе, к этой неразумной роскоши, к этим страстям желудка, удовлетворение которых на время приятно безумцам, но возмездие за все это потом горче полыни, когда души таких людей после сей суетной жизни будут заключены на вечную скорбь во мраке, в несжигающий и неугасающий огонь, когда червь непрестанно и неумолимо будет точить их. Избави меня Бог от всего этого! Будучи заключен туда, ты будешь раскаиваться в своих теперешних помыслах и действиях, будешь жаждать возвращения этих дней и станешь вспоминать мои слова, но не будет тебе тогда никакой пользы от раскаяния. В аду уже нет места для обращения и покаяния. Ибо земная жизнь предназначена на дела, а будущая — на воздаяние по делам. Если бы даже земные наслаждения не протекали, но были бы вечны, то и тогда не следовало бы предпочесть им дары Христа и блага, непостижимыя нашим умом. Ибо насколько солнечный свет блестящее и светлее мрака поздней ночи, настолько дары, обещанные любящим Бога, славнее и обильнее даров земного царства и славы. Вообще следовало бы великое предпочесть ничтожному. А так как все земное счастье, кроме того, временно и преходяще, и проходит подобно сну, тени или мечтам, так что можно скорее положиться на дуновение ветерка или на следы плавающего корабля, чем на благоденствие людей, то какая глупость или, скорее, безумие, предпочесть кратковременныя, ничтожныя земныя наслаждения наслаждениям вечным, щедрым и обильным.

Неужели ты не можешь понять всего сказанного, отец? Не оставишь преходящего и не присоединишься к непреложному? Не предпочтешь вечной жизни — вечному изгнанию, света — мраку, духа — плоти? Не станешь бежать от ужасного князя тьмы; т.е. от злаго диавола, и не обратишься к всемилосердному Господу? Не отступишь от служения многочисленным ложным богам и не будешь служить Единому живому истинному Богу? Хотя ты и прегрешил пред Ним своим богохульством и истребил своими ужасными казнями много Его слуг, но будь уверен, что если ты обратишься к Нему, то Он, Благий, примет тебя и забудет все твои прегрешения, *ибо не хочет смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был (Иез. 33, 11).*

Сошедшему с несказанных высот ради нас, блуждавших в грехе, принявшему крестные страдания и смерть и искупившему Своей драгоценною кровью нас, погранных грехом, Ему слава и хваление во веки веков. Аминь". Царь был разъярен и вместе с тем поражен сознательными и настойчивыми словами своего сына. Так как этот последний не переставал хулить его богов и издеваться над жизнью его и всех язычников, а блистательные речи царевича не поколебали убеждений царя, вследствие царствовавшего в его душе непроницаемого мрака, то он, не будучи в состоянии поступить жестоко с сыном вследствие врожденной природной любви, совершенно отчаявшись подействовать на него угрозами, боясь вместе с тем, чтобы сын своею откровенною речью не продолжал хулить и издеваться над его богами, встал и, удаляясь, гневно сказал: "Лучше бы тебе совсем не родиться на свет, чем родиться для такого богохульства и для уклонения от отцовской любви и послушания! Но ты не думай, что ты окончательно осмеял непобедимых богов, ибо не на долго восторжествуют мои враги и их обман, так как если ты все-таки не послушаешься меня и не станешь благомыслящим по отношению к богам, то я подвергну тебя сначала различным пыткам, а потом предам тебя лютой казни, потому что тогда я буду видеть в тебе не сына, но врага и вероотступника".

Когда царственный отец после этой угрозы ушел, сын, войдя в свою спальню и подняв глаза к верховному Судье, воскликнул из глубины сердца: "Господи Боже мой! Ты один можешь дать мне сладкую надежду, твердое обещание и надежное убежище! Не оставь меня и не отступи от меня, но, согласно с Твоим обещанием, будь со мною, недостойным и ничтожным, взгляни на меня Своим милостивым и благосклонным взором! Ибо я знаю Тебя как Творца и Промыслителя всякой твари. Укрепи меня в этом сознании до моего последнего дыхания! Возри на меня и сжался надо мною! Сохрани меня невредимым от всякаго происка сатаны! Возри на меня, Царь! Ибо моя душа изсыкла от тоски по Тебе и стремится к Тебе, источнику безсмертия, подобно путнику, жаждущему воды в безводной пустыне. Не предай зверям души моей, исповедующей Тебя, не забудь окончательно души нищаго, просящаго Тебя. Но подай силу мне, грешнику, во все мое житие переносить все за имя Твое, за исповедание Тебя и всецело посвятить себя служению Тебе, ибо при

Твоем могуществе Ты и немощных можешь сделать многосильными, Ты один — непобедимый союзник и всемилостивый Бог, Котораго прославляет всякая тварь во веки веков. Аминь". Помолившись так, он почувствовал божественное утешение в своем сердце и, исполнившись мужества, целую ночь провел в молитве.

Царь сообщил другу своему Арахии о содержании своей беседы с сыном, о его резкой откровенности, когда Иоасаф выразил всю твердость своего убеждения. Арахия дал совет относиться к царевичу как можно дружелюбнее и подобострастнее, в надежде привлечь его лестью. Поэтому на следующий день царь опять отправляется к сыну и, сев, призывает его к себе; обняв, он целовал его и нежно ласкал. Потом сказал ему:

"Милое, дорогое мое дитя! Уважь седину отца своего: вняв моей просьбе, поди, принеси жертву нашим богам. Этим ты снова сделаешь их благосклонными к себе. Они за это продлят твои дни, возвеличат славу, обезопасят твое царствование, и от них ты получишь разные блага. Чрез это ты во всю жизнь будешь пользоваться моею любовью, любовью своего отца, будешь всеми уважаем и хвалим. Ибо весьма похвально повиноваться приказанию отца; повинование отцу есть одна из высших добродетелей и особенно нужна для приобретения расположения богов.

Как ты думаешь, дитя? Уклонился ли я добровольно от благаго пути или по незнанию добра обрек я себя на гибель? Если ты думаешь, что я добровольно предпочел пользе — зло и жизни — смерть, то я полагаю, дитя, что ты судишь неправильно. Разве ты не видишь, каким бедствиям я подвергаюсь в походах против врагов и в других случаях, касающихся защиты общественнаго блага? Разве ты не видел, как я не щажу себя тогда: голодаю, жажду, иду пешком, сплю на земле? Не видишь, как я презираю богатство, а употребляю находящиеся в моих кладовых сокровища на постройку и различные украшения храмов великих богов, как я щедро раздаю сокровища воинам? Презирая так наслаждения и будучи так тверд в бедствиях, я, если бы знал, что вера Галилеян лучше той веры, которую я исповедаю, то как бы усердно я принял за исполнение предписаний этой веры; я бы всем пренебрег для своего спасения.

Если же ты осуждаешь мое неведение, то ты оправдаешь меня, приняв во внимание, сколько бессонных ночей я провел, разрешая какой-нибудь представившийся мне вопрос, не позволяя себе отдыха до тех пор, пока у меня не составлялось яснаго и соответствующего разрешения его. Так что, если я не пренебрегаю даже малейшим из всего, служащего для удовлетворения потребностей сей временной жизни, но все считаю полезным, то это только потому, что желаю употребить это на общую пользу. И я думаю, что во всей подсолнечной не найдется другого человека, который бы, подобно мне, был всеми признан способным всегда различить позорное от доброго. Если же это так, то как бы могло случиться, чтобы я то, пред чем следует поклоняться и обожать, счел презренным, вместо того чтобы устремить на него всю свою душу, все силы, весь свой ум, все свое рвение для обретения истинно достойного. Я старался найти это, употребляя для того целые дни и ночи; созывал с этой целью на совещание много мудрых и знающих людей.

Побеседовав со многими из так называемых христиан, я, после тщательного исследования и сравнения, опираясь, кроме того, на свидетельства мудрых и разсудительных мужей, нашел, что истинный жизненный путь заключается в исповедании и исполнении предписаний той веры, которую мы и сегодня еще исповедуем: в служении великим богам, в провозждении жизни, полной удовольствий, в наслаждении данными нам от богов дарами. Таковую жизнь представители и проповедники Галилеевой веры неразумно отвергнули; эту жизнь в сладком свете и наслаждениях всем тем, что боги даровали нам для удовольствия, отвергнули в надежде на какую-то другую, неизвестную жизнь, не зная сами, что они говорят и что обещают. Так что ты, сын мой, приняв во внимание наше строгое и непреложное исследование, благодаря которому найдено истинное благо, повинуйся отцу своему. Вот я доказал, что ни добровольно, ни по незнанию не отступил я от истиннаго пути, но что воистину познал и принял его. Поэтому я желаю, чтобы и ты не заблуждался неразумно, но чтобы следовал за мною. Постыдись отца своего: или ты не знаешь, как прекрасно повиноваться и угождать отцу во всем, и как, наоборот, дурно огорчать его и ни во что не ставить его приказания; кто делал это, тот погиб ужасно; поэтому ты, дитя, не причисляй себя к таковым.

Но, угождая мне, ты достигнешь всех благ и сделаешься преемником моего царствования и славы".

Выслушав все это, возвышенный и истинно благородный юноша, познав тут коварные замыслы диавола и западню, которую тот приготовил, замышляя совратить богоподобную его душу и этим помешать ему в достижении предстоящей награды, привел отцу на его слова завещание, данное Господом: *"Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч. Ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ея, и невестку с свекровью ея. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня. А кто отречется от Меня пред людьми; отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным (Матф. 10, 34)".* Приняв это во внимание и исполнившись страха Божия, продолжал Иоасаф: *"Я старался выполнить следующее изречение Соломона: **Время любить и время ненавидеть, время войне и время миру** (Еккл. 3, 8), и, молясь Богу, я говорил: **Помилуй меня, Боже, помилуй меня; ибо на Тебя уповает душа моя, и в тени крыл Твоих я укроюсь, доколе не пройдут беды. Воззову к Богу Всевышнему, Богу, благодетельствующему мне** (Пс. 56, 1—3)".*

Потом он говорит царю: "Заботиться об отце, повиноваться его приказаниям и относиться к нему с любовью — учит Господь наш, сделав эту любовь чувством, врожденным нам самою природою. Но если любовь к родителям приносит опасность самой душе и превосходит любовь к Создателю, то нам заповедуется совершенно заглушить в себе такую любовь. Подобно этому, нам совсем не предписывается повиноваться отклоняющим нас от веры в Бога, но ненавидеть таких людей и отворачиваться от них, будь это отец или мать, царь или господин самой нашей жизни. Поэтому я не в состоянии подвергнуть себя Божьему наказанию ради отца. Так что ты не утруждай ни меня, ни себя, но если хочешь иметь во мне сына, то последуй моему примеру, и мы будем вместе служить истинному Богу, так как теперь ты обожаешь идолов, дело рук человеческих, предметы бездушные и безчувственные, которые ничего не могут доставит обожающим их, кроме наказания и гибели.

Если же ты не желаешь последовать моему примеру, то поступай со мною как тебе угодно, ибо я раб Христа и не отступлю от любви и исповедания Его ни пред наказаниями, ни пред лестью, как я тебе это сказал вчера, так как прежде всего я думаю о том, что ношу имя служителя Господня, а потому слово мое крепко и непреложно. Что же касается того, что ты сказал, что не поступаешь дурно, сознавая и сам желая этого, и что не заблуждаешься по незнанию в отношении понятия добра, но что ты после долгого и тщательного исследования узнал, что истинное благо заключается в поклонении идолам и жизни в чувственных удовольствиях — на это я ничего не могу сказать: уклоняешься ли ты добровольно от него или по незнанию. Одно только я знаю твердо и хочу, чтобы и ты знал: что все твои действия истекают из мрака глубокого невежества, что они есть блуждание ощупью впотьмах, и в них не проглядывает ни малейшей искры света, что твой путь не есть прямой и ровный, но путь кривой, полный утесов и бездонных пропастей.

Итак, живя во мраке, а не в свете, принимая смерть за жизнь, ты думаешь, что твои действия и помыслы хороши и правильны. Но это не истинно, совсем не истинно. Ибо то, чему ты поклоняешься, не боги, но позорные плоды наветов злых духов, заключающие в себе всю гнусность их действий. И та жизнь, которую ты называешь сладкой и приятной, полной наслаждений и удовольствий, на деле совсем не такова, но, по истинному учению, есть жизнь гнусная и безобразная. На время она услаждает и как бы сглаживает свои шероховатости; но затем делает воздаяния еще более гневными и горькими, как учит наш учитель; еще более заостряет меч, делая его обоюдоострым. Впрочем, как мне выразить тебе все ее зло? Чтобы его сосчитать, надо больше времени, чем на то, чтобы перебрать по одной все песчинки дна морского.

Злое — это крючок дьявола, облеченный в виде приманки в гнусные удовольствия, которыми он увлекает обманываемых им людей в ад. Блага же, обещанные нам Господом нашим, которые ты назвал надеждою на неизвестную жизнь, истинны, непреложны, безконечны, нетленны. Нет слова, которое могло бы выразить полноту того богатства, славы, невыразимой радости и вечного блаженства. Как ты видишь—мы все умираем. *Кто из людей жил и не видел смерти* (Пс. 88, 49). Но мы опять воскреснем, когда придет Господь наш Иисус

Христос, Сын Бога живого, в невыразимой славе и могуществе. Единый Царь царствующих и Господь господствующих, пред Которым преклонится всякая тварь небесная, земная и подземная. Тогда произойдет такой переворот, что самые небесные духи придут в ужас; тогда многое множество Ангелов и Архангелов со страхом и трепетом предстанут пред Ним.

По повелению Божию, один из Архангелов затрубит в трубу, и небо тотчас отверзется подобно книге, земля же исторгнет все тела прежде умерших людей, начиная с времен Адама до того дня. Все эти умершие во мгновение ока предстанут живыми пред тронном безсмертного Господа; каждый даст отчет в земных делах своих. Тогда праведники, уверовавшие в Отца и Сына, и Святого Духа, прошедшие свою земную жизнь в добрых делах, просияют, подобно солнцу. Как мне выразить ту славу, которую они обретут тогда?! Хотя я сопоставляю блеск ее с светом солнца и блеском молнии, но это потому, что мы не можем представить себе ничего блестящее. Но на самом деле никакой блеск не может сравниться с величием той славы: *не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку то, что приготовил Бог любящим Его* (1 Коринф. 2, 9). Праведники будут тогда жить в небесном царствии, в неприступном свете, в несказанной и безконечной радости. Тогда они обретут истинное благо и будут жить в истинном блаженстве.

Отвергнувшие же истинного Бога, не уверовавшие в Творца и Создателя, а служившие злым духам, почитавшие безжизненных идолов, всецело предававшиеся пустым удовольствиям этой жизни, подобно свиньям, осквернившиеся грязью страстей и сделавшие свою душу источником всякого зла — будут лишены всех этих даров, прогнаны от лицезрения Божия, будут опозорены, пристыжены и подвергнутся оскорблению со стороны всякой твари. Им напомнимся о всех их делах, словах и помыслах. Потом, после ужасного позора и унижения, они осудятся на ввержение в огненную геенну, огонь которой не сжигает, но вместе с тем никогда и не угасает. И будут они ввергнуты в крайнюю тьму, где у них будет плач и скрежет зубов, и червь постоянно станет точить их. Такова участь грешников. И будет эта участь их продолжаться нескончаемо и непрестанно за то, что они отвергнули обещанные блага и предпочли временное, грешное, мирское удовольствие.

Какия тела, какия богатства и даже души могут считаться слишком достойными, чтобы быть пожертвованными на достижение такой несказанной радости, для наслаждения тою невыразимою славой, для озарения ангельским светом и сладкого, блаженного лицезрения Господа; во избежание тех ужасных, бесконечных наказаний, страшного позора и унижения? Кто же настолько малодушен, настолько безумен, чтобы не был готов подвергнуться безчисленным временным смертям для достижения вечного спасения и бессмертия, наследования блаженной жизни и озарения светом Святой Животворящей Троицы".

Царь, выслушав эти речи, удивлялся твердости и неподатливости сына, который не уступал ни пред лестью, ни пред убедительностью слов, ни пред угрозами наказаний; удивлялся он также правдоподобности содержания его речи и неуклонности ответов. Он начал было прозревать правдивость его слов, но дурные склонности, его закоснелость в страстях и похотях возымели свое действие и подобно узде отвлекли его от света истины. Освободившись от впечатления, произведенного на него словами сына, Авенир опять имел в виду только свою прежнюю цель и, намереваясь применить на деле план, составленный заранее им и Арахиею, он сказал: "Тебе бы следовало, дитя, подчиниться всем моим требованиям. Но так как ты непослушен и упрям, непременно хочешь доказать правдивость и преимущество своего мнения, то оставим оба свою настойчивость и уступим действительному превосходству каждого убеждения. Так как обманувший тебя Варлаам находится теперь у меня в плену, в железных оковах, то я созову большое собрание из наших и Галилеян, для чего велю глашатаям всюду объявлять, чтобы никто из христиан не боялся, но чтобы все безстрашно шли, и в этом собрании мы будем совместно обсуждать свои мнения. Если вы, в лице вашего Варлаама, будете победителями, то вы достигнете того, чего домогаетесь; если же наше мнение победит, то вы должны быть готовы исполнить мои приказания".

Умный юноша, поняв, благодаря бывшему у него ночному видению, уловку царя, сказал: "Пусть будет по желанию господина моего, пусть будет так, как ты велишь, ибо Сам благий Господь Бог наш не даст нам

сойти с прямого пути. На Него полагается душа моя, и Он помилует меня".

Тогда царь повелел собраться всем идолопоклонникам и христианам. Всюду было разослано письменно это приказание, и по всем городам глашатаи провозглашали о том, чтобы никто из христиан ничего не боялся, но чтобы все безстрашно собрались в одно место на общую сходку для свободного обсуждения, которое будет производиться во главе с Варлаамом. Равным образом, он велит собраться ревнителям и представителям языческой веры, мудрецам из Халдеи и Индии, созывая всех, находящихся под его властью. Кроме того, он избирает несколько птицегадателей, чародеев и чрево вещателей, надеясь, что они превзойдут христиан.

На это собрание сошлось большое количество людей, исповедающих нечестивую веру царя. Из христиан же только один пришел на помощь назвавшему себя Варлаамом, по имени Варахия. Ибо одни из правоверных были убиты городскими начальниками, другие скрывались в горах и пещерах из страха пред угрожавшими опасностями; иные же, убоявшись угрозы царя, не решались явно исповедывать правую веру и тайно были последователями Христа, совершая служение ночью. Один только Варахия, будучи благороден душою, явился на состязание за правду.

Царь, сев на высоком троне, велел сыну сесть возле себя. Но он, из почтения пред отцем, не захотел сделать этого и сел близ него на земле.

Явились и защитники языческой веры, о исповедниках которой Апостол выразился, что они *осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце. Называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся* (Рим. 1; 21, 23). Они сошлись для того, чтобы говорить против царевича и его сторонников. И на них сбылась притча о газели, которая выступила в бой со львом. Ибо царевич и его последователи уповали на Всеvyšнего и на Его помощь; противники же их положились на тленность мира сего, на властителя мрака, которому они жалко подчинились.

Приводят также Нахора, выдавшего себя за Варлаама. Этим явной становится цель царя и его советников, с которою они придумали это собрание. Но Промысл Всевышнего не дал осуществиться этой цели. Когда все были на месте, царь говорит, обращаясь к ораторам и философам, блуждающим в безмысленной вере: "Вам предстоит состязание и состязание величайшее из всех состязаний. Одно из двух постигнет вас сегодня: или вы в лице Варлаама победите нас, уличив в том, что мы заблуждаемся, и тогда вам всем собранием от нас будут оказаны величайшие почести, и вы украситесь победоносными венками, или же, будучи побеждены, вы подвергнетесь позорной и ужасной казни. Имение ваше будет отдано народу, дабы уничтожить с земли все, даже напоминающее о вас; тела ваши я отдам на съедение зверям, а детей обращу в вечное рабство".

Когда царь сказал это, ему отвечал его сын: "Твой суд сегодня справедлив, царь! Да подкрепит Господь тебя в этом добром направлении. То же самое и я скажу своему учителю". И, обратившись к Нахору, которого все принимали за Варлаама, он сказал: "Ты помнишь, Варлаам, в какой славе, почести и роскоши ты меня нашел. Своей длинной речью ты убедил меня оставить отцовские законы, обычаи и сделаться служителем твоего Бога; обещанием каких-то вечных и несказанных благ ты склонил меня последовать твоему учению и огорчить моего господина и отца. Теперь решится твоя участь: если ты выйдешь победителем из этой борьбы, докажешь истину своего учения, которое ты мне преподал, и уличишь заблуждение наших противников, то ты будешь почтен, как никто из смертных, и прославишься как проповедник истины. Тогда я навсегда останусь последователем твоего учения и слугою Христа до последнего дыхания. Если же ты будешь побежден или хитростью, или истиною и, таким образом, сделаешься виновником моего позора, то я отомщу за оскорбление своей гордости своими же руками: вырву твое сердце и язык и дам их с остальным телом на съедение псам, чтобы твой пример был для всех наукою не свращать царских сыновей".

Выслушав эти слова, Нахор очень опечалился, видя, что ему самому придется упасть в ту яму, которую он выкопал, и что собственный же меч вонзается в его сердце. Сообразив, как ему поступить, он решил, что во избежание нависнувшей опасности стать на сторону царевича, чтобы на его стороне была победа. Промысл Божий, который нередко

мудро действует чрез наших противников, был, главным образом, причиною такого его решения. Когда представители идолопоклонников вступили в словесное состязание с Нахором, то он, подобно некоему Валааму, который во времена царя Валаха предпочел воззвать к Богу Израилеву, начав славословить Его так и Нахор стал вдруг противоречить бессмысленным мудрецам.

В присутствии царя, сидевшего на троне, царевича, сидевшего, как мы сказали, и близ него множества языческих ораторов, наостривших свои языки, как меч, для сокрушения истины, массы сошедшего из чужих стран народа, чтобы увидеть, какая сторона победит,— один из ораторов, самый выдающийся из них, говорит Нахору: "Ты Варлаам, безстыдно и дерзко отнесшийся к нашим богам и вовлекший в такой обман дорогого царского сына, научив его служить Распятому?" Нахор ему возразил: "Я Варлаам, презирающий ваших богов, как ты сказал, но не вовлекший в обман царского сына, а наоборот, выведший его из обмана и обративший к истинному Богу". — "Если великие и достойные удивления люди, — продолжал оратор, — познавшие всю глубину мудрости, называют наших богов великими и бессмертными; если все земные славные цари поклоняются и благоговеют перед ними, то как у тебя поворачивается язык против них, как ты осмеливаешься на такую дерзость? Какое у тебя доказательство, что боги не они, а Распятый, с Которым Галилеяне обошлись, как с обманщиком, самозванцем, мятежником и, осудив Его на позорную казнь, распяли на Кресте. После этого ты проповедуешь, что Он Бог! Как тебе не стыдно, безстыдный?!"

**Публичная речь Нахора, говорившего по внушению Св.
Духа, в которой выставляется заблуждение
идолопоклонников и возвещается христианская истинная
вера.**

Выслушав эти слова, Нахор не удостоил оратора никаким ответом. Сделав народу рукою знак молчать, он стал, подобно ослице Валаамовой, говорить то, чего не предполагал сказать. Он начал так: "Я, царь, по Промыслу Божию вступил в этот мир. Увидев небо, землю, море, солнце, луну и проч., я удивился красоте мира и потом ясно понял, что этот мир и все, что в нем силою другого приводится в движение и уразумел, что Тот, Кто движет все это—есть Бог, Который во всем присутствует и от всего скрыт. А известно, что то, что движет — сильнее движимого. Доискиваться о Нем, Который о всем промышляет, невозможно, ибо Его существо бесконечно, неизследимо и недостижимо для всех тварей. Далее о Боге следует знать только, что Он безначальный, вечный, бессмертный; что Он выше того, что мы чувствуем и претерпеваем: выше страха, гнева, забвения, незнания и пр. Чрез Него все существует. Он не нуждается ни в жертвоприношениях, ни в возлияниях и ни в чем другом, видимом нами, но все живущие нуждаются в Нем. Таковы существенные свойства Божии.

Перейдем теперь к человеческому роду и посмотрим, кто из них держится изложенной истины о Боге и кто заблуждается относительно нее. Нам известно, царь, что есть три рода людей в этом мире: почитатели ваших, так называемых, богов, Иудеи и Христиане. В свою очередь многобожники делятся на три разряда: на халдеев, греков и египтян. Эти три народа были родоначальниками и учителями прочих народов, почитающих и служащих многим богам. Посмотрим теперь, какие из них живут в истине и какие нет. Халдеи, не зная истинного Бога, заблуждаются в отношении стихий, обожают их, служа, таким образом, твари вместо Творца их. Сделав некоторые образы стихий,

называли их изображениями неба, земли, моря, солнца, луны и других светил и стихий; поставили их в храмах и поклоняются им, усердно охраняя, чтобы их боги не были похищены ворами. Они не понимают, что все охраняющее сильнее всего охраняемого, и что создающий выше создаваемого. Итак, если их боги бессильны охранять самих себя, то как они могут дать спасение людям? Следовательно, халдейцы жестоко ошиблись, обожая мертвые и бесполезные изображения. И я прихожу в изумление, царь, как их, так называемые, философы, совершенно не понимали, что самые стихии тленны и подчинены закону необходимости. Как же они могут быть богами? Если же стихии не боги, то как же изображения, сделанные для почитания их, считаются богами? Перейдем теперь к стихиям, царь, и докажем, что они не боги, но что они тленны и изменяемы, созданные из ничего по повелению истинного Бога, бессмертного, непреложного и невидимого, Который видит, устраивает и изменяет все, как хочет.

Что же мне сказать о стихиях? Считающие небо богом заблуждаются: мы видим, что небо изменяется, подчиняется закону природы и состоит из многих частей; поэтому оно есть часть мира, а мир сотворен. Все же сотворенное имеет начало и конец. Небо по закону необходимости движется с находящимися на нем светилами. Звезды, двигаясь в известном порядке, на известном расстоянии друг от друга с места на место, одни восходят, другие заходят, смотря по времени года; меняют лето и зиму, как это устроил Бог. Они никогда не претупают назначенных им границ, но постоянно следуют одному и тому же неизбежному закону, господствующему в небесном мире. Отсюда явствует, что небо не бог, но Его творение. Считающие же землю божеством также ошибаются; ибо мы видим, что она находится в распоряжении и господстве у людей: ее копают, орошают, делают негодною. Если она перегорает, то делается мертвою, напр., из черепицы ничего не произрастает. Если она будет слишком потрясена, то и сама погибнет и все ее произведения; она попирается ногами людей и животных, оскверняется кровью избиваемых, уничтожается и изменяется, служит складочным местом мертвых тел. Это свидетельствует, что земля не божество, но сотворена Богом для пользования ею людьми.

Заблуждаются и почитающие воду богом. Она тоже дана для пользования людей; находится в их распоряжении, оскверняется,

уничтожается и видоизменяется; ее кипятят и изменяют цвет красками; она мерзнет от холода; ее употребляют для мытья всего нечистого. Посему и вода не может быть богом, но есть создание Божие и часть мира. Не правы также и те, которые признавали богом огонь, так как и он создан для удовлетворения нуждам людей и многообразным образом им подчиняется — переносится с места на место, употребляется для жарения и варения разного рода мяса, равным образом и для сожжения мертвых тел, его различными способами гасят и прекращают. Итак, огонь нельзя считать богом, но Его творением. И опять те, которые думают о дуновении ветра, что это бог, тоже заблуждаются, ибо ясно, что ветер зависим и существует для нужд людей, напр., для направления плавающих судов, для сбора хлеба и прочих нужд человеческих. Он усиливается и прекращается по повелению Божию. Поэтому, и ветер не Бог, а творение Божие.

Ошибаются принимающие и солнце за бога. Мы видим, что и оно подчиняется общему закону природы, движется, вращается и совершает свой путь, заходит и восходит,— все это для того, чтобы всюду освещать и давать тепло растениям, предназначенным для удовлетворения нужд людей. Оно принадлежит к числу прочих светил; гораздо меньше неба, при затмениях не дает света и вообще не имеет никакой собственной силы. Так что и солнце не божество, но творенье Божие. Не менее заблуждаются также считающие луну божеством. Мы видим, что и она подчиняется общему закону, для нужд людей она восходит и заходит; она меньше солнца, увеличивается и уменьшается, и при затмениях не дает света. Поэтому и луна не есть божество, но творение Божества. Заблуждаются также, считающие человека богом. Мы видим, что и он подчиняется законам необходимости; питается и стареется против воли; то радуется, то печалится; нуждается в пище, питье и одежде. Мы видим, что он сердится, льстит, подчиняется страстям, раскаивается, беспокоится, терпит потери и многообразно погибает от стихий, животных; вообще и он подлежит смерти, и есть творение Божие. Итак, сильно заблуждаются халдеи в своей вере, мыслях и чувствах, ибо они поклоняются тленным стихиям, безжизненным идолам, бессмысленно обожая их.

Перейдем теперь к грекам и посмотрим, какое мнение об истинном Боге имеют они. Греки, считающие себя мудрыми, оказались глупее халдеев, утверждая, что есть много богов: и мужские, и женские,

которые вместе с тем виновники различных бурных страстей и беззаконий. Царь, учение греков смешно, глупо и нечестиво, так как они провозглашают несуществующих богов по своим собственным дурным страстям и наклонностям: ибо они хотят иметь в богах союзников в зле, желая безнаказанно прелюбодействовать, грабить, убивать и вообще творить всякое зло. Ведь если боги их делают это, то почему и им не делать того же?! Из такого ложного взгляда на Божество у людей возникали постоянные войны, убийства и тяжелый плен. Если мы рассмотрим каждого бога в отдельности, то ты, царь, увидишь всю глубину их заблуждения. Первым богом у них считается бог Кронос, которому они приносят в жертву своих детей; у него было много сыновей от его супруги Реи, но в бешенстве он съедал собственных детей. Говорят, что Зевс положил конец его власти. Отрубив у него необходимый член тела, он бросил и его в море, и из образовавшейся пены вынырнула Афродита. Самого же отца своего Зевс, связав, низвергнул в тартар. Видишь ли ты все их заблуждение? Какое распутство приписывают они своим богам! Возможно ли, что бы бог мог быть связан и лишен власти?! О, какое безумие! Какое разумное существо может сказать это?

Вторым богом у них считается Зевс, который воцарился над всеми их богами, Они же говорят о нем, что он принимает различные образы, чтобы совершать прелюбодеяние с смертными женщинами. Так говорят, что он в образе быка был у Европы, в виде золота у Данаи, в виде лебедя был у Леды, в виде сатира — у Антиопы, в виде молнии — у Семелы. От них у него было потом много детей: Зет, Дионис, Геркулес, Аполлон, Артемида, Персей, Кастор, Елена, Полимедевк, Минос, Радмонт, Сарпедон и девять дочерей, называемых музами. Потом говорят, что он похитил пастуха Ганимеда и сделал его своим виночерпием. Так вот, царь, люди начали подражать во всем своим богам в подобном разврате и в других дурных делах, ссылаясь на их примеры. Как же прелюбодей и отцеубийца может быть богом! Затем греки веруют в какого-то хромого бога, который ради снискания пропитания занимается кузнечным ремеслом. Таким образом, они приписывают своему богу свойства, совсем не присущие Божеству, ибо Бог не может быть ни хромым, ни нуждаться в людях.

Веруют в бога Гермеса, подверженного страстям, честолюбивого, вора, кривого, мага, толкователя снов. Невозможно, чтобы Бог был

таким. Почитают Эскулапа — врача, приготавливающего лекарства ради пропитания, ибо он жил в нужде, под конец его поразил Зевс громовым ударом из-за Лакедемонянина Тиндарея, отчего он и умер. Если Эскулап будучи богом, пораженный молнией, не мог помочь себе, то как он может помогать людям.

Веруют в Ареса, воителя, который обольстил Афродиту, за что он был заключен в оковы мальчиком Эротом и Гефестом. Каким образом бог может быть воителем, прелюбодеем, заключенным в оковы? Веруют еще в Диониса, устраивающего ночные празднества, покровителя пьянства, увлекающего чужих жен, безумного, бежавшего в пустыню и убитого Титанами. Если Дионис не мог спасти себя от убийства, безумствовал, пьянствовал и обращался в бегство, то как он мог быть богом?

Затем они считают богом Геркулеса, который в опьянении, в припадке ярости убил своих детей, а умер сожженный огнем. Как бог может быть пьяницей и быть сожженным? Еще чтут бога Аполлона, которого изображают с луком, колчаном на плечах или с лирою в руке. Он за плату предсказывает людям. Но опять-таки: бог не может ни в чем нуждаться и быть лирным певцом. Веруют они в сестру Аполлона, Артемиду, богиню охоты, представляемую с луком и колчаном, которая бродит одна по горам, охотясь за оленями и кабанами. Далее они передают об Афродите, что она была прелюбодейкой, совершала прелюбодейства то с Аресом, то с Адонидом. Она же ищет потом своего любовника и оплакивает его смерть. Затем спускается в ад и искупает Адониса у Персефоны. Не правда ли, царь, это более чем глупости, считать божеством существо с такими качествами, прелюбодействующее, плачущее и печальщееся?

Почитают своим богом охотящегося Адонида, умершего от удара кабана и не бывшего в состоянии помочь себе. Как же он может помогать людям — прелюбодей, охотник, подвергнувшийся насильственной смерти. Все эти свойства и многия подобные им еще более дурные и позорные, греки приписывали своим богам. Но о них даже грех и говорить, лучше совсем не вспоминать их. Подражая безобразию своих богов, люди творили всякое беззаконие и безчестие, оскверняя своими делами землю и воздух.

Египтяне же в этом отношении были еще глупее и бессмысленнее более всех народов. Ибо они не только представляли себе богов, подобных халдейским и греческим, но обожали и неразумных животных, земных и морских, а также различные растения. Первоначально они почитали Изиду, у которой был муж Озирис, убитый потом своим братом Тифоном.

Изида со своим сыном Ором бежит в Сирию, ища Озириса, при чем она сильно сокрушается и горюет, пока не вырос Ор и не убил Тифона. Таким образом, Изиды не могла спасти своего мужа, Озирис не мог спастись сам от Тифона, Тифон, братоубийца, не мог противостоять Ору. Такими бессильными и несчастными выставляют они своих богов. Египтяне в этом отношении ниже всех народов; они обожают неразумных и бессловесных животных: одни из них считали богами овец, другие — козлов, третьи быков, четвертые свиней; иные — ястребов, соколов, или орлов; иные — крокодилов или обезьян; те — собак, волков, драконов, аспидов; некоторые же — лук, чеснок, шиповник и другие растения. И не могли они, жалкие, понять о всех этих богах, что они ничто, хотя ежедневно видели, что другие люди убивали, ели, жгли их богов, видели, что их боги гнили, но все-таки они не могли понять, что они не боги.

Итак, очевидно, что страшно заблуждались египтяне, халдеи, греки, веруя в таких богов, делая их изображения, обожая безжизненных и немых идолов. И я удивляюсь, как это они, видя, что идола их вырубались, выпиливались из дерева или сплавлялись из металла, а потому и портились, старелись от времени, все-таки считали их богами. Если их боги ничего не могли сделать для собственного охранения и спасения, то как они могли иметь промысл о людях.

Поэты же и философы греков, халдеев и египтян, желая своими произведениями прославить своих богов, еще более раскрывали всю их несостоятельность и позор. Отсюда, царь, очевидно, что такое понятие о богах есть глубокое заблуждение. Я не понимаю, как мудрые и разумные из греков не поняли, что они осуждаются собственными же законам. Ибо, если их законы справедливы, то их боги совершенно несправедливы, творя такие беззакония, как междоусобия, прелюбодеяния, отравление, воровство и пр. Если же боги прекрасно поступали, то законы совершенно не правы, будучи направлены

против богов. Но законы греков хороши и справедливы; так как хвалят добро и наказывают зло. Дела же богов беззаконны, а потому и боги их беззаконны; кроме того, они выставляют своих богов бессмертными, а потому и верующие в таких богов суть нечестивцы. Если все эти рассказы о их богах есть вымыслы, то такие боги существуют только на словах; если же эти истории правдивы, то они не боги, если творят такие дела и терпят так; если эти рассказы — иносказанья, опять-таки такие боги только пустые слова. Итак, доказано, царь, ясно, что многобожие есть дело заблуждения и влечет за собою гибель.

Ибо богов не должны считать видимыми и невидящими, но должно поклоняться невидимому, но всевидящему Богу, Творцу всего и всех. Теперь, царь, перейдем к иудеям и рассмотрим их образ мыслей относительно Бога. Иудеи, потомки Авраама, Исаака и Иакова, переселились в Египет. Оттуда их вывел Бог Своею всемогущею рукою чрез Моисея, их законодателя, Своими многочисленными чудесами и знамениями показав Свое могущество. Но они, невежественные и неблагодарные часто служили языческим идолам, а посылаемых к ним проповедников пророков убивали. Когда же Сын Божий соблаговолил сойти на землю, то они предали Его Пилату, римскому префекту и осудили на крестную смерть, не устыдившись сделать это, не смотря на Его благодеяния, безчисленные чудеса, которые Он совершил над ними. Иудеи погибли через свое беззаконие, как и язычники; хотя они и теперь поклоняются только Единому Всемогущему Богу, но отвергают Христа, Сына Божия; поэтому, так же беззаконны, как и язычники, хотя и думают, что близки к истине, от которой сами отдалили себя. Такова вера иудеев!

Христиане же происходят от Господа Иисуса Христа. Это Сын Божий, сошедший на землю с неба для спасения людей. Он воплотился от Духа Святого и Девы Марии без мужа и явился во плоти людям видимым, чтобы вывести их из многобожия. Свою удивительную деятельность Он завершил чрез крестную смерть, которой подвергнул Себя добровольно. Через три дня Он воскрес и вознесся на небеса. О деятельности Его ты, царь, можешь узнать, если пожелаешь, из той части Св. Писания, которая называется Евангелием. Христос имел 12 учеников, которые после Его вознесения на небеса отправились во все страны вселенной, уча о Божественности Его. Один из них обошел и нашу страну, возвещая учение истины. Те, которые до сих пор

исполняют правила этого учения, называются христианами. Христиане преимущественно перед другими людьми обрели путь истины. Они исповедуют Бога, Творца и Создателя всего, в Отце и Сыне, и Святом Духе; иного Бога они не признают и не поклоняются.

Христиане имеют написанными в сердце своем заповеди Самого Господа Иисуса Христа, исполняют их, ожидая воскресения мертвых и жизни будущего века. Они не прелюбодействуют, не поклоняются идолам, не свидетельствуют ложного, не желают чужого; почитают отца своего и мать свою и любят ближнего своего; обидевших их они прощают и делают своими друзьями; платят добром за зло; они кротки и милосердны, избегают незаконного общества и воздерживаются от всего нечестивого; вдов не презирают и сирот не обижают; имущий щедро дает неимущему; если видят странника, то вводят его под кровлю свою и радуются ему, как родному брату, ибо они считаются братьями не по плоти, а по душе; они готовы положить души свои за Христа, ибо твердо исполняют Его заповеди; они живут праведно и свято, как им повелел это Господь Бог, молясь и благодаря Его за всякую пищу, питье и другие дары. Тот путь есть путь истины, который приводит в вечное царствие, обещанное Христом в будущей жизни. А чтобы ты был убежден, царь, что я говорю правду, что не от себя говорю,— открой христианское Св. Писание и ты увидишь, что я говорю истину.

Твой сын был научен прекрасному и праведному — служить Богу живому для спасения в будущей жизни. Велико и достойно удивления все, что говорят и делают христиане. Ибо они говорят не людские слова, а Божеские. Язычники же блуждают на своем жизненном пути, потому что тот путь, которым они идут, находится во мраке, отчего они и шатаются безпрестанно, как пьяные. Таково мое слово к тебе, царь, слово, исходящее из души и ума моего под влиянием силы истины! Пусть твои безумные мудрецы перестанут злословить Господа, ибо для вас будет великая польза обратиться к истинному Богу, Творцу всего, и просветиться Его непреложными словами, дабы избежать осуждения и наказания, и сделаться наследниками вечной жизни".

Когда Нахор высказал все это, царь изменился в лице от гнева; ораторы же и представители языческой веры стояли, не издавая никакого звука, не будучи в состоянии противоречить. Царевич же

возрадовался духом и с светлым лицом прославлял Господа, так благополучно выведшего из затруднительного положения уповавших на Него, Который даже заблуждавшемуся врагу истины дал силу и возможность говорить и свидетельствовать истину. Однако царь, хотя и был ужасно разгневан на Нахора, но не мог сделать ему ничего дурного, так как он при всех перед его речью дал ему позволение говорить безстрашно за христиан. Тогда он сам начал противоречить ему, потом велел то же самое делать ораторам. Но Нахор разбивал все их положения и заключения, уличая в обмане и заблуждениях. Так как прения затянулись почти до вечера, то царь велел разойтись собранию до следующего дня. Но царевич сказал отцу: "Как справедливо ты начал свой суд, господин мой, так и закончи его, и пусть будет одно из двух: или пусть мой учитель останется со мною на эту ночь, чтобы мы вместе могли обсудить все то, о чем завтра нужно будет говорить с нашими противниками, ты же возьми своих защитников для обсуждения того; что вы хотите сказать; или же оставь со мною своих защитников на эту ночь, моего же возьми к себе. Если же и мой, и твои будут при тебе, то мой все время будет находиться в печали и страхе, а твои в радости и спокойствии, что, по-моему, не будет справедливым судом, но произволом власти, нарушением договора".

Царь, побежденный справедливостью этих слов, взял защитников своей веры с собою, Нахора же отпустил с сыном, надеясь еще, что он исполнит порученное ему. После этого Иоасаф, имея при себе Нахора, возвращается в свой дворец, испытывая чувство, подобное чувству какого-нибудь победителя на Олимпийских играх. Оставшись с ним наедине, он сказал ему: "Не думай, что мне неизвестно, кто ты. Я знаю очень хорошо, что ты не божественный Варлаам, а звездочет Нахор. И я удивляюсь, как это вы решились на такое прикидывание: обманывать меня среди бела дня. Неужели вы считаете меня настолько близоруким, чтобы я принял волка за овцу. Верно то слово, что тщетны помыслы глупца, и ваше желание и намерение совершенно бессмысленны. Дело же, которое ты совершил, исполнено здравого смысла. Поэтому, радуйся и ликуй, Нахор! Великая тебе благодарность за то, что ты сегодня был сторонником правды и не осквернил уст своих нечестивыми словами; что ты не стал коварно прикидываться, но очистил себя от всего нечистого, уличив неправоту веры и ложных богов и доказав истину христианского учения. Я же постарался увести

тебя с собой по двум причинам: чтобы царь не наказал тебя наедине за то, что ты не говорил угодное ему и чтобы на деле выразить тебе свою благодарность. В чем же будет заключаться эта благодарность? В том, чтобы вывести тебя с того дурного и скользкого пути, по которому ты шел до сих пор, и направить на тот прямой и спасительный путь, от которого ты отклонился не по незнанию, но сознавая зло избираемого тобою, обрекши себя на путь, полный пропастей и крутизн. Одумайся, Нахор! Обратись ко Христу, чтобы наслаждаться будущей, сокровенной жизнью; пренебреги всем этим временным и тленным, ты не будешь жить вечно, ибо ты смертен и скоро отправишься туда, куда отправились все твои предшественники. И горе тебе, если ты придешь туда, отягощенный множеством прегрешений, ибо там Суд справедлив, и праведно воздаяние по делам, которого ты тогда не избежишь, между тем, как теперь дело еще так поправимо!" Нахор, умиленный в душе сими словами, воскликнул: "Хорошо ты сказал, царь! Знаю и я о существовании истинного Бога, от Которого все произошло. Знаю и о будущем Суде: узнал я это из многих Писаний. Но дурное общество, постоянно хулящее Его, ослепило мои глаза, и густой мрак царствовал в моем уме и сердце. Теперь же, благодаря твоим словам, покрывало спало с моих глаз, и теперь я надеюсь просветиться светом лица Господня; буду просить Его, чтобы Он сжалился надо мною, внял бы раскаянию Своего раба и отступника, хотя мне кажется, что трудно получить отпущение прегрешений, равных по тяжести и по количеству всему песку дна морского, творимых мною до такого возраста и сознательно, и по невежеству".

Когда Иоасаф услышал это, то поднялся и с теплым участием подошел к говорящему. Он начал ободрять упавший дух Нахора и подкреплять его в вере во Христа. "Выбрось всякое сомнение из своей души,— говорил он,— ибо Св. Писание уверяет, что Бог может даже из этих камней создать себе детей, подобных Аврааму. Это значит, как толковал отец Варлаам, что спасение возможно даже и для самых закоснелых грешников, что и они могут сделаться служителями Христа, Который по богатству Своей благодати и милосердия к людям открыл небесные врата всем кающимся и каждому дал возможность спастись чрез покаяние; спасение наше никогда не поздно, как говорит Св. Евангелие в притче о виноградаре, который всем работникам, пришедшим к нему в первый, третий, шестой, девятый и

одиннадцатый час дал одинаковую плату. Так что, хотя ты и состарелся в грехах, но если ты теперь обратишься ко Господу с искреннею верою, надеждою и любовью, то будешь удостоен тех же даров, каких удостоятся подвизавшиеся в благочестии с юных лет".

Божественный юноша говорил закоснелому во зле Нахору еще много и другого о раскаянии, ободрял его тем, что Христос милостив и всегда готов принять кающегося, и, исцелив больную душу своими словами, как лекарством, он даровал ей очищение и выздоровление.

Тогда Нахор быстро сказал ему: "Ты, благороднейший юноша, посвящен в эти удивительные таинства более душою, чем тем телом и до конца своей жизни пребывай в исповедании их, и пусть никакое время, и никакой случай не уничтожат его в твоём сердце; я же удалюсь отсюда и буду искать спасения, чтобы раскаянием умиловать Бога, Которого я разгневал. Если ты позволишь, то я более не явлюсь на глаза к царю".

Царевич чрезвычайно обрадовался словам Нахора и, обняв его, расцеловал; потом, помолившись усердно Богу, он отпустил его из дворца. Выйдя от Иоасафа, Нахор с быстротою лани бежит в пустыню к пещере одного монаха, облеченного в священный сан, который там скрывался вследствие преследования христиан. Придя к нему, Нахор припадает к его стопам, оmyвает их слезами, подобно грешнице, пришедшей ко Христу, и умоляет дать ему святое Крещение. Священнослужитель, исполнившись духовной радости, следуя обычаю, тотчас же наставляет его в вере, а чрез несколько дней совершает над ним Крещение во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Нахор остался с ним, раскаиваясь в своих прегрешениях и прославляя Бога, не желающего ничьей гибели, но милостиво принимающего всех обращающихся к Нему и кающихся. Узнав поутру об исчезновении Нахора, царь, отчаявшись в надежде, которую он имел на него и видя, что его мудрецы и ораторы совершенно побеждены, не знал, что ему делать. Осыпав их укорами и предав позору, а некоторых и сильному телесному наказанию, он прогнал их от себя. Сам же начал прозревать безсилие своих ложных богов и, хотя пока не желал окончательно просветиться светом Христа, ибо мрак неверия, господствовавший в его душе, задерживал проблески просвещения в его сердце, однако, с тех пор он уже не воздавал почестей мертвым богам, не делал в честь

их празднеств, не совершал им возлияний, но колебался в выборе: с одной стороны, он сомневался в своих богах, с другой — его пугала строгость Евангельского учения о христианской деятельности, так как сила дурных привычек и склонность к плотским удовольствиям имели над ним еще слишком большую власть. Он был всецело предан страстям, был их рабом, он, как говорит пророк Исаия, пьянствовал без вина и дурные склонности, подобно узде, правили им. Когда царь боролся, таким образом, с двумя противоположными стремлениями, его благородный сын, с действительно царскою душою, жил в своем дворце непоколебимым в истинной вере, выказывая чистоту и красоту души в своих действиях. Его ничуть не интересовали зрелища, конские состязания, охота и другие забавы молодости, увлекающие души глупцов, но он всецело посвятил себя выполнению заповедей Христа, к Которому он стремился с неудержимым пылом.

Одно только еще хотел Иоасаф иметь в этой жизни: свидание со своим учителем Варлаамом. Он запечатлел его слова в своем сердце, старался подражать его жизни и страстно желал с ним видеться. Царственный юноша был подобен дереву, вскропленному при своем посадении благодатною божественною водою, потом непрерывно поливаемому и, благодаря этому, принесшему господину своему богатые плоды. Он многие души исторг из власти диавола и спас их, обратив ко Христу. Многие приходили к нему наслаждаться его спасительным словом и уходили, приняв истину и освободившись от заблуждения. Некоторые после этого оставляли шумную мирскую жизнь и вступали на путь аскетического подвижничества. Сам же Иоасаф проводил время в молитве, постах и часто обращался к Господу с следующими словами: "Господи, Царю мой! Воздай достойную награду Варлааму, рабу Твоему, который освободил меня от неведения, направил на путь истины и указал мне Тебя, Бога живого и истинного. Не лиши меня возможности снова видеть его, этого воплощенного Ангела, которого мир сей не достоин, и даруй мне провести с ним остаток наших дней, чтобы и мне идти по стопам его и тем угодить Тебе, Господу Богу моему".

Борьба Иоасафа с волшебником Февдою и его сатанинскими кознями, и вразумительное дивное видение.

В это время в том городе наступали публичные торжественные празднества в честь ложных богов. Царь тоже должен был присутствовать на этом торжестве и почтить его богатою жертвою. Но жрецы, видя, что он небрежно и холодно относится к их обрядам, боялись, что он не будет присутствовать в храме на этом празднестве, и поэтому они будут лишены обычного царского подарка. Спohватившись, они направляются к пещере, в которой жил один волшебник, ревностный язычник, по имени Февда. Сам царь отличал его почестями, называл другом и учителем, говоря, что его государство имеет во всем успех, благодаря предсказаниям Февды. Вот потому-то жрецы отправляются к нему и призывают его на помощь, выставляя ему явное пренебрежение царя к богам, выказываемое им с недавнего времени. Рассказывают также о деяниях царевича и о публичной речи Нахора против них. "И если ты,— сказали они,— сам не придешь к нам на помощь, то у нас не останется никакой надежды, и тогда рухнет всякое почитание наших богов. Ты остался единственным утешением в нашем несчастье, и мы возлагаем на тебя все свои надежды".

И вот Февда выступает из своего обиталища со всем своим сатанинским войском и вооружается против правды. Призвав на помощь разных злых духов, которых он всегда ревностно призывал для каждого подобного дурного дела, он является к царю.

Когда Авениру было возвещено о его приходе, и он сам вошел с посохом в руке, опоясанный овечьей шкурой, Авенир встал с трона и, приветствуя его, пошел к нему на встречу. Велев принести кресло, он посадил его возле себя. Февда говорит: "Живи, царь, во веки веков, охраняемый милостью великих богов. Я слышал, что ты вел великое состязание с Галилеянами и одержал блестящую победу. Поэтому я пришел, чтобы вместе с тобою совершить вдвойне торжественное празднество и вместе принести в жертву великим богам цветущих

юношей и девиц, сто быков и других животных, чтобы иметь в наших богах и на следующее время непобедимых союзников, устраивающих всю нашу жизнь".

На это царь ему возразил: "Мы не победили, старец, но совершенно побеждены; вероятно, боги, бывшие до сих пор за нас, внезапно отступили и поэтому противники наши не нашли никакого сопротивления, а если и нашли, то слабое и бессмысленное, вследствие чего мы совершенно побеждены. Скажи мне, есть ли у тебя сила и возможность оказать помощь нашей униженной вере и снова возвысить ее".

Февда отвечает: "Ты, царь, не бойся пустословий и противодействий Галилеян. Что они могут говорить против разумных людей? Мне кажется, что в состязании в словах нам победить их еще легче, чем ветру развеять листья. Они даже не осмелятся стать предо мною лицом к лицу, не говоря уже о том, чтобы заговорить и вступить в прения. А чтобы предстоящее состязание имело результат совершенно согласный с нашим желанием, то почти, как всегда, наш праздник: этим ты приобретешь расположение богов, которое будет для тебя всесильным оружием".

Наставляя его целый день в беззаконии и напоив ближнего своего грязным питьем, как говорит пр. Исаия, Февда, при помощи содействующих ему злых духов, успел совершенно заглушить в царя проглядывавшие было в нем спасительные мысли и побудить его ревностно придерживаться своих обычных помыслов и действий. Вследствие этого, всюду были разсланы царския грамоты, повелевающия всем прийти на предстоящий нечестивый праздник. И вот, со всех сторон стекались толпы народа, приводящие с собою быков, овец и других различных животных. Когда наступил день мерзкого торжества, царь, сопровождаемый чародеем Февдою, отправляется в храм, чтобы принести в жертву богам сто быков и много других животных. И совершали они свои нечестивые празднества, при крике жертвенных животных, раздававшемся по всему городу, при смраде сжигаемых жертв, которым был пропитан и самый воздух.

Когда эти празднества окончились, и злые духи возрадовались победе Февды, а жрецы поблагодарили его, царь, возвратившись с ним

во дворец, сказал ему: "Сообразно с твоим повелением, я приложил все старание, чтобы сделать это празднество, сколь возможно, пышным и обильным жертвами. Теперь уже пора, чтобы отступивший от наших богов мой сын был освобожден от власти заблуждений христиан и снова обратился к нашим милостивым богам. Я уже с своей стороны испробовал все средства, но ни одно из них не оказалось годным, чтобы отвлечь его от зла. Если я старался достигнуть цели кротостью и ласками, то он не обращал на меня никакого внимания. Если же хотел взять строгостью и угрозами, то он становился сумасшедшим. Поэтому я вполне предоставляю устранение моего несчастья твоей мудрости. Если ты достигнешь этого, и я увижу своего сына служащим вместе со мною истинным богам и наслаждающимся удовольствиями земной жизни, то я воздвигну тебе золотой столб, воздам тебе божеския почести и во всю твою жизнь велю всем воздавать тебе их".

Февда, выслушав весьма благосклонно такое решение царя, отвечал ему: "Если ты хочешь положить конец упорству твоего сына, то я нашел средство, против которого он не устоит, но смягчится его крутой и неподатливый нрав, смягчится подобно воску, подержанному на самом сильном огне".

Услышав столь смелые и самоуверенные слова, царь исполнился радостной надежды, и лицо его просветлело. "Какое же это средство?"— спросил он. "Удали всех слугителей, находящихся при твоём сыне,—отвечал Февда,—а на их место назначь красивейших женщин, обольстительно убранных, чтобы они ему прислуживали, и одна из них постоянно была с ним. Я, с своей стороны, пошлю туда одного из подвластных мне духов, который будет раздувать загоревшееся пламя. Если этот способ окажется негодным, царь, то пусть я буду достоин, вместо величайших почестей, мучительнейших наказаний, ибо ничто так не увлекает и не прельщает помыслы мужчин, как вид прекрасных женщин. Поэтому я советую тебе внять моему голосу.

Один царь не имел мужеского наследника и очень печалился, считая это для себя величайшим несчастьем. Но вот неожиданно у него родился сын, и царь исполнился несказанной радостью. Но опытные врачи сказали ему, что если новорожденный до десятилетнего возраста

увидит блеск солнца или огня, то он совершенно лишится зрения — это показывает состояние его глаз. Тогда царь велел высечь для своего сына каменное жилище, состоящее из темных пещер, и поместил его туда с дядьками и служителями, строго приказав устранять от него всякий свет до десятилетнего возраста. По истечении означенного срока, он выводит своего сына из его заключения. Но так как он до того времени еще ничего не видел, то царь велел показывать ему нарочно для этого разставленных в разных местах мужчин и женщин, потом также золото, серебро, драгоценные камни, колесницы с запряженными в них лошадьми в раззолоченной упряжи, покрытыми пурпуровыми коврами и сидящими на них всадниками оруженосцами, стада быков и овец.

Словом, царевичу показывали всевозможные вещи и животные. Сопровождавшие царевича царские слуги говорили ему потом по его желанию названия всего им виденного. Когда же он спросил о женщинах, то царский телохранитель в шутку сказал ему, что они называются бесами, сбивающими людей с прямого пути. Когда же вслед затем царевич был приведен обратно к царю, то отец спросил его, что из виденного им наиболее ему понравилось. Царевич ему живо ответил: "Более всего понравились мне те бесы, которые сбивают людей с прямого пути; ибо моя душа загорелась только при виде их из всего виденного мною." И удивился царь этим словам своего сына. Смотри, царь, что значит любовь к женщинам. И ты только таким способом заставишь своего сына повиноваться тебе".

Царю очень понравился указанный способ. И вот, по его приказанию, к нему приводят избранных, цветущих красавиц. Украсив их соответствующими нарядами, он назначает их во дворец сына вместо прежних служителей, которых велел удалить. Женщины всеми средствами старались приохотить Иоасафа к своему обществу, обнимали, ласкали, стараясь развеселить его. Никакого другого общества он не имел и никого другого не видел, согласно с распоряжением царя. Февда после этого возвратился в свою пещеру и взялся опять за свои волшебные, как он их называл, книги, призывая против воина Христова злого духа, не зная сам, как он был жалок и достоин смеха со всем своим дьявольским войском. Созвав на помощь других злых духов, призванный Февдой бес отправляется в спальню благородного юноши, которого находит спящим. Он разгорячил в нем

разные сладострастные чувства, от чего царевич проснулся. Тогда взорам его представляются прекрасные на вид, но безобразные душою девицы, которые стараются раздуть еще более загоревшееся внутри его пламя.

Но непорочный юноша почувствовал злой умысел и, видя наступающую борьбу с нечистыми чувствами, пришел в смятение и стал искать освобождения от угрожающего зла, желая предстать пред Христом с душою чистою, а не оскверненною грязью страстей, желая сохранить незапятнанным то святое одеяние, в которое он был облечен даром св. Крещения. И ему тотчас пришла мысль о величии невыразимой славы Христа в небесном мире, вечном блаженстве праведных душ и вместе с тем о притче об изгнанных из брачного пира за то, что явились не в брачной одежде, и вверженных в огненную геенну и крайний мрак. Вспомнив все это, он прослезился и ударил себя в грудь, как бы изгоняя из себя всякие дурные мысли и чувства. Потом встал, протянул руки к небу и, горячо плача и рыдая, призывал на помощь Бога, говоря: "Всемогущий Господи Боже, Всемилостивый, надежда всех отчаивающихся и помощь всех беспомощных, вспомни в этот час обо мне, негодном рабе Твоем, воззри на меня милостивым Своим оком, спаси душу мою от диавольского меча и вырви меня из зуб собаки! Не дай мне подпасть под власть врагов моих, чтобы не возрадовались ненавидящие меня! Не дай мне погибнуть в беззаконии и осквернить тело свое, которое я Тебе обещал сохранить чистым! Ибо Тебя только желает душа моя, и Тебе я поклоняюсь Отцу и Сыну, и Святому Духу ныне и присно, и во веки веков".

Произнесши "аминь", он почувствовал, что божественное утешение пришло к нему с неба. Все дурные чувства исчезли, и он до рассвета провел время в молитве. Познав чрез это происки диавола, он начал еще более стеснять свою плоть, заставляя себя терпеть голод, жажду и другия лишения. Целые ночи он проводил в стоянии, напоминая постоянно себе о завете, заключенном с Богом; о блаженстве праведных в будущем мире и огненной геенне, угрожающей нечестивым. Он неутомимо работал над самим собою, чтобы враг не нашел его душу невыдержанною и податливою, а потому не вселил в нее легко дурных чувств и не смутил его чистых мыслей.

Злой дух, потерпев таким образом неудачу и отчаявшись завладеть благородным юношей, придумал другую, еще более коварную хитрость. Будучи всегда злым, он никогда не перестает изобретать всякое зло и вредить людям. Поэтому он с несравненно большим усердием старается привести в исполнение порученное ему Февдою. Для этого он входит в одну из упомянутых красавиц, именно, в самую прекрасную из них по наружности, дочь одного царя, которая была привезена из своей родины, как величайший подарок царю Авениру, а он, вследствие ее красоты, избрал ее в числе других для отправления во дворец сына. Лукавый дух, вошедши в нее, внушает ей помыслы и желания, которые всецело овладевают ее рассудком — ибо он всегда очень находчив на зло. Потом бес сумел также вселить любовь к ней в царевиче, который обратил на нее внимание как вследствие ее ума и красоты, так и вследствие ее царского происхождения, лишения ею своей родины, а вместе с тем и подобающего почета и славы. Кроме того, у него зародилось желание отклонить ее от идолопоклонства и сделать христианкой. Все это были коварные происки дьявола. Между тем, блаженный Иоасаф, не замечая в себе никакой страстной любви, никакого нечистого чувства в отношении этой девицы, объяснял свое влечение к ней простою симпатиею и состраданием к ее бедственной участи и душевной гибели, никак не предполагая, что это есть происки злого духа.

Он начал искать общества девушки и, внушая ей учение об истинном Боге, говорил: "Обратись, женщина, к живому, вечному Богу, а не заблуждайся в этом служении идолам; веруй в Господа, Творца всего, и ты будешь счастлива, наследуешь вечное блаженство". И много еще подобного говорил он ей. Бес же, обольститель, внушал ей расставить обманчивые сети и втолкнуть невинную душу в яму страстей, подобно тому, как он это сделал с первым человеком, лишив его чрез Еву рая, вечного блаженства, отторгнув от Бога и сделав причастным смерти.

Когда девица услышала слова царевича, исполненные мудрости, то она не поняла их, но отвечала языком и устами нечистого духа: "Если ты, господин, заботишься о моем спасении и желаешь обратить меня к своему Богу и тем спасти мою жалкую душу, то ты исполни одно только мое желание, и я тотчас же, оставив своих отцовских богов, обращусь к твоему Богу и буду служить Ему до последнего дыхания, а

ты, надеюсь, получишь от Бога мзду за мое спасение и обращение к Нему". Когда же он спросил, в чем заключается ее желание, она сказала: "Я очарована твоим видом, взором и речами, а потому соединись со мною браком, и тогда я с радостью исполню твои приказания".

На это юноша сказал: "Напрасно, женщина, ты обратилась ко мне со столь неподходящею просьбою; хотя я очень забочусь о твоём спасении и о том, чтобы отвлечь тебя от губительной пропасти, но осквернить свое тело чрез плотское соединение для меня тяжело и совершенно невозможно".

Но у девицы уже на все были готовы возражения. Поэтому она говорит ему: "Для чего ты, господин мой, будучи мудрым, говоришь мне такие вещи? Почему ты считаешь для себя осквернением подобное соединение? Я тоже несколько сведуща в христианских книгах и слышала от христиан, виденных мною в моем отечестве, что многие из вас соединяются брачными узами. Тоже самое гласит одна из ваших книг: *Брак да будет у всех честен и ложе непорочно* (Евр. 13,4). И в другом месте: *Лучше вступить в брак, чем разжигаться* (1 Коринф. 7, 9). И еще: *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Матф. 19, 6). Разве не все древние патриархи, пророки и праведники вступали в брак? И тот Петр, которого вы называете верховным Апостолом, разве не имел жены? По чьему это внушению ты называешь брак осквернением? Мне кажется, что ты далек от понимания истинного учения вашей веры!".

"Все, что ты говоришь, совершенно справедливо,— отвечал Иоасаф,— но раз кто дал обет Христу не вступать в брак, тот не может нарушить этого обета. Я же при принятии св. Крещения, при оставлении мне прегрешений моей юности, дал обет предстать чистым пред Христом. Как же я могу его нарушить?"

"Пусть будет по-твоему,— отвечала девица,— так исполни хоть эту незначительную мою просьбу, если ты хочешь спасти мою душу, проведи со мною только эту ночь, дай мне насладиться твоею красотой и, с своей стороны, насладись моею красотой, и я Даю тебе слово с разсветом сделаться христианкой и всеми силами избегать служения моим богам; за это Мое обращение в христианство тебе не только будет прощено исполнение моего желания, но и будет воздана

Мзда Богом за мое спасение ибо *на небеси более радости будет об одном кающемся грешнике, чем в девяносто девяти праведниках* (Лук. 15, 7).

Если на небеси радуются обращению грешника, то разве не будет великая награда виновнику этого обращения? Разве Апостолы, проповедники вашей веры не преступали какой-нибудь заповеди ради выполнения другой, большей заповеди? Разве не говорится, что апостол Павел обрезал Тимофея ради другого великого дела? Неужели это обрезание кажется тебе преступлением для христианина? И много еще подобных примеров ты найдешь в ваших Писаниях. Итак, если ты воистину хочешь спасти мою душу, то исполни эту незначительную просьбу. Сначала я желала соединиться с тобой законным браком, но так как это тебе не по душе, то я и не настаиваю более на этом, стараясь делать все приятное тебе. Не побрезгуй мною окончательно, послушайся меня первый и последний раз: этим меня ты освободишь от моего заблуждения, сам же во всю последующую жизнь будешь исполнять все, предписываемое догматами вашей веры".

Так говорила девушка по наставлению злого духа угодное ему, ибо этот творец и учитель зла был сведущ в Св. Писании. Говоря и ласкаясь, опутывая Иоасафа своими сетями и завлекая в разставленные козни, она начала уже колебать твердость его души, развязывать крепкие узлы его воли. Сеятель же зла и враг праведников, видя его колебание, исполнился величайшей радости и тотчас призывает пришедших с ним злых духов, крича им: "Смотрите, как эта девица успешно делает то, что не могли сделать даже мы. Нападем на него именно теперь, ибо не найдем другого, более удобного случая, чтобы исполнить волю пославшего нас". Как только лукавый сказал это своим псам, они тотчас же бросаются на воина Христова, приводят в смятение все его душевные чувства, влагают в него сильную любовь к девице, зажигают в нем страстный огонь. Иоасаф, испытывая этот страшный огонь, видя свое порабощение грешным чувством и, вместе с тем, помышляя что все это будет лишь средством для спасения девицы, для обращения ее к Богу, и прелюбодеяние его с нею, происшедшее для спасения ее души, не будет считаться грехом, тем не менее чувствовал, что здесь кроется крючок, обложенный приманкою врага. В борьбе этих противоположных чувств в беспомощности и нерешительности, как поступить, прибегает он к молитве и, возведя

полные слез очи к небесам, восклицает к Могущему спасти всех, положившихся на Него:

"На Тебя, Господи, возложил я свою надежду, что не буду посрамлен на веки, что не посмеются надо мною враги мои, враги раба Твоего; окажи мне помощь в этот час и устрой все по Своей воле, дабы было прославлено имя Твое во мне, рабе Твоем, ибо Тебе подобает слава во веки веков. Аминь".

Помолившись так со слезами, он, после многих коленопреклонений, опустился на пол в изнеможении. Впав в забытие, он видит себя в обществе каких-то необыкновенных существ, в местах, которых он никогда не видел, именно, в какой-то большой равнине, украшенной прекрасными, душистыми цветами, различными деревьями, отягощенными неизвестными ему чудесными плодами, прекрасными и очень соблазнительными на вид. Листья деревьев весело шумели под веянием тихого ветерка, распространяя приятный аромат. Тут же стояли троны из чистого золота, украшенные драгоценными камнями, от которых исходил чудный блеск, и ложе, покрытое покровом, краса которого невыразима словом. Текущие светлые воды услаждали взор. По этой чудной, прекрасной равнине те необыкновенные существа вели его по направлению к великолепному городу с блистающими золотыми стенами, которые оканчивались неприступными зубцами из такого камня, какого никогда никто не видел. О, как выразить всю красоту, весь блеск этого города?! Свет солнечных лучей ярко освещал улицы города, по которым бодро шли войска, сами представляющая из себя свет, поющие песни, неслыханные ухом смертного.

И услышал Иоасаф голос, говоривший, что сие есть место отдохновения праведных, радость тех, которые сумели угодить Господу. Потом те же самые люди, которые ввели его сюда, хотели вести его назад. Он же, исполнившись царствовавшего здесь блаженного и радостного чувства, говорил им: "Умоляю вас, не лишайте меня этого несказанного блаженства, но позвольте и мне быть с вами в этом великом городе". Они же ему отвечали: "Тебе теперь нельзя быть здесь; сюда ты можешь придти только тогда, когда будешь усердно трудиться, чтобы быть достойным здешней жизни". Прошедши вышеописанную равнину, они привели его в места, полные мрака и всего неприятного, которые составляли прямую

противоположность только что виденному блеску: ни одной искорки света не проникало сюда; все было жалко и беспорядочно; в одном месте стояла карающая огненная печь, в другом полз карающий червь; мучители духи стояли у печи и бросали безжалостно некоторых в огонь. И послышался голос, говорящий: "Вот место, уготованное грешникам; вот наказания, продолжающиеся вечно, назначенные для тех, которые осквернили себя постыдными делами". Затем приведшие его вывели его отсюда. Придя в себя, царевич весь дрожал от страха; слезы рекою текли из его глаз. Тут он вспомнил о прекрасной соблазнительнице девице. Но, припоминая о виденном во сне, еще больше возлюбил хорошее и возненавидел все дурное.

Между тем, царю было возвещено об обмороке сына. Пришедши к нему, царь начал спрашивать, что случилось. Иоасаф рассказывает виденное им во сне, потом говорит: "Зачем ты приготовил сеть ногам моим? Зачем ты заставил поникнуть душу мою? Если б Господь не был моим помощником, то душа моя вселилась бы в страну мучения. Но как благ Господь к чистым сердцем! Он избавил меня от такого бедствия. Я в смущении находился среди диких зверей, но Бог, Спаситель мой, с высоты небес милостиво воззрел на меня и показал мне, каких благ лишаются прогневающие Его и какие наказания они себе готовят. Так как ты, отец, с своей стороны затыкаешь уши, чтобы не слышать меня, когда я говорю тебе об истинном благе, то не мешай, по крайней мере, мне идти этим прямым путем. А я желаю и стремлюсь здесь, на земле, достигнуть только одного: удалиться от всего суетного и жить там, где живет Варлаам, достойный служитель Христа, чтобы провести с ним остальную жизнь! Если же ты захочешь силою задержать меня и поставить на своем, то ты скоро увидишь меня мертвым от тоски и горя, и тогда ты уже не будешь мне отцом и я тебе сыном".

Снова отчаяние овладело царем; опять повторял он, что лучше бы не родиться такому сыну и снова в страшном волнении возвратился в свой дворец. Злые же духи, посланные Февдою против благочестивого юноши, возвратились к нему объявить о своем поражении; хотя они и не сказали ему прямо об этом, но их приниженный вид яснее слов свидетельствовал о их унижении. Тогда Февда говорит им: "Жалкие вы и ничтожные создания, которые не могли одолеть даже одного мальчишки". Бесы же, караемые могуществом Божиим, поневоле

должны были рассказать ему обо всем случившемся. "Мы не можем,— говорили они,— даже глаз поднять перед могуществом Христа, пред Его символом страданий, который называют Крестом. Ибо как только кто-нибудь начнет изображать это знамение, то мы, властители мрака, спешим бежать еще прежде, чем оно будет окончено. При самом нападении на этого юношу, мы сейчас же должны были отступить, так как он призвал на помощь Христа, вооружился знаменем Креста, чем гневно разогнал нас, а себе приобрел прочную помощь. Мы необдуманно избрали то средство, которое употребил наш глава против первого человека; мы слишком мало ожидали от юноши. Христос же, призванный им на помощь, обжег нас сверху пламенем Своего гнева и обратил в бегство; теперь мы решили никогда более не приближаться к сему юноше". И злые духи подробно объяснили Февде все случившееся.

Находясь снова в недоумении, что ему делать, царь опять призывает Февду и говорить ему: "Мы исполнили, премудрый муж, все согласно тому, как ты нас учил, но это ни к чему не повело. Если ты можешь еще что-нибудь посоветовать, то мы и это испробуем. Может быть, найдем, наконец, избавление от этого зла"! Тогда Февда потребовал свидания с царевичем. Следуя совету, царь поутру, взяв с собою Февду, отправляется к сыну. Пришедши к нему, он снова осыпал его укорами и бранью за непослушание и за непреклонность его убеждения. Когда же Иоасаф начал по обыкновению утверждать, что ничто не может побудить его оставить любовь ко Христу, то Февда перебил его, говоря: "Что, Иоасаф, побудило тебя презреть наших богов, перестать совершать им служение, а вследствие этого разгневать отца и сделаться предметом народной ненависти? Разве не от них ты получил жизнь? Разве не они дали тебя твоему отцу, вняв его молитвам и сжалившись над его бездетностью?" Много еще пустословил состаревшийся во зле язычник, стараясь разными глупыми умозаключениями унижить учение Евангелия и возвысить идолов.

Беседа мудрого Иоасафа с Февдою, его обличение и победа над идолами.

Подождав немного, сын царствия небесного, гражданин виденного им города, построенного не людьми, но Господом, говорит Февде: "Выслушай же ты меня, глубина невежества, непроходимого мрака и заблуждения, выслушай, пустой, злополучный и жалкий старик, грехи которого тяжелее градов всего Пятиградия, сожженного небесным божественным огнем! Что ты хочешь издеваться над спасительным ученьем, благодаря которому просветился мир, заблудшие обрели истинный путь, погибшие и поработанные были вызваны из своего ужасного положения!.. Скажи мне, Февда, что лучше: служить ли и поклоняться Всемогущему Богу Отцу, Единородному Сыну Его и Духу Святому, Богу несотворенному, бессмертному, началу и источнику всяких благ, могущество Которого неподобно, слава непостижима, Которого окружают безчисленные миллионы легионов Ангелов небесных, славы Которого полны все небо и земля, Который из ничего сотворил все, над всеми и всем властвует, и по Промыслу Которого все живет и охраняется? Этому ли Богу лучше поклоняться и служить, или злым духам, немым идолам, хваление и прославление которых есть разврат, совращение чад, есть совокупность всего беззаконного, как сказано в нашем учении о идолослужении и суеверии?"

И вы не стыдитесь, жалкие люди, подобно халдеям поклоняться безжизненным деревянным обрубкам, творению рук человеческих, уничтожаемому огнем?! Обточив камень или дерево, вы провозглашаете эти предметы богами! Затем, взяв красивейшего сельского быка или другое какое-нибудь благовидное животное, вы приносите их в жертву своему мертвому обрубку. О, вы безумные! Ведь в данном случае жертва достойнее вашего божества, т.к. первое есть существо живое, творение Божие, второе же есть безжизненная деревяшка, творение человека. Насколько неразумное животное смышленнее тебя, существа, одаренного разумом! Ибо животное

узнает кормящего его человека, ты же не познал Бога, Который тебя сотворил из ничего, Который подает тебе жизнь и охраняет тебя. Ты признаешь богом вещь, которая незадолго пред тем была ударяема железом или расплавляема огнем. Позолотив или посеребрив эту вещь, ты ставишь ее на возвышенном месте, затем падаешь пред нею ниц, поклоняясь, таким образом, не Богу, но творению собственных рук, безжизненным, бездушным деревяшкам. Идолов ваших даже нельзя назвать мертвыми, потому что таковыми называют существа имевших жизнь, но лишившихся ее. Ваши же идолы никогда не имели жизни.

Что могло так возвысить в ваших глазах идолов? Неужели же тот огонь, молот или топор, при помощи которых они сделаны? Трудно даже подыскать достойное название делающим такую глупость, такое безумие! Ведь вы знаете, что каменные и глиняные ваши боги крошатся и разсыпаются, деревянные гниют, железные ржавеют, золотые и серебрянные плавятся. Ваши боги даже продаются: одни дороже, другие дешевле. Но ценность их не одинакова, не потому чтобы одни из них были могущественнее, другие слабее, но исключительно зависит от ценности того материала, из которого они сделаны. Как же возможно продавать или покупать богов? Как боги могут быть так безжизненны, неподвижны?! Или ты не видишь, что они, будучи поставлены, никогда не садятся, посаженные же никогда не встают. Стыдись, безумец! Находясь так далеко от истины, погрязая в обмане, ты бы хоть молча, про себя восхвалял и прославлял эти обрубки, творение твоих рук, которым ты дал наименование богов.

Одумайся, жалкий человек! Пойми, что ты старше сделанного тобою бога. Какое безумие думать, что, будучи человеком, ты можешь творить богов! Как людям могла прийти такая нелепая, дерзкая мысль! Пойми же, что ты делаешь не Бога, но только подобие изображения человека или животного, потому что внутри у них ничего не напоминает человека или животного, ибо они не имеют ни языка, ни гортани, ни мозга, ни вообще каких-либо внутренностей. Так что боги ваши не похожи ни на человеческое тело, ни на тела животных, а суть предметы совершенно бесполезные и ничего не выражающие. И этим-то предметам ты поклоняешься и служишь! Если бы не существовало кузнечного, столярного и каменнотесного ремесла, то не было бы и твоих богов; если бы сторожа не смотрели за твоими богами, то ты бы лишился их; в многолюдном городе безумных, где одному и тому же

богу поклоняются многие, там такого бога стережет меньше сторожей. Притом, если ваш бог сделан из золота или серебра, то за ним усердно смотрят; если же он сделан из камня, глины, или другого дешевого материала, то он, по вашему, сам себя охраняет. Так что выходит, что глиняный бог могущественнее золотого.

Итак, разве вы не достойны быть осмеяны, как безумные и слепые? Но следует скорее сожалеть вас, чем смеяться над вами. Вашими действиями руководит не благочестие, а глупость и порок. Одни из вас, любя войну, сделав деревянное изображение воина, назвали его Аресом; другие, под влиянием позорной страсти к женской красоте, воспроизвели образ Афродиты, обожая, следовательно, в ее лице страсть; иные же из любви к вину, сделали идола, которого назвали Дионисом. Равно и остальные из вас, имея влечение ко всему дурному, поставили идолов своих страстей, так что они свои пороки назвали богами. Потому-то перед жертвенниками ваших богов происходят различные сладострастные пляски, раздаются звуки таких же песней, там же зарождаются всякие нечистые чувства и желания. Кто может выразить надлежащим образом всю гнусность всего этого? Да никто и не станет осквернять своих уст рассказами о подобном. Нам все это известно, но мы молчим.

Так вот каковы предметы твоего обожания, Февда. И ты уговариваешь меня также поклоняться, почитать и обожать их. Такое твое желание выражает всю глубину безумия и зла, господствующих в твоей душе. Но пусть его исполняют все, подобные тебе, и ты сам. Я же буду служить и поклоняться своему Богу и всецело посвящу себя Ему, Творцу и Промыслителю всего, чрез Господа нашего Иисуса Христа, радость и надежду нашу, чрез Которого мы возымели доступ к Отцу светов во Св. Духе; кровью Которого были искуплены прегрешения наши. Так как, если бы Он во плоти и образе человека не пострадал за нас, рабов Своих, то мы не были бы удостоены усыновления. Плоть Его была распята на Кресте, затем положена во гроб, где пробыла три дня; вместе с тем Он сошел в ад и освободил оттуда души, погрязшие грехом, томившиеся во власти ужасного владыки. Что же такого Он всем этим сделал, что ты над Ним насмехаешься? Не видишь ли ты, скольким бесполезным и негодным местам солнце посылает свои благотворные лучи? Разве за это следует над ним смеяться? Разве оно своими лучами не изсушает и не испаряет

все негодное и гнилое, не рассеивает тьму, оставаясь само при этом невредимым и недоступным для уничтожаемого им мрака и грязи? Или возьмем огонь. Принимая в себя железо черным, он делает его ярким, блестящим, мягким. Но разве сам он при этом принимает какие-нибудь свойства или прежние качества железа?

Если эти созданные тленные стихии ничуть не оскверняются чрез сообщество предметов низших, то как ты, неразумный, можешь издеваться, если я говорю, что Сын и Слово Божие, отнюдь не оставив славы Отца Своего, но, будучи Само Богом, для спасения рода человеческого приняло человеческую плоть, желая сделать людей причастными Божественной мудрости и, выведя души наши из ада, удостоить их славы небесной; чтобы принятием плоти изгнать из земли владыку господствующего в ней зла и тем освободить наш род человеческий от его тирании. Христос, вращаясь среди страстей, остался чужд их и соединяет в Себе два естества: человеческим естеством Он распинается на Кресте, Божеским же — затмевает солнце, потрясает землю и воскрешает из гробов тела многих умерших; человеческим естеством Он умирает, Божеским же — воскрешает умершее и сокрушает ад. Поэтому Пророк восклицает: *Ад преисподний пришел в движение ради Тебя, чтобы встретить Тебя при входе Твоем* (Ис. 14, 9). Думая встретить только человека и встретив Бога, он внезапно опустел и был сокрушен. Господь воскресает и возносится на небо, которого Он не оставлял как Бог. Всем этим Он возвысил наш униженный, ничтожный, погруженный в мрак невежества род, возсадил его на престол бессмертной и блистающей славы.

Что же опять-таки Сын и Слово Божие всем этим сделал такого, что ты не стыдишься хулить Его? Что же, по-твоему, лучше: исповедывать ли и почитать такого Бога, благого и человеколюбивого, предписывающего мир, праведность, воздержание, чистоту тела и души, милосердие, веру, Который Сам есть Благо, Любовь и Истина, или же твоих богов, олицетворение дурных страстей, дурных дел, позорных уже самими своими именами? Горе же вам, безумнейшие из безумных, сыны гибели, наследники мрака! Блажен же я и все христиане, исповедующие и служащие благому и человеколюбивому Богу! Хотя они и потерпят немного в сем мире, но будут наслаждаться

безсмертным, плодом мзды в царстве божественного и безконечного блаженства".

Тогда Февда ему говорит: "Но ты не станешь отрицать, что много великих, мудрых наставников, достойных удивления вследствие своей мудрости и добродетели, предписывали нашу веру, а все цари и вообще сильные мира сего приняли ее, как прекрасную и непоколебимую. Веру же Галилеян приняло немного ничтожных, невежественных рыбаков и землепашцев и проповедывали ее такие же необразованные люди, которых было не более двенадцати. Как же можно предпочесть веру немногих, ничтожных и необразованных людей вере многих, великих, знатных и мудрых людей? Какое же все-таки доказательство того, что первые правы, вторые же неправы?"

На это царевич ему отвечал: "Ты, Февда, право, подобен ослу, который, внимая звукам слов, не понимает их смысла, или же аспиду, который затыкает уши, чтобы не слышать звуков очаровательной песни. Хорошо выразился Пророк о тебе и подобных: *Может ли эфиоплянин переменить кожу свою и барс пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкли делать злое?* (Иер. 13, 23). Слепой ты безумец! Как сила истины не приводит тебя в чувство? Именно то обстоятельство, что большинство хвалит и удивляется мудрости вашей ложной веры, что многие цари исповедуют ее, Евангельское же учение возвышается немногими и незнающими людьми,— и свидетельствует о силе нашей благодатной веры и о бессилии гибельной вашей: так как, не смотря на то, что ваша вера имеет мудрых защитников и могущественных исповедников, она, тем не менее, бессильна и темна.

Учение же нашей веры, не имея никакой поддержки со стороны людей, возсияло ярче солнца и властвует над всем миром. Если бы она была изложена ораторами и философами, исповедывалась бы царями и другими сильными мира сего, то ты бы сказал, что все в ней есть плод человеческих сил. Но так как Св. Евангелие, изложенное бедными и незначительными рыбаками, как ты сам говоришь, тем не менее, господствует в мире и, не смотря на все преследования: *по всей земле происходит звук их, и до предела вселенной слова их* (Пс. 18, 5), то чем ты назовешь его, как не могущественною силою, утверждающею спасение людей. Какое еще лучше доказательство нужно тебе,

безумец, в том, что последователи вашей веры ошибаются, последователи же нашей — правы?

Ибо, если бы все ваше учение не было пустословием и ложью, то оно, имея такую поддержку в людях, не уменьшалось и не ослабевало бы так в своих последователях. *Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся, многоветвистому Дереву; но он прошел, и вот нет его; ищу его и не нахожу* (Пс. 36, 35, 36). Эти слова Пророка относятся к вам, сторонникам идолопоклонства, так как скоро, скоро настанет время, когда не будет уже ни одного из вас. Вы исчезнете с лица земли, как исчезает дым в воздухе; истаете, как тает воск от близости огня. А о Евангельском учении Господь говорит: *Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Матф. 24, 35). Псалмопевец восклицает: *В начале Ты (Господи) основал землю, и небеса — дело Твоих рук. Они погибнут, а Ты пребудешь; а все они, как риза обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся. Но Ты—тот же, и лета Твои не кончатся* (Пс. 101, 26, 28).

И божественные вестники пришествия Христова, мудрые рыбаки, исторгшие всех из глубины лжи, о которых ты с таким презрением отзываешься, ты, ничтожный раб греха,— возсияли в мире, подобно солнцу, даруя слепым зрение, глухим — слух, хромым — способность свободно ходить, мертвым—жизнь. Самые их тени исцеляли всякие людские страдания. Злых духов, которых вы боитесь, как богов, они не только изгоняли из людей, но и вообще из вселенной силою знамения Креста, на который они указывали, как на всемогущее средство, отвергнув всякую ворожбу. Таким образом, Апостолы, исцеляя могуществом Христа всякий людской недуг, возстановляя разрушенное, естественно служат предметом удивления для всех благомыслящих, как вестники истины. Что же ты теперь можешь сказать о твоих мудрецах и ораторах, которых Господь, при всей их мудрости, уличил в глупости? Что скажешь о приверженцах диавола? Что достойного внимания сделали и оставили они для людей? О них что можно сказать, кроме их недалёковидности, глупости и некоего искусства скрывать под внешним блеском речи всю грязь своей постыдной веры?

Первоначальные виновники появления идолов не заблуждались, подобно нынешним идолопоклонникам, но люди дошли постепенно до

такой степени заблуждения. Говорят, что Серух первый начал ставить различные изображения, которые потом дали повод развиться идолопоклонству. Именно, он имел обыкновение ставить в честь людей, отличавшихся храбростью или другими какими-нибудь хорошими качествами и делами, заслуживающими внимания, их статуи или памятные столбы. Такой же характер носили эти памятники при его современниках. Но последующие поколения, не уразумев их истинного назначения, забывши, что они поставлены только как память людей, сделавших что-нибудь похвальное, стали смотреть на эти статуи, как на изображения своих богов, совершая пред ними жертвоприношения и возлияния, обожая, таким образом, таких же смертных, какими они были и сами.

Впоследствии взгляд на это еще более извратился: совершая пред деревянными статуями жертвоприношения, люди думали, что в этих статуях обитают духи, которые присваивают себе воздаваемую людьми честь и приносимые ими жертвы. Такой взгляд внушили им лукавые духи, начало и источник всякого зла. Так как они всячески стараются привлечь людей, не имеющих должной веры и знания истинного Бога, считать себя богами по двум причинам: во-первых по свойственному им тщеславию льстит это наименование и соединенное с ним почитание; во-вторых они домогаются этим, чтобы те, которых они обманули, были ввергнуты в вечный огонь, уготованный для них, почему и научили людей всякому беззаконию и всему позорному.

Когда люди были на высшей степени зла, каждый ставя и провозглашая в своем невежестве богом статую своей страсти, то жалки были они тогда в грязи своего заблуждения, не замечая всей нелепости такого обожания, пока пришедший на землю по богатству Своего милосердия Господь не освободил нас, верующих в Него, от этого гнусного обмана и губительного неведения и не научил истинному Богопознанию. Ибо вне Его нет спасения, и нет другого Бога ни на небесах, ни на земле, кроме Единого Бога, Творца всего и всех, Который все творит силою Своего всемогущего Слова: *Словом Господа сотворены небеса и духом уст Его—все воинство их* (Пс. 32, 6). *Все чрез Него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть* (Иоан. 1, 3).

Выслушав учение царевича, Февда стоял, как громом пораженный, не будучи в состоянии вымолвить ни одного слова, потому что слышанное им было исполнено Божественной мудрости. Наконец, после долгого времени, овладев собою и став пред царем среди собрания, он воскликнул громким голосом: "Воистину, царь, Дух Божий обитает в твоём сыне. Мы совершенно побеждены и не только не можем ничего сказать в защиту своей веры, но даже движением глаз возражать на слышанные нами слова. Воистину, велик Бог христианский; велика и их вера, и велики таинства их".

Спасительное слово коснулось помраченного сердца Февды, им овладело раскаяние в прежних действиях. Сознав все заблуждение, руководящее идолопоклонниками, он просветился светом истинного благочестия. Обратившись затем к Иоасафу, спросил: "Скажи мне, просветленный душою юноша, примет ли меня Христос, если я, оставив свои прежние дела, обращусь к Нему?"

"Конечно,— отвечает проповедник истины.— Он примет тебя, как принимает всех, обращающихся к Нему: Господь не просто принимает обратившагося грешника; но как Отец, принимающий сына, возвратившегося после долгого незаконного отсутствия, целующий и обнимающий его. Сняв с него позор прегрешений, Он облакает его тотчас в одежду спасения и блестящей славы, празднуя возвращение пропавшей овцы. Сам Господь сказал: *Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.* (Лк. 15, 7). И еще говорит: *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Матф. 9, 13). Затем чрез Пророка возвещает: *Скажи им: живу Я, не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев? Если этот незаконник возвратит залог, за похищенное заплатит, будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, то он будет жив, не умрет. Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив* (Иезек. 33; 11, 15, 16).

Другой Пророк восклицает: *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды. Тогда придите и разсудим, говорит*

Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, как снег убелю; если будут красны, как пурпур, как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят (Ис. 1, 16—20).

При таких обещаниях со стороны Бога, ты, человеке, не долго думая и не медля, обратись ко Христу, человеколюбивому Богу нашему, и просветишься духом, и не помрачится лице, и вместе с погружением в воде купели при св. Крещении будут погребены на веки весь твой позор прежнего человека и вся тяжесть тяготевших над тобою грехов. Тогда ты начнешь новую жизнь свободным от всякого пятна и грязи прегрешений, и от тебя самого будет зависеть впредь сохранить непорочную ту чистоту, дарованную тебе по милосердию Бога нашего".

Наставленный так бл. Иоасафом Февда тотчас отправляется во свою пещеру и, взяв свои бесовские книги, предает их огню, как начало всякого зла и источник всевозможного нечестия. Затем он находит того священного мужа, к которому приходил Нахор. Посыпав главу пеплом, громко рыдая и заливаясь слезами, он говорит ему о состоянии своей души, рассказывая вместе с тем о своих прежних нечистых делах. Священнослужитель же этот, умея прекрасно направлять души на путь спасения и исторгать их из власти лукавого, обещает ему оставление прежних грехов и милостивого Судью. Затем, наставив его и приготовив постом в течение многих дней, он очищает его Божественным Крещением. С тех пор он оставил свой прежний, нечестивый образ жизни и настолько же возненавидел нечистые страсти и колдовство, насколько до того времени был склонен к ним. В течение всех своих остальных дней жизни, он умиловлял Бога слезами и сокрушениями.

Между тем, Авенир после такого исхода дел был совершенно в беспомощном состоянии, и душа его была, по-видимому, погружена в глубокую заботу и тревогу. Созвав снова важнейших своих советников, он спрашивал их, как ему поступить с сыном. Когда одни советовали ему одно, другие — другое, упомянутый Арахия, самый знатный и сильный из них, говорит ему: "Как нам нужно было, царь, поступить с твоим сыном, так мы и поступили, но не могли склонить его следовать

учению нашей веры и служить нашим богам. И, как я вижу, все наши попытки здесь будут бесполезны. Должно быть сама природа и судьба сделали его таким неумолимым,' непоколебимым и неустрашимым. Если ты захочешь его пытаться или казнить, то ты будешь врагом самому себе, своей природе, и тогда уже не будешь иметь права называть себя его отцом, а он с готовностью пойдет на казнь за имя Христа. Остается одно только средство—отделить ему часть твоего государства и правление которого поручить ему. Если тогда заботы, житейские нужды и потребности увлекут его, и он снова вступит в круг нашей жизни, то цель наша достигнута. Ибо окрепшие качества нашей души можно гораздо скорее устранить убеждением или даже уступкою, чем насилием. Если же он при всем этом все-таки не оставит христианской веры, то уже то самое обстоятельство, что твой сын не наказан, будет тебе некоторым утешением".

Так говорил Арахия, и все присутствовавшие согласились с его мнением. Не прочь был поступить так и Царь. Поэтому, призвав сына, он ему говорит: "Это уже последнее слово мое к тебе, сын мой! Если ты и в этом случае не слушаешься меня, и хотя теперь не угодишь мне, то я не стану тебя более щадить"

Когда же царевич спросил, что именно он хочет сказать ему царь ему отвечал: "Потрудившись над тобою столько времени вижу, что тебя нельзя ни заставить, ни убедить повиноваться моим словам. Теперь я решил отделить тебе часть государства, которою будешь править ты, и впредь можешь безнаказанно избрать себе какой угодно путь".

Святая душа юноши тотчас уразумела настоящую цель этого предложения. Но, тем не менее, он решил принять его, чтобы с развязанными руками вступить на желанный путь. В виду чего возразил отцу: "Я бы желал отыскать того божественного мужа, который указал мне путь спасения и, простившись со всем здешним, провести с ним остальную жизнь. Но так как ты, отец, не позволяешь мне в данном случае поступить по своему усмотрению, то я повинуюсь тебе. Ибо прекрасно повиноваться родителям в тех случаях, когда это повиновение не влечет за собою гибели и отчуждения от истинного Бога".

Услышав это, царь исполняется великой радости. Он делит все свое государство на две части; торжественно назначает сына царем второй из них; надевает на него корону и все другие царские украшения, и с блестящею свитою и телохранителями отправляет его в назначенную для него половину. Разным сатрапам, военачальникам, вельможам, правителям и всем желающим позволяет отправиться со своим сыном; большой, многолюдный город назначает он главным местопребыванием своего сына и царя, окружая его подобающим величием.

Блаженный Иоасаф, приняв царскую власть и прибывши в главный город, водружает на каждой городской башне крест, знамение Божественного страдания. Идолские же храмы и жертвенники он разрушает до основания, не желая оставить ничего, напоминающего о нечестии. Посреди города воздвигает большой и прекрасный храм Господу Иисусу Христу, в который велит народу приходить большими толпами и воздавать почитание Богу, чрез преклонение пред св. Крестом. Сам же он, стоя посредине храма, усердно молился. Всех, находящихся под его властью, всячески старался отвлечь от суеверного почитания идолов и обратить ко Христу, обличая обман идолопоклонства и возвещая учение Евангелия. Говорил о сошествии Слова Божия, о сотворенных Им чудесах, о спасительном для нас Его крестном страдании, воскресении и вознесении на небо; говорил также о страшном дне Его будущего второго пришествия, об уготованных благах для праведных и наказаниях для грешников. Все это он проповедывал дельно и кротко, желая достигнуть своего желания не столько силою предоставленной ему царской власти, сколько своим смирением и кротостью. Это-то смиренномудрие и удивительные дела и привлекали к нему сердца всех и явились могущественным помощником власти. Так что, по прошествии немногого времени, все подчиненное ему народонаселение городское и сельское, было просвещено светом божественных словес и отреклось от нечестия языческого, от многобожия, оставило жертвоприношения и возлияния идолам, приняло истинную, непреложную веру, обратилось ко Христу и было удостоено наследования царствия небесного.

Тогда все священнослужители, монашествующие и некоторые епископы, скрывавшиеся в пещерах, горах из страха пред его отцом,

выйдя из своих убежищ, с радостью поспешили к нему. Иоасаф, выйдя к ним на встречу, принял их, перенесших столько невзгод за Христа, радостно и почетно; ввел в свой дворец, где омывал их ноги, запыленные волосы и вообще всячески прислуживал им. После этого он устраивает у себя Церковь и назначает одного Епископа, мужа святого, много потерпевшего за веру Христову и лишенного своей епархии, сведущего в церковных делах и ревностного христианина, архиереем своего государства. Архиерей этот велит тотчас приготовить купели и крестить всех, обратившихся ко Христу. И крестятся сначала вельможи и правители, затем воинство, а потом и остальной народ. Крещенные получали не только духовное исцеление, но и оставление всех телесных болезней и увечий, и при выходе из св. купели наслаждались здоровьем, как духовным, так и телесным.

Поэтому, к царю Иоасафу стекалось отовсюду множество народа, желавшего просветиться учением благочестия. Все обожаемые доселе идолы закапывались в земле, богатства же, посвященные им, были употреблены на построение священных храмов Богу. На это царь Иоасаф отдал все деньги, дорогие одежды и всякого рода сокровища, принадлежавшие языческим храмам, употребив, таким образом, на полезное дело множество доселе бесполезных вещей.

Между тем, нечистые духи, находившиеся в языческих храмах и у жертвенников той страны, подверглись сильному гонению и громко вопили о постигшем их бедствии, а все царство Иоасафа освободилось от их господства и просветилось светом непреложной христианской веры. Конечно, много значимо то, что сам царь подавал всем хороший пример и во многих зажигал желание к подобному же образу мыслей и действий. Таково уже свойство власти: она всегда имеет подражание среди подчиненных, возбуждая среди них расположение или нерасположение к тому, чему, по их мнению, сочувствует или не сочувствует их власть. Царь же Иоасаф был всецело предан заповедям Христа, был олицетворенная любовь к Нему. Будучи кормчим многих душ, он прежде всего заботился о том, чтобы направить их к пристани Бога, сознавая, что обязанность царя прежде всего состоит в том, чтобы научить народ богобоязненности, богопочитанию и праведной жизни, что он и делал, приучая как самого себя властвовать над страстями, так и своих подчиненных, правя, как опытный кормчий, твердою рукою рулем благочестия; он понимал, что самое высокое

назначение истинного царства есть победа и властвование над страстями и склонностями к удовольствиям и увеселениям и стремился выполнить это назначение. Иоасаф не придавал никакого значения своему царскому происхождению и окружавшему его блеску, понимая, что все люди одинаково имеют своими родоначальниками таких же существ, сотворенных из глины, и что эта глина, совершенно одинакового качества и у бедных, и у богатых; его мысли были олицетворением смиренномудрия; он считал себя здесь только временным поселенцем, думая постоянно о будущем блаженстве и считая полною и прочною собственностью только то, что будет ему дано после сей временной жизни.

Когда он успешно окончил дело обращения, освободив всех своих подданных от искони веков господствовавшего над ними обмана, и сделал их служителями Христа, искупившего нас от ужасного рабства драгоценною Кровью Своею, тогда обращает все свое внимание на другой вид христианских обязанностей — на творение добрых дел: он видит непрочность земного богатства, его подобие течению речных вод, а поэтому и поспешил освободиться от него. Внимая словам Господа: *Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет, и где воры не подкопывают и не крадут* (Матф. 6, 20), стал он все свое имущество раздавать бедным и неимущим, не жалея ничего. Он руководился тою мыслию, что получивший большую власть должен посылно подражать Дарователю этой власти, а это подражание, по его мнению, должно особенно проявляться в милосердии. За даруемое им золото и драгоценные камни он собирал себе другое богатство, которое здесь радуется надеждою на будущее блаженство, там же дает возможность действительно наслаждаться тем, что было здесь предметом наших желаний. У него были выпущены из темницы заключенные в оковы, угнетаемые ростовщиками; он был отцем всех сирот, бедных и неимущих, отцем любящим и благим; подаяния были щедры, истинно царские. За них он надеялся получить мзду в день воздаяния по делам.

Обращение царя Авенира в христианство и просвещение всей страны.

Слава об Иоасафе распространилась скоро по всей вселенной; отовсюду к нему стекалось ежедневно множество народа, как бы побуждаемого запахом благовонного сока мирры, и все оставляли здесь свою духовную и телесную бедность. Не страх, не сила власти влекли сюда всех, но истинная сердечная любовь к нему, насажденная в сердцах народа Богом и его личными прекрасными делами. Мало-помалу большая часть подданных его отца примкнула к нему, выходя из мрака идолопоклонства, просвещаясь истинным Евангельским учением. Дом Иоасафа все возрастал и креп, дом же Авенира все слабел и уменьшался, как это было по писанию книги Царств с Давидом и Саулом. Видя все это, царь Авенир пришел, наконец, в сознание: понял бессилие и заблуждение в своих ложных богах. Снова созвав первых лиц своего совета, он высказывает им свои мысли. Когда все согласилось с ним (вняв непрестанным молитвам Своего раба Иоасафа, Спаситель просветил их благим Своим светом), царь решил сообщить о том же своему сыну письмом следующего содержания:

"Дражайший сын мой! Множество мыслей овладело мною и смущают мою душу. Видя, как все ежедневно отпадают от нашей веры; как она, подобно дыму, исчезает, твоя же вера возсиявает ярче солнца,— я пришел в сознание, что все, сказанное мне тобою, истинно, понял, что темное облако прегрешений и нечестия, окружавшее нас, не позволяло нам видеть света истины и познать истинного Творца всех и всего. Когда же ты предлагал нам этот лучезарный свет, то мы, закрыв глаза, не хотели принять его. Увы, мы жалкие! Истребили мы также не мало христиан, которые, подкрепляемые Всемогущею силою, до последнего дыхания не соглашались низойти до нашего нечестия. Теперь же, рассеявши немного окружавший нас мрак лжи, мы просветились хотя малою

искрою истины и раскаиваемся в совершенном нами зле. Но и эту малую искру света пытается затмить другого рода мрак, мрак ужасного отчаяния вследствие массы сотворенных мною зол, вследствие той мысли, что я слишком грешен для Христа, а потому и не буду принят Им, как Его враг и отступник. Что ты на все это скажешь, мое дорогое дитя? Возвести мне скорее об этом; научи меня, своего отца, что мне следует делать, направь меня на путь познания должного и истинно полезного"

Получив и прочитав вышеписанное, Иоасаф исполнился великой радости и вместе с тем удивления. Придя в свою горницу, он пал ниц пред изображением Спасителя, обливал землю слезами, прославляя и благодаря Господа; говоря: *"Буду превозносить Тебя, Боже мой, Царю (мой), и благословлять имя Твое во веки и веки. Велик Ты и достохвален, и величие Твое неизследимо (Пс. 144, 1). Кто может совершенно выразить могущество Твое и воздать достойную хвалу Тебе, превратившему камень в море воды, сухость — в источник вод. Воззри же, Господи! Это черствое и потверже камня сердце по Твоей воле смягчилось, как воск! Ибо Тебе возможно и из камней творить чад Авраамовых. Благодарю Тебя, человеколюбивый Господи, милостивый Боже, что Ты так долготерпелив к нашим грехам и доселе оставляешь нас безнаказанными; мы давно уже заслужили быть отверженными от лица Твоего и понести наказание в этой жизни; подобно незаконным жителям Пятиградия, уничтоженным божественным огнем, но Твое неподобное долготерпение помиловало нас. Благодарю и прославляю Тебя я, ничтожный и недостойный раб Твой, хотя я и не в силах воздать достойной хвалы и благодарения благодати Твоей. Умоляю неизмеримое Твое милосердие, Господи наш Иисусе Христе, Сыне и Слове невидимого Отца, сотворивший все единым Своим словом и сохраняющий все единою Своею волею, прости Свою невидимую и всемогущую руку и освободи окончательно раба Своего, отца моего, от ужасного плена во власти диавола и выкажи ему видимым знамением, что Ты Бог живой и истинный, Единый, вечный и бессмертный Царь! Воззри на мое сердечное сокрушение всемилостивым и благосклонным оком и, согласно с Твоим истинным обещанием, будь со мною, познавшим и исповедующим Тебя, как Творца и Промыслителя всякой твари. Утверди во мне источник животворящей воды Твоей, дай мне слово*

при раскрытии уст моих и утверди ум мой на Тебе, краеугольном камне, чтобы я, негодный раб Твой, мог возвестить родителю своему тайну Твоей власти и Твоею силою вывести его совершенно из неведения и власти злых духов, обратив к Тебе, Господу Богу моему, не желающему гибели даже грешника, но принимающему обращение и раскаяние, ибо Тебе подобает слава и хваление во веки веков. Аминь."

Помолившись так и получив некоторую уверенность в том, что достигнет желаемого, укрепившись мужеством свыше, он в сопровождении телохранителей отправляется к своему отцу. Когда Авениру было объявлено о прибытии сына, он тотчас отправляется ему на встречу, обнимает, целует его и устраивает в радость свидания всенародный праздник. Что же происходит вслед за тем? Кто может сказать, что и как мудро говорил сын отцу, когда они остались наедине? Что мог сказать он, как не внушаемое ему Духом Святым, Которым рыбаки покорили весь мир и, не зная даже грамоты, сделались мудрейшими из мудрых. Его-то дарами говорил Иоасаф царю, просвещая его светом истинного знания. Как мы видели, он и прежде старался вывести отца из области неведения. Но раньше ему недоставало частью слов, частью подтверждающих слова дел, частью достаточного внимания со стороны отца. Когда же Господь сжалился над немощью раба Своего Иоасафа и, вняв его молитвам, открыл запертые доселе врата сердца отца его, тогда тот легко понял смысл всего, что говорил ему сын, и сбылись слова Пророка: *Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их.* (Пс. 144, 19).

Таким образом, Иоасаф, милостью Христа, одержал полную победу над злыми духами, доселе господствовавшими над душою его отца; освободил его совершенно от их влияния, преподал ему ясно и понятно спасительное слово и обратил к живому небесному Богу. Сначала он ему говорил о тех великих чудесах, о которых тот не знал и не слышал ушами сердца и души; долго просвещал его в познании истинного Бога; выяснял, в чем состоит христианское благочестие; проповедывал, что нет иного Бога ни на небе, ни на земле, ни под землею, кроме Бога Единого, познаваемого в Отце и Сыне, и Святом Духе; объяснил ему много тайн для истинного Богопознания; говорил о мире видимом и невидимом, как Творец из ничего сотворил все и в

том числе, по образу и подобию Своему, человека, которому Он даровал свободную волю, дал ему пользоваться благами рая, повелев только не вкушать плодов того дерева, которое называется деревом познания добра и зла. Говорил также о том, как Бог за нарушение сей заповеди изгнал человека из рая, вследствие чего люди были лишены сообщества с Богом; весь род человеческий впал в заблуждение и обман, и стал причастным смерти по проискам диавола, который, со времени грехопадения людей, возымел над ними власть, заставил их совершенно забыть о Господе Боге и служить себе чрез гнусное идолопоклонство.

Затем Иоасаф рассказал отцу о том, как, сжалившись над нами, Господь Иисус Христос, с благоволения Отца и при содействии Св. Духа, соизволил спасти нас, воплотившись от Духа Святого и Девы Марии. Сошедши на землю и обращаясь среди страстей, не заражаясь ими, Он — Сын Божий, приняв крестное страдание и смерть, затем воскрес на третий день из мертвых, чем искупил грехи наши и возстановил прежде предопределенные людям славу и почести, удостоив жизни там, откуда Он временно сошел. Говорил также о втором пришествии Спасителя и Страшном Суде; о царствии небесном, ожидающем праведников, и несказанных его благах, а также о муках, предстоящих нечестивцам; о неугасаемом огне и внешней тьме; о черве, точащем их бесконечно, и прочих наказаниях, заслуженных рабами греха. Передав все это в немногих, но сильных и ясных словах, по благодати говорившего чрез него Св. Духа, Иоасаф потом стал говорить отцу о неизмеримой глубине человеколюбия Бога, Который всегда готов принять кающегося и обращающегося; о том, что нет греха, побеждающего Милосердие Божие, если только мы постараемся загладить его раскаянием. Подтвердив свои слова многими примерами и свидетельством Св. Писания, блаженный юноша закончил свою речь.

Пораженный мудростию Божественного учения, царь начал громким голосом горячо исповедывать Христа Спасителя. Освободившись совершенно от идолопочитания, Авенир стал публично чтить знамение Креста, во всеуслышанье объявляя Господа нашего Иисуса Христа истинным Богом. Поведав о своем собственном прошлом нечестии и осудив прежнее жестокое и кровавое преследование христиан, стал он всем своим существом на стороне благочестия. Таким образом,

сбылось на деле сказанное апостолом Павлом: "Где был избыток нечестия, там в обилии появится благочестие".

Когда же потом св. Иоасаф начал говорить о Боге и благочестии в отношении к Нему собравшимся полководцам, сатрапам и всему народу, огненными речами проповедуя все истинно благое и пристойное, тогда сошедший на слушающих Святой Дух заставил всех прославлять Бога, и вся толпа единогласно возглашала: "Нет другого Бога, кроме Господа нашего Иисуса Христа, прославляемого с Отцом и Святым Духом".

Исполнившись великого божественного рвения, царь Авенир сокрушает всех идолов, находившихся в его дворце и храмах; сделанных же из золота и серебра он велит перечеканить в монеты и раздать бедным, употребив, таким образом, с пользой доселе бесполезное. Разрушив до основания все языческие храмы и жертвенники, Авенир и Иоасаф усердно воздвигали на их место священные храмы Богу не только в том городе, но и во всей стране. Бесы же, обитавшие в языческих храмах и жертвенниках, с позором были изгоняемы и вопили о постигшем их бедствии, не будучи в состоянии противостоять всемогущей силе Божией. Большинство соседних народов также принимало благочестивую св. веру. Тогда упомянутый божественный епископ, наставив царя Авенира в догматах православной веры, крестил его во имя Отца и Сына, и Св. Духа, и Иоасаф был его восприемником от священной купели. Получив от отца телесное рождение, сын делается главным виновником духовного его возрождения. Царь же Авенир, возродившись водою и Духом Святым, исполнился невыразимой радости. Вслед за ним весь город и все его царство удостоилось святого Крещения. И сделались сынами света бывшие сыны мрака. Воздействия злого духа были изгнаны далеко за пределы той страны. Все были с тех пор там здоровы и телом, и душою. Свыше же были посланы чудеса и знамения, утвердившие еще более в вере новообращенных. Всюду в той стране строились храмы Божии: епископы, скрывавшиеся из страха гонения, выходили из своих убежищ и получали епархии, и много священнослужителей и монашествующих выходило пасти стадо Христово.

Кончина царя Авенира, оставление царства св. Иоасафом и удаление в пустыню.

Между тем, царь Авенир, раскаиваясь в прежнем образе жизни, передал всю свою царскую власть сыну, а сам же он, удалившись от дел, жил в одиночестве, в присутствии только вездесущего Бога; посыпав голову пеплом, сокрушался о совершенных им прегрешениях и с тяжелыми вздохами и горячими слезами испрашивал себе прощения за совершенные грехи. Он дошел до такого сокрушения и смирения, что даже не решался произнести своими устами имя Божие, и только по увещанию сына решался делать это. Изменившись настолько к лучшему, он вступил на истинный путь добродетели и так преуспел на нем, что степень его благочестия превзошла меру его прежних согрешений. Проведя четыре года такой жизни в раскаянии и слезах, он впал в болезнь, от которой и скончался. Когда приближалась последняя минута, Авенир начал бояться и тревожиться, вспоминая о совершенных им дурных делах. Но Иоасаф утешал его, говоря: *Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога. Страх и трепет нашел на меня, и ужас объял меня (Пс. 41, 6 и 54, 6). Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды. Тогда придите и разсудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, как снег убелю, если будут красны, как пурпур, как волну убелю (Ис. 1, 16).* Не бойся, отец, и не сомневайся! Прегрешения обращающихся к Богу не побеждают Его безпредельной благодати. Ибо первые измеримы и исчислимы, вторая же неизмерима и случаи ее неисчислимы, а конечное не может превзойти безконечное". Утешая такими словами отца, он утвердил его в надежде. Умирая, Авенир, простерши руки, благословил сына и благодарил его, прославляя тот день, в который он родился, называя его чадом милым, дорогим, чадом не своим, но чадом Отца Небесного.

"Как мне воздать тебе должную хвалу, должную признательность? Как мне поблагодарить за тебя достойным образом Бога? Я был погибшим и нашелся благодаря тебе; был врагом и отступником от Бога, а теперь умиротворен. Что я могу дать тебе за все это? Бог да воздаст тебе достойную мзду". Так он говорил и ласкал своего сына. Потом, произнеся слова молитвы: "Человеколюбивый Боже! Тебе отдаю душу мою",— испустил дух, скончавшись, таким образом, в раскаянии.

Иоасаф, пролив искренние слезы по отце, устроил почетное погребение его останкам, похоронив их на кладбище благочестивых; но он облек его не в царские одежды, а в одежду кающегося. Став у его гробницы, подняв руки к небу и проливая горячие слезы, он воскликнул: "Благодарю Тебя, Царю славы, Единый, всемогущий и бессмертный; благодарю Тебя, что Ты внял моей молитве и не презрел моих слез, но вывел Своего раба, отца моего, с пути беззакония и обратил к Себе, Спасителю всех. Освободив его от обмана и нечестия языческого, Ты удостоил его познать Тебя, истинного и человеколюбивого Бога. Теперь же, Господи Боже мой, имеющий неизследимую глубину благодати, помести его в месте покоя, в месте праведников, где сияет свет лица Твоего. Забудь о его прежних неправдах, разорви запись его грехов и заблуждений, а также примири с ним тех святых, которых он казнил огнем и мечем; устрой так, чтобы они не гневались на него. Ибо Тебе все возможно, Господу всех, кроме только одного — иметь милосердие к грешникам, не обратившимся к Тебе. Во всем же прочем милосердие Твое распространяется на всех, призывающих Тебя, Господи Иисусе Христе! Ибо Тебе подобает слава во веки веков. Аминь".

Так молился он в продолжение целых семи дней, не отходя от гробницы, не принимая ни пищи, ни питья, не думая о сне, но проводя все время в слезах и сокрушении. На восьмой же день, возвратясь во дворец, раздал все богатство и все деньги бедным, так что в той стране уже не было более ни одного нуждающегося. Совершив эту раздачу в несколько дней и истощив свои сокровищницы, (желая, чтобы громада богатства не мешала ему пройти чрез узкие врата, ведущие в царствие небесное), он, на 40-й день после смерти отца, совершая память ему, созывает всех сановников, воинство и прочих граждан и, заняв по обычаю место председательствующего, говорит во всеуслышание:

"Как вы видите, царь Авенир, мой отец, умер, как умирает и всякий бедняк. И ничто: ни богатство, ни царская слава, ни я, любящий сын, никто другой из его друзей или родственников не мог помочь ему и изъять из власти неизбежной судьбы. Он предстанет пред Всевышним Судьей, чтобы дать отчет о прожитой им земной жизни, не имея никого и ничего помощником или защитником, кроме совершенных им дел. Такова же участь всех нас, смертных; и избежать ее, или изменить что-нибудь в ней невозможно. Выслушайте же меня теперь, друзья и братья; народ Господень, наследники святой жизни, которых Христос искупил драгоценною кровью Своею и освободил от заблуждения и рабства врагу рода человеческого! Вы знаете мой образ жизни среди вас, знаете, что с тех пор, как я познал Христа и был удостоен сделаться служителем Его, я возненавидел все, возлюбив Его Единого, и для здешней жизни желал только одного: оставив мирскую суету и пустоту, жить в обществе Христа и служить Ему в безмятежном спокойствии. Но мне мешало исполнить это противодействие моего отца и заповедь, предписывающая почитать родителей. Но по милости Бога, при Его помощи, я не потратил напрасно этих дней, обратив и отца своего ко Христу, и вас всех научив познанию истинного Бога, Господа всех. Конечно, я сделал это не своими силами, но Его помощью, которая была со мною и освободила как меня от суеверия от служения злым духам и идолам, так и вас, народ мой, избавила от их тяжелого пленения. Теперь уже настало время исполнить обещанное Богу, исполнить тот обет, который я дал Ему. Изберите себе кого хотите в цари и руководители, так как вы уже достаточно подготовлены к исполнению воли Господа, и все Его заповеди известны вам. Преуспевайте в исполнении их, не уклоняясь ни направо, ни налево, и да будет мир Божий со всеми вами!"

Услышав это, народ пришел в ужасное смятение: все кричали и громко рыдали, оплакивая предстоящее свое сиротство. Потом к плачу присоединились взаимные клятвы—не выпускать его и силою помешать его удалению. Тогда Иоасаф дает рукою знак всем молчать. Он велит им перестать волноваться, прекратить плач и отправиться домой. С лицами, носившими следы слез, исполняют они это приказание. Между тем, сам призывает главного своего советника, мужа замечательного своим благочестием и святостью жизни, по имени Варахию, (о котором было уже упомянуто, когда рассказывалось

о том, как Нахор, выдав себя за Варлаама, состязался с философами, и Варахия явился один только к нему на помощь, желая с Божественным рвением состязаться с противниками веры). Оставшись с ним наедине, царь Иоасаф ласково и горячо просил его принять царство и со страхом Божиим править народом, когда он сам вступит на желанный путь. Но Варахия стал решительно отказываться, говоря: "Твой суд, царь, не праведен и не согласуется с заповедью. Наученный любить ближнего своего, как самого себя, как можешь ты желать, сбросив с себя тяжесть, возложить ее на меня. Если царствование — дело благое, то ты должен сам удерживать это благо; если же оно служит только соблазном для души, то зачем предлагать его мне, зачем обманывать меня"?

Когда царь услышал эти слова и понял, что они тверды, то прекратил беседу с ним. Поздней ночью он составляет к народу письмо, исполненное мудрости и свидетельствующее о великом благочестии писавшего. В нем он предписывает народу, как он должен относиться к Богу, как жить, чтобы угождать Ему, как славословить, как благодарить Его; затем завещает народу не избирать себе в цари никого другого, кроме Варахии. Оставив это письмо в своей спальне, он тайно от всех, никем не замеченный, вышел из дворца. Но не могло долго скрываться его отсутствие. С разсветом слух о исчезновении Иоасафа распространился по всему городу и произвел в народе большое смятение. Все ревностно отправляются на поиски, замышляя разными способами помешать его уходу. Их старания не остались бесплодными. Заняв все дороги, окружив все горы и неприступные пропасти, они находят его в одном овраге, простершим руки к небу и совершающим молитву шестого часа. Заливаясь слезами, они умоляют его возвратиться, укоряя за уход.

Иоасаф же им отвечал: "Напрасно вы трудитесь: не надейтесь более иметь меня своим царем". Уступая только их горячим и неотступным просьбам, он вернулся во дворец, но вскоре снова, собрав всех, объявляет им свое решение, подтверждая даже клятвою свои слова, что не останется с ними более ни одного дня. "Я,— говорит он,— исполнил свою обязанность в отношении к вам, не пропустил и не скрыл от вас ничего полезного, но все возвестил и всему научил вас, проповедуя всем веру в Господа нашего Иисуса Христа и указывая на путь спасения чрез раскаяние. Теперь же я вступлю на путь, которого

давно желал. Никто из вас не увидит более лица моего. Я, подобно Апостолу, говорю вам, что чист от крови всех вас. Ибо я ничего не скрыл, научая вас исполнять волю Божию".

Услышав это и видя всю твердость его слов, народ зарыдал, оплакивая свое сиротство, не будучи в состоянии уговорить его. Тогда бл. Иоасаф, указав народу на Варахию, сказал: "Его, братья, я выбираю для вас царем". И против его воли надевает на него царские одежды, корону и царский перстень. Став лицом к востоку, он начал молиться за царя Варахию, чтобы он сохранил чистою и непреложною веру Божию и неуклонно шел путем, указанным заповедями Христа; затем молился о его преемнике и о всем народе; просил у Господа помощи и спасения для них и исполнения всего, что они попросят, если только это будет для них полезно. После молитвы он говорит Варахии:

"Я, брат мой, поручаю тебе то, что поручал некогда Апостол: *Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе кровию Своею* (Деян. 20, 28). Как раньше меня ты познал Бога и с чистым сердцем служил Ему, так и теперь выкажи больше рвения, чтобы угодить Ему; так как ты удостоился от Бога большей власти, то с тебя будет и больше взыскано. Поэтому воздай твоему Благодетелю должную признательность, соблюдая Его святые заповеди и уклоняясь от всякого пути, ведущего к гибели. Подобно тому, как на корабле, если ошибется матрос, то он может принести плавающим самый незначительный вред, если же сам кормчий, то это может повести к гибели всего корабля; так, если согрешит подчиненный, то этим самым он вредит не столько общему благу, сколько самому себе; если же согрешит царь, то это отзовется на всем государстве. Следовательно, имея на себе такую ответственность, ты употреби всю свою волю, чтобы утвердиться во благе; возненавидь всякое удовольствие, влекущее к прегрешению. Апостол говорит: *Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14). Имея в уме своем круг человеческих действий и обязанностей, сопоставляя их различным образом в зависимости от обстоятельств, при их быстрой перемене сохраняй всегда неизменным свой благочестивый ум. Ибо изменяться самому с переменой обстоятельств свидетельствует о непрочности и ненадежности мыслей; ты же пребывай твердо и неотлучно во благе, не возгордись этою временною

славою, но с чистыми мыслями считай себя ничего не стоящим, жалким существом, думая о кратковременности сей жизни и быстроте ее течения. Помня это, не впадай в пропасть надменности, но бойся Бога, истинного Небесного Царя, и тогда ты достигнешь вечного блаженства. *Блажен всякий, боящийся Господа, ходящий путями Его* (Пс. 127, 1), и: *Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его* (Пс. 111, 1).

Прежде всего ты должен заботиться о соблюдении следующих заповедей: *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (Матф. 5, 7), и: *Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лук. 6, 36). Соблюдение сих заповедей особенно требуется от облеченных в высшую власть, потому что получивший таковую, при пользовании ею, естественно, должен по возможности подражать Дарователю ее. Это подражание Богу будет заключаться во мнении, что ничто не стоит выше милосердия. Ты должен оказывать всякого рода благодеяния нуждающимся, но они должны быть оказываемы единственно с целью — сделать доброе дело, исполнить заповедь Божию. Благодеяния же вынужденные или оказанные с честолюбивым намерением не есть добродетель в полном смысле слова, предписываемая нам заповедью. Поэтому ты твори благодеяния первого рода и для них будь доступен всякому, держа открытыми свои уши для всех неимущих, чтобы и ты мог надеяться, что со временем Господь и для тебя будет держать открытым Свой слух. Ибо, как мы слушаем, так и нас будут слушать, и как мы будем смотреть, так и на нас посмотрит Божественное и Всевидящее Око Господа. Мы должны подобным достигать подобного. Теперь выслушай другую заповедь: *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный. А если не будете прощать людям согрешений их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Матф. 6, 14). Посему, не злопамятствуй в отношении к согрешившим пред тобою, но, прося для себя оставления грехов, прощай их и провинившимся пред тобою. Ибо, за отпущение дается отпущение, и, прощая рабам, подобным нам, мы получаем оставление гнева Господня. И обратно: если мы не прощаем людям прегрешений их, то и нам не будут прощены грехи наши. Ты знаешь, что потерпел раб, который был должен 10 тысяч талантов за то, что не простил другому рабу того, что тот был ему должен. Поэтому мы должны остерегаться, чтобы также не потерпеть подобного; для сего

будем прощать должникам нашим, выбросим из сердца всякий гнев, чтобы и нам были оставлены многочисленные долги наши. Итак, прежде всего и во всем ты думай о благочестивом слове веры, которому ты был научен, и да не вырастут плевелы в сердце твоём, но сохрани чистым и невредимым Божественное семя, насажденное в нем, чтобы ты мог представить Господу богатый плод, когда Он придет потребовать у каждого отчет о его земных делах и воздать каждому по трудам его; когда праведные возсияют светлее солнца, грешники же будут осуждены на крайний мрак и вечный позор. *И ныне предаю вас, братья, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными (Деян. 20, 32)*".

Сказав это, он опустился на колени и снова со слезами помолился. Потом, прощаясь, он расцеловал Варахию, которого сделал царем, и всех других вельмож. Здесь происходит истинно достойное слез: все окружили его и чего только не говорили, выражая всю скорбь разлуки с ним? Глядя на них, можно было подумать, будто только в его обществе заключалась вся их жизнь; будто, разставшись с ним, они разстанутся с жизнью, со своею душою. Какой тут был избыток горя и слез! Они его обнимали, целовали, громко сетовали о постигшем их горе и несчастьи; называли его своим господином, отцем, спасителем, благодетелем, уверяя что благодаря ему они познали истинного Бога, освободились от заблуждения, перестали жить во зле. "Что будет с нами без тебя,— заключили они,— какое только зло не постигнет нас?" Говоря так, они били себя по груди, оплакивая свое горе. Иоасаф, прервав их громкое сетование словами утешения, обещал, что мысленно, духом своим он всегда будет с ними, хотя телом общения между ними более быть не может. После этого он на глазах всех оставляет дворец. Тогда все последовали за ним, желая помешать его уходу, и сопровождали на такое расстояние за город, что город исчез из их глаз. С трудом ему удалось уговорить их просьбами и укорами возвратиться домой. Возвращаясь, они постоянно оборачивались назад, смотря ему вслед, а некоторые из его особенно горячих приверженцев издали следовали за ним и далее. Только наступившая ночь разлучила их.

Между тем, св. Иоасаф с чувством человека, возвращающегося после долгого изгнания в свою родину, радостно удалялся из своего царства. Снаружи на нем было его обычное платье, под ним —

шерстяное рубище, подаренное ему Варлаамом. Встретив в эту ночь на своем пути хижину одного бедняка, он сбрасывает с себя верхнее платье и отдает ему его, употребив, таким образом, последнее свое имущество на милостыню. Найдя, благодаря собственным молитвам и молитвам благодетельствованных им бедных, в Боге могущественного помощника, приобретши Его милость и помощь как одежду спасения и веселия, он вступил в труды пустынножизни, не принимая ни пищи, ни питья и не употребляя никакой одежды, кроме упомянутого рубища; он был проникнут необыкновенною Божественною любовью к бессмертному Царю Иисусу; для Него он оставил и забыл все остальное; сила его любви к Господу была подобна огню; эта пламенная любовь ко Христу так изсушила душу и сердце его, что к нему вполне могли быть применены слова Пророка: *как олень желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу, крепкому, живому* (Пс. 41, 2—3), а также слова: *пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста; пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей* (Песн. Песн. 4, 9); и: *покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок, и лице твое приятно* (Песн. Песн. 2, 14). Такою невыразимою любовью ко Христу были воодушевлены Апостолы и мученики, которые презрели все видимое в сей временной жизни, подвергнувшись безчисленным родам казней и пыток, возлюбив нетленную красоту и думая о Божией любви к нам. Имея подобный огонь в своем сердце, прекрасный и благородный телом, но еще более благородный своею истинно царскою душою юноша питает ненависть ко всему земному, презирает всякие чувственные удовольствия; отказывается от всего—богатства, славы и почестей, оказываемых людьми, а также от царской короны и скипетра, считая все это ничтожнее паутиной ткани; посвящает себя многотрудной аскетической жизни, восклицая: *К Тебе прилеплась душа моя; десница Твоя поддерживает меня* (Пс. 62, 9). Удалившись безвозвратно в глубину пустыни, вдали от мирских сует и смут, он испытывает чувство, будто тяжкое бремя или тяжелые оковы спали с него. Тогда он возрадовался духом. Протягивая руки вперед, Иоасаф восклицал и обращался ко Христу, как к находящемуся с ним и слушающему его речи: "Да не увидит более мое око мирских благ, Господи!— говорил он.— Да не отвлекутся отсюда мои мысли

мирскою суетою. Но исполни мои глаза, Господи, духовных слез, направи в должную сторону стопы мои, укажи мне место подвигов раба Твоего Варлаама, виновника моего спасения, дабы я научился у него христианской твердости, чтобы по незнанию своему не поддавался злым уловкам врага нашего. Даруй мне, Господи, обрести путь, ведущий к Тебе, ибо изсякла душа моя в тоске и жажде по Тебе, источник спасения моего".

Такие мысли и чувства постоянно волновали его душу. Имея общение с Богом посредством молитвы и возвышенного созерцания, он напряженно продолжал свой путь, спеша найти то место, в котором подвизался Варлаам. Питался же он в течение этого времени растениями, которые находил в пустыне, не имея на себе ничего, как сказано было раньше, кроме собственного тела и покрывавшего его рубища.

Умеренную пищу, таким образом, он находил себе, хотя и не всегда; воды же лишен был вовсе, ибо та пустыня была особенно суха и безводна. Когда около полудня солнце пекло особенно сильно, Иоасаф, мучимый жаждою, все-таки продолжал идти далее по безводной пустыни, и тогда его мучения были особенно сильны, но страстное желание побеждало даже природу; та жажда, которую он чувствовал к Богу, подобно росе действовала на естественную жажду. Между тем, человеконенавистник диавол, не будучи в состоянии смотреть равнодушно на такую преданность и горячую любовь к Богу, всячески искушал юношу, возбуждая в нем, например, воспоминание о царской славе; об окружавших его блестящих телохранителях, родственниках, друзьях и сверстниках, о привязанности к нему всех и тому подобные приятные воспоминания. Затем диавол старался ставить всевозможные препоны его добродетели и всячески увеличить трудности и тяжести пустынноческой жизни; он старался сделать особенно чувствительными для него слабость его тела, непривычку к бедствиям, долготу времени, неполучение ниоткуда слова утешения и неизвестность последствий и конца такого труда. Лукавый возбуждал целые рои подобных мыслей в голове божественного юноши, стараясь смутить его, как это он делал, как говорят, и с великим подвижником Антонием. Когда же злой дух почувствовал себя немощным перед его силою воли (Сам Христос воодушевлял Своего воина, а потому, побуждаемый любовью к Нему, подкрепляемый надеждою и

окрыляемый верою, Иоасаф безследно отгонял от себя всякие козни диавола), то с позором удалился после первой же атаки, как это говорят. Потерпя неудачу, он прибегает к другого рода способу (у него приготовлено много средств для совершения зла): является блуждающему в пустыне юноше в виде разных призраков, пытаясь испугать его: то представлялся ему черным и, вытащив меч, нападал на него, угрожая его убить, если он не вернется назад, то принимал виды различных зверей, причем скрежетал зубами и ужасно ревел, глядя на него; являлся также и в виде дракона, аспида или василиска. Но мужественный подвижник безстрашно шел вперед, имея убежищем Самого Всевышнего. Смеясь над врагом, он говорил ему: "Ты не скрылся от меня, злой обманщик, стараясь внушить мне разные нечестивые чувства и мысли, ты с самого начала придумываешь всякого рода зло для рода человеческого и, будучи всегда злым, не перестаешь вредить. Но какой у тебя подходящий вид! Само то обстоятельство, что ты уподобляешься виду зверей и пресмыкающихся, свидетельствует о коварности, зверстве, зловредности твоего образа мыслей. Но зачем ты берешься за недостижимое, жалкий? С тех пор, как я узнал, что это есть замыслы и страшилища твоего злого ума, я нисколько не забочусь о тебе, ибо *Господь мне помощник: буду смотреть на врагов моих* (Пс. 117, 7) и: *На аспида и василиска наступлю; попираю буду льва и дракона, подкрепляемый Христом* (Пс.90,13)и *Да будут постыжены и жестоко поражены все враги мои, да возвратятся и постыдятся мгновенно* (Пс. 6, 11). Говоря так, он осенял себя знамением Христа — непобедимым оружием против всяких происков диавола. Тотчас же все звери и гады исчезали с быстротою исчезновения дыма, с быстротою таяния воска от близости огня. Отогнавший же силою Христовой шел дальше, восхваляя и благодаря Господа. Но в этой пустыне было много подлинных диких зверей и разного рода змей, с которыми он встречался, так что путь затруднялся нового рода препятствиями и опасностями. Но св. юноша своими духовными силами побеждал одинаково и то, и другое. При множестве таких разнообразных бедствий, спустя довольно долгое время, достиг он пустыни Сенаарской, в которой подвизался Варлаам. Здесь он нашел воду и утолил жгучую жажду.

Свидание и жизнь Иоасафа с преподобным Варлаамом.

Целых два года скитался Иоасаф по пустыне, разыскивая Варлаама и не находя его; за все это время он выказывал замечательную твердость в вере в Бога и мужество души. Проводя все время на воздухе под открытым небом, он много терпел от холода и зноя, ища, как какое-нибудь драгоценнейшее сокровище, достойного старца. В течение своего пути ему пришлось выдержать множество искушений и напастей от диавола; затем приходилось терпеть от недостатка тех растений, которые он употреблял в пищу, ибо та сухая пустыня даже их скудно производила. Но железная воля души, сгоравшей от любви к Господу, переносила все эти бедствия, легче, чем другие переносят удовольствия. Св. душа Иоасафа не ошиблась, надеясь на помощь Свыше. Благодаря своим необыкновенным трудам и обильным слезам, он сподоблялся получать от Христа утешения во сне и наяву.

По прошествии двух лет, Иоасаф все еще продолжал всюду ходить, разыскивая старца. Проливая слезы рекою, он молил Бога помочь ему в этом: "Укажи мне, Господи,— восклицал он,— укажи мне местопребывание виновника моего познания Тебя! Не лиши меня этого блаженства за многочисленность моих прегрешений, но удостой увидеть его и вместе с ним вести подвижническую борьбу". Наконец, по милости Божией, он находит пещеру по тропе, образованной ходящими туда монахами и видит в ней одного пустытника. Приветствовав его дружески, он спрашивает его, как найти ему Варлаама, причем рассказывает о всем, с ним случившемся, и о состоянии своей души. Узнав от него желаемое, Иоасаф с возможною быстротою отправляется по указанному направлению, подобно опытному охотнику, идущему по следам преследуемой дичи. Замечая приметы пути, сказанные ему тем старцем, он радостно шел вперед, воодушевляемый надеждою, с чувством отрока, надеющегося после долгой разлуки увидеть отца, но любовь подвижника имела Божественное начало, а потому была гораздо сильнее и горячее

чувства такого отрока. Дойдя до пещеры, он остановился у ее двери и, постучав в нее, произнес: "Благослови, отче, благослови!"

Услышав эти слова, Варлаам вышел из пещеры и по откровению свыше узнал, кто был пришедший, так как по внешнему виду он не мог узнать его, настолько Иоасаф переменился во внешности с тех пор, как он видел его цветущим молодостью. Теперь он был совсем черный от солнечного зноя, зарос волосами, со впалыми щеками и глазами, с воспаленными от постоянных слез веками и вообще вся его внешность носила признаки чрезвычайных бедствий и лишений. Узнал и Иоасаф своего духовного отца преимущественно по сохранившемуся выражению глаз. Старец, обратившись к востоку, вознес благодарственную молитву Богу, по окончании которой они произнесли "аминь", и бросились в объятия, крепко сжимая друг друга, как бы желая этими объятиями вознаградить себя за долговременную разлуку, удовлетворить испытанное продолжительным временем чувство любви. Наконец, насытившись несколько взаимным общением, они сели и начали говорить. Первый заговорил Варлаам:

— Прекрасный путь ты себе избрал, возлюбленный сын мой, дитя Божие, наследник царствия небесного, чрез Господа нашего Иисуса Христа, Которого ты возлюбил праведно больше всего временного и тленного, продав, подобно опытному и мудрому купцу все, чтобы купить тот безценный перл. Узнав, что это нетленное сокровище заключается на поле заповедей Божиих, ты все отдал, ничего не пощадил из всего скоропреходящего, чтобы купить себе означенное поле. Да даст тебе Господь вечное благо, вместо временного, нетленное — вместо тленного и стареющегося. Скажи же мне, излюбленный, как ты пришел сюда? Познал ли твой отец истинного Бога или доселе находится в прежнем заблуждении, в плену у злых духов?

Иоасаф рассказал ему подробно по порядку все происшедшее по уходе Варлаама до их вторичного свидания, и как Господь направил всех на благий истинный путь. Старец же слушал его с радостью и удивлением, когда же он умолк, воскликнул, радостно рыдая: "Слава Тебе, Боже наш. Ты всегда помогаешь любящим Тебя и находишься среди них! Слава Тебе, Христе, Царю всех, Всеблагий Боже, что Ты не

презрел семени, насажденного мною в сердце раба Твоего Иоасафа, но дал принести стократные плоды, достойные Тебя, Возделывателя и Господина наших душ. Слава Тебе, Утешителю, Душе Святой, что Ты удостоил сего раба Своего получить те дары, которые Ты даровал святым Апостолам и чрез него освободил множество людей от грубого нечестия и заблуждения, просветив истинным Богопознанием". Тогда они оба прославили Бога. При дальнейшей их беседе, просвещаемой благодатию Божию, настал вечер и они, встав; закончили день обычными молитвами. Только после этого они вспомнили о пище, и Варлаам приносит роскошные кушанья, исполненные чудной приправы, но менее всего пригодные для чувственного услаждения плоти, то были: сырые овощи, обрабатываемые самим старцем, немного пальмовых плодов растущих в той же пустыне, и дикие растения. Поблагодарив Господа, они вкусили предложенного и запили водою из текущего вблизи источника, после чего снова поблагодарили Бога, насыщающего всякую тварь.

Затем, вставши и прочитавши вечерние молитвы, опять принялись за духовную, спасительную беседу, исполненную божественной мудрости, в которой провели всю ночь, пока наступившее утро не заставило их вспомнить о молитве. Иоасаф прожил с Варлаамом довольно долгое время, ведя образ жизни, превышающий человеческие силы. И дивное дело, с каким послушанием и смирением относился он к своему духовному отцу и наставнику, всячески упражняясь в добродетели и борьбе с злыми духами!

Вследствие этого он совершенно умертвил в себе всякие страсти и похоти и подчинил плоть духу, как раба господину; забыв о всяких удобствах и отдохновении; он властвовал над сном, как над дурным рабом. Словом, он так успел на пути подвижничества, что ему дивился сам Варлаам, прошедший много лет в такой жизни и уступавший ему теперь в твердости. Бывший царь употреблял пищи по стольку, чтобы только поддержать жизнь, и то ради того, чтобы не умертвить себя насильно, а чрез то не быть лишенным награды за свои доблестные подвиги. Таким образом, он пересилил самую свою природу, приучив ее к постоянному бодрствованию, подобно безтелесному и безплотному. Все время проводил в молитве и духовном созерцании, так что, со времени его жизни в пустыне, не было ни одного мгновения, которое бы он не употребил на духовную деятельность.

Это и есть свойство истинного монашества — не быть ленивыми в духовном делании. Сие небесное светило с самого начала до конца оставалось неугасаемым и неутомимым в своем святом, горячем рвении, возвышая постоянно свою душу и сердце новым потоком любви и усердия, пока не достигло исполнения своей надежды — желанного блаженства.

Варлаам и Иоасаф, живя постоянно, во взаимном общении, ревностном состязании в подвижничестве, вне всякой жизненной заботы, всякого жизненного волнения, во многих трудах для приобретения истинного благочестия,— жили в невозмутимом спокойствии душевных чувств и мыслей. Однажды старец призывает своего духовного сына, которого он возродил чрез Св. Евангелие, и завязывает с ним беседу: "Давно бы следовало тебе, Иоасаф, жить в этой пустыне. По моей молитве, Христос обещал мне, что я увижу тебя пред моею кончиною. Итак, я вижу оторванным тебя от мира и всего мирского, привязавшимся ко Христу неразрывными узами твоей души и навывшим в исполнении воли Его. Теперь же, когда время моей смерти стоит перед дверьми, то когда осуществится воспитанное во мне с детства стремление умереть и быть со Христом, ты предай мое тело земле, отдай прах праху. Сам же оставайся на этом месте, преуспевая в духовной деятельности и вспоминая о моем ничтожестве. Я боюсь, чтобы черная толпа злых духов не стала на пути моей душе за мои многочисленные заблуждения. Ты же, дитя, не уменьшай рвения в многотрудном своем подвижничестве, не утрачиси продолжительности времени, не поддавайся козням диавола, но безбоязненно насмехайся над его безсилием, подкрепляемый могуществом Христа. При мысли же о трудностях или о продолжительности времени, ты ожидай разрешения от них каждый день, относясь к своему подвигу так, как будто он начался и должен кончиться, в данный день. Св. Апостол говорит: *Братия, я не почитаю себя достигшим, а только забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе* (Филип. 3, 13-14). *Посему мы не унываем, но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно* (2 Коринф. 4, 16

—18). Имея такие мысли, возлюбленное дитя, мужайся и крепись! Усердствуй, как старается хороший воин, чтобы угодить военачальнику. Хотя диавол будет внушать тебе всякие мысли о нерадении и насмехаться над твоим рвением, ты не бойся его происков, имея в мыслях повеление Божие: *Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир* (Иоан. 16, 33). Благодарите Господа всячески, что Он изъясил и удалил тебя от мира и поместил, как бы на виду у Себя; Сам, призвавший тебя святым призванием, находится постоянно вблизи тебя. Св. Апостол говорит: *Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом* (Филип. 4, 6). Сам Господь сказал: *Не отступлю от тебя и не оставлю тебя* (Иис. Нав. 1; 5). Имея в мыслях слово Божие при своих трудах против нерадения, радуйся, помня о Господе нашем. *Вспомнил я о Боге и возрадовался* (Пс. 76, 4). Когда же противник захочет употребить другой способ, внушая тебе гордые помышления за все, совершенное тобою, указывая на славу царства, которую ты оставил, и прочее мирское, то ты выставляй против него, как щит, следующие спасительные слова: *Так и вы, когда исполните все, повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лук. 17, 10). Да и кто из нас может отдать весь тот долг, который мы должны уплатить Господу! За нас Он, будучи богат, стал нищим, дабы мы могли обогатиться, благодаря этой Его бедности; будучи чужд всяких страданий,— Он пострадал; чтобы нас освободить от страданий.

Какое счастье терпеть рабу подобное тому, что терпел господин! Мы же, кроме того, несем гораздо меньше Его. Помни следующее: *и всякое произношение, встающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу* (2 Кор. 10, 5). И мир Божий, непостижимый нашим умом, будет охранять сердце и помышления твои во Христе Иисусе.

Когда Варлаам умолк, слезы ручьем полились из глаз Иоасафа; текли они, как из многоводного источника, орошая его самого и землю, на которой он сидел. Горюя о предстоящей разлуке, он совершенно искренно желал сопутствовать Варлааму в этом удалении из сей жизни и более не пользоваться ею без него. "Отчего ты, отец,— сказал он,— думаешь только о себе, а не думаешь о своем ближнем? Неужели ты

исполняешь заповедь о совершенной любви, гласящую: *Возлюби ближнего своего, как самого себя* (Левит 19, 18), если, погружая меня в скорбь и сокрушение сам, отправляешься на отдохновение для того только, чтобы раньше пользоваться наградами за подвижничество; чтобы видеть многообразные нападения врагов, оставив меня на единоборство с ними? Какая цель этого, как не та, чтобы бросить меня на произвол их злодеяний, следствием коих будет моя душевная вечная смерть, как это бывает с неопытными, трусливыми единоборцами. Поэтому умоляю тебя, попроси Господа, чтобы Он и меня взял с тобою из сей жизни. Умоляю тебя именем той надежды, которую ты имеешь на награду за свои труды: попроси за меня Бога, чтобы я, после твоего удаления из настоящей жизни, ни одного дня не пользовался ею и не блуждал в море этой пустыни.

Так возражал со слезами Иоасаф, старец же кротко, снисходительно прервал его, говоря: "Мы не можем, дитя, противиться решению Божию. Я много молился о том, чтобы мы не были разлучены друг от друга, и был наставлен Его благодатью, что для тебя теперь не полезно сложить с себя бремя плоти, а нужно продолжать подвизаться, пока ты не стяжешь себе более блестящего венца, ибо ты еще недостаточно подвизался для уготовленной тебе мзды, и тебе еще следует немного потрудиться, чтобы совершенно быть готовым к наслаждению Божию радостью. Мне около ста лет; из них 75 лет я провел в этой пустыне. Хотя время твоего подвижничества и не продолжится столько, но все-таки оно должно хоть сколько-нибудь приблизиться к этому числу, так велит Господь, чтобы ты в этом отношении был равен другим подвижникам, понесшим тяжесть здешней жизни, здешнего зноя. Потому прими охотно решенное Богом, ибо кто из людей может уничтожить то, что Он решил? Крепни, охраняемый Его милостью, будь всегда на стороже против вражеских помыслов и храни чистоту своего ума, как безценное сокровище. Готовь себя со дня на день на более высокую деятельность и созерцание, чтобы на тебе исполнилось обещанное Спасителем последователям Его: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим* (Иоан. 14, 23).

Так говорил старец и говорил еще много другого, достойного его святой, благодатной души, утешая огорченного Иоасафа. Затем он его посылает к некоторым братьям, жившим на большом расстоянии от

них, чтобы он принес нужное для совершения Божественной Литургии. Снарядившись в путь, Иоасаф поспешно исполняет повеление: он боялся, чтобы в его отсутствии Варлаам не отдал должного природе — не отдал бы души Господу, боялся, не потерпеть бы наказания, если не будет слышать его слов, исходных воззваний, молитв и славословий. Когда он мужественно совершил этот путь и принес требуемое, св. Варлаам приносит Безкровную Жертву Богу и, приняв сам, преподает и Иоасафу Пречистых Таин Тела и Крови Христовых, в духовной радости. По вкушении своей обычной пищи, он начал снова питать душу Иоасафа душеполезными речами, говоря ему:

"Нас более не будет соединять в этой жизни очаг и трапеза, ибо я уже вступаю на конечный путь моих отцев. Ты должен доказать свою любовь ко мне исполнением заповедей Божиих и твердостью пребывания на этом месте до самого конца дней своих, подвизаясь, как ты был научен, и помня всю свою жизнь о моей бедной душе. Радуйся же и ликуй во Христе, что променял временное земное на вечное небесное, что приближается награда за дела твои. Мздовоздатель же уже здесь и придет посмотреть на виноградник, который ты возделал, чтобы воздать тебе богатую мзду за твои труды: *Верно слово: если мы с Ним умерли, то и с Ним и оживем. Если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тимоф. 2, 11—12), царствовать вечно в нетленном царстве, озаряемые неприступным светом, удостоиваемые созерцания Блаженной и Живоначальной Троицы.

Подобным образом Варлаам беседовал с Иоасафом до вечера и в продолжение целой ночи, причем Иоасаф, не перенося мысли о разлуке, заливался неудержимыми слезами. Когда же начало светать, св. Варлаам прекратил беседу и, простерши руки и возведши очи к небесам, воздавая благодарность Богу, воскликнул: "Господи Боже мой, Вездесущий и все исполняющий! Благодарю Тебя, что Ты воззрел на мое ничтожество и дал мне окончить здесь дни мои в православном исповедании Тебя и на пути исполнения заповедей Твоих. Теперь же, Всеблагий и Всемилосердый Господи, прими меня в истинную Твою Обитель и не помяни моих прегрешений, вольных и невольных. Сохрани также сего верного раба Твоего, пред которым я, негодный раб Твой, предстал по Твоему желанию. Соблуди его от всякой мирской суеты, от злых умыслов врага нашего, соделай его выше

всяких лукавых козней, которые он открывает под видом добра для всех желающих спасения. Уничтожь, Всемогущий, всю силу обманщика — дьявола пред лицом раба Твоего Иоасафа. Даруй ему власть попереть ногами главу гибельного сего убийцы, врага душ наших. Ниспошли с высоты небес на него Духа Твоего Святого и укрепи против невидимых вражьих сил, дабы он удостоился принять от Тебя венец победы и в нем было прославлено имя Твое — имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Ибо Тебе подобает слава и хваление во веки веков. Аминь".

Успение Преподобного Варлаама.

После молитвы, отечески обняв и поцеловав Иоасафа, осенив себя крестным знамением, Варлаам исполнился великой радости, как будто бы увидел возвратившихся каких-нибудь своих друзей, и отошел в вечное блаженство. Так скончался он, исполненный многих лет, удостоенный даров Святого Духа. Св. Иоасаф, несказанно, со страхом Божиим, погоревав над своим духовным отцем, омыв его тело слезами и обернув в то шерстяное рубище, которое дал ему во дворце, в течение целого дня и ночи читал положенные для этого случая псалмы, орошая вместе с тем слезами драгоценное тело блаженного. Когда же наступил день, достойный сын, вырыв вблизи пещеры могилу, осторожно перенес и положил туда священные останки Варлаама. После чего с воспламененною душою начал усердно молиться Богу:

"Услышь, Господи, голос мой, которым я взываю; помилуй мя и вземли мне. Сердце мое говорит от Тебя: "ищите лица Моего", и я буду искать лица Твоего, Господи. Не скрой от меня лица Твоего; не отринь во гневе раба Твоего. Ты был помощником моим; не отвергни меня и не оставь меня, Боже, Спаситель мой! Ибо отец мой и мать моя оставили меня; но Господь примет меня. Научи меня, Господи, пути Твоему и наставь меня на стезю правды, ради врагов моих. На Тебя оставлен я от утробы; от чрева матери моей Ты Бог мой. Не удаляйся от меня; ибо скорбь близка, а помощника нет (Пс. 26, 7—11; 21, 12). На океан милосердия Твоего возложил я надежду свою. Управи душу мою, направляющий мудрым Промыслом Своим всякую тварь. Укажи мне путь, которым я должен идти, и спаси меня молитвами и мольбами раба Твоего Варлаама. Ибо Ты Бог мой, и Тебя я прославляю Отца и Сына и Святого Духа во веки веков. Аминь".

Помолившись, рыдая, сел он возле могилы и сидя заснул. И видит, что снова приходят те страшные мужи, которых он видел некогда, уводят его на ту большую, чудесную равнину и вводят в тот же

славный, блестящий город. Когда они входили в ворота, то им навстречу шли другие мужи, сияющие светом, держа в руках венцы несказанной красоты, венцы, каких глаза смертных никогда не видали. Когда Иоасаф спросил, чьи столь блестящие венцы славы, они отвечали: "Один из них предназначен тебе за многие спасенные тобою души, он уготован и украшен за ту подвижническую жизнь, которую ты теперь ведешь, и получишь этот венец, если выдержишь ее до конца. Другой венец тоже предназначен тебе, но ты должен будешь его отдать своему отцу, который, благодаря тебе, оставил тот дурной путь, по которому он шел и с искренним раскаянием обратился к Господу".

Тогда Иоасаф, по-видимому, недовольный слышанным, говорит: "Как же может быть, чтобы я, потрудившись столько, получил те же дары, какие мой отец получает за одно только раскаяние!" Как только он это сказал, ему тотчас показалось, что он видит Варлаама, который укоризненно говорит ему: "Вот, Иоасаф, сбылось сказанное мною тебе когда-то: что когда ты будешь богат, то не будешь щедр, и ты еще тогда недоумевал, слушая меня. А теперь как ты недоволен, когда услышал, что твой отец получит равные с тобою почести, а не возрадовался духом, что услышаны многие твои молитвы о нем". Тогда Иоасаф сказал ему: "Прости, отче, прости! Но скажи мне, где ты сам обитаешь?"

Варлаам же ему отвечает: "В этом большом, прекрасном городе мне предстоит жить на самой главной улице, озаряемой неизреченным светом". Иоасаф начал его просить быть столь благосклонным, повести его в самое жилище. Но Варлаам ему говорит: "Еще не время тебе, облеченному в это телесное бремя, идти в наши жилища. Но если ты будешь тверд и мужествен, как я тебе заповедал, то немного спустя, будешь здесь и удостоишься получить такую же обитель, получишь в удел такую же радость и славу и станешь жить со мною вечно". Пробудившись, Иоасаф был еще в душе полон виденного света и несказанной радости. Тогда он восторженно воспел Господу благодарственный гимн.

После смерти Варлаама Иоасаф до конца жизни вел истинно ангельский образ жизни, проводя еще более строгую аскетическую жизнь, чем при старце. На двадцать пятом году от роду он оставил

свое земное царство, чтобы вступить на путь монашеского подвига; тридцать пять лет провел в пустыне, ведя жизнь, подобно безтелесным, превышающую обыкновенную способность природы человеческой. Сначала Иоасаф исторг многие души из власти душегубца-дьявола, и потому в этом отношении его можно назвать равноапостольным; затем он стал добровольно мучеником: открыто исповедывал Христа пред царями и тиранами и вместе был горячим проповедником Его величия; и с другой стороны, он преодолел в пустыне много злых духов и, сокрушив их могуществом Христа, обрел высшие дары и милости. Его душевные очи не были помрачены ничем земным, настоящему он предпочитал будущее. Христос был для него всем: он стремился Христа видеть всегда пред собою, как бы живущего на земле, видимого, красоту Которого постоянно зрел пред собою, как бы в зеркале, подобно Пророку, говорящему: *Всегда видел я пред собою Господа* (Пс. 15, 8); *ибо Он одесную меня; не поколеблюсь; и К Тебе прилеплась душа моя, десница Твоя поддерживает меня* (Пс. 62, 9). Душа его воистину прилепилась к Богу, соединившись с Ним неразрывными узами. Он не охладел в своей удивительной деятельности, не изменял правилам своего поведения, сохранив с самого начала до конца одинаковое рвение и усердие—с юных лет до позднего возраста. Он скорее с каждым днем все более и более преуспевал, возвышался в добродетели, удостоиваемый постоянно более чистого, истинного познания.

Успение Преподобного Иоасафа.

Заслужив вполне своим подвижничеством носимое им звание, распяв мир для себя и себя для мира, он мирно переселяется к всегда желанному возлюбленному Господу, является пред лице Его, украшается уготованным для него венцом славы и удостоивается лицезреть Христа, быть с Ним и услаждаться всегда красотой Его. Отдав в руки Господа душу свою, он перешел в страну живых, где раздаются звуки празднующих, где жилище радующихся и веселящихся. В час его смерти подвизавшийся недалеко от него святой пустынный, тот самый, который указал ему раньше путь к Варлааму, по откровению божественному, является к нему в самый момент его смерти. Почтив тело его священными песнями, пролил над ним слезы и, совершив над телом установленные христианские обряды, он положил своего товарища по любви и стремлению в гробницу отца его Варлаама, чтобы и тела тех почивали вместе, душам которых предстояло соединиться на веки. Между тем, отшельник, похоронивший тело Иоасафа, склоненный твердым настоянием одного подвижника, имевшего видение, отправляется в страну Индусов к царю Варахии и сообщает ему подробно о Варлааме и блаженном Иоасафе. Варахия немедленно отправляется в пустыню сам с отрядом войска, предстает пред пещерою подвижников и осматривает их могилу. Пролив над нею искренние, горячие слезы, он вскрывает ее и видит Варлаама и Иоасафа с несколько неповрежденными членами и неизменившимися лицами,— все у них осталось целым и невредимым: и платье, и все части тела. Поэтому Варахия велит положить эти священные, издающие приятное благовоние тела, в почетные гробницы и перенести в свое отечество. Когда народ узнал о случившемся, то в безчисленном множестве стекался из всех городов и окрестностей, чтобы посмотреть и поклониться мощам блаженных. Пропев над ними в честь их составленные священные песнопения, окруживши зажженными лампадами, их поместили в церкви, воздвигнутой Иоасафом. Много чудес и исцелений совершил Господь

через Своих святых рабов как при этом перенесении, так и в последующие времена. Весь народ и царь видели эти чудеса, силу сих мощей. Многие соседние народы, погруженные в мрак неведения и неверия, уверовали, видя происходившие тут знамения. Все же видевшие и слышавшие об ангелоподобной жизни Иоасафа, о его пламенной любви к Богу, дивились ему, прославляя единогласно Бога, помогающего всегда любящим Его и награждающего их величайшими дарами.

Здесь конец того, что я слышал от передавших мне правдиво достойных мужей. Да удостоитесь и вы, читатели и слушатели, участи угодивших Богу своими молитвами и прошениями блаженных Иоасафа и Варлаама, о которых был сей рассказ, блаженных во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому подобает слава, хваление и величание с Отцем и Св. Духом и ныне, и присно, и во веки веков.

Аминь.

Примечания

1

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, с. 125—135; Кирпичников А. И. Греческие романы в новой литературе: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков, 1876; Веселовский А. Н. 1) Византийские повести и Варлаам и Иоасаф. — ЖМНП, 1877, июль, с. 122—154; 2) О славянских редакциях одного аполога Варлаама и Иоасафа. — Зап. имп. АН, 1879, т. 34, с. 63—66 (см. также: СОРЯС, 1879, т. 20, № 3, с. 1—8); Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1881, т. 2, с. 126—127; Новаковић С. Варлаам и Иоасаф: Прилог к познавану упоредне литерарне и хришћианске беллетристике у срба, бугара и руса. У Београду, 1881; Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881, кн. 3, с. 64—66, 561—564, 689; кн. 4, с. 534, 738—748; Франко І. Варлаам і Йоасаф, старохришћиянський духовний роман и его літературна історія. — ЗНТШ, 1895, т. 8, с. 1—28; Доп., с. I—XVI; 1896, т. 10, с. 29—80; 1897, т. 18, с. 81—134; т. 20, с. 135—202; Шляпкин И. А. Царевна Наталия Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898 (ПДП, № 128); Успенский В., Писарев С. Лицевое житие преподобного Иоасафа царевича индийского. СПб., 1908; Кадлубовский А. П. К истории русских духовных стихов о преподобных Варлааме и Иоасафе. — РФВ, 1915, т. 29, № 2, с. 224—248; Попов Н. П. Афанасиевский извод Повести о Варлааме и Иоасафе. — ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 189—230; Абрамович Д. И. Повесть о Варлааме и Иоасафе в Четьих Минеях Димитрия Ростовского. — В кн.: Юбилейна збірка М. С. Грушевському. Київ, 1928, с. 729—743; Piskorski S. Zywoť Barlaama i Jozafata. Wyd. i wstepem poprzedzil J. Janow. Lwow, 1935, s. V—CCVIII; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, с. 69—77; Адрианова-Перетц, Покровская. Древнерусская повесть, с. 51—74; История русской литературы. М.; Л., 1941, т. 1, с. 162—167; Назаревский. Библиография, с. 61—85; Творогов О. В. Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей

Пушкинского дома. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 380—383; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 154—163; Кузнецов Б. И. Повесть о Варлааме и Иоасафе: (К вопросу о происхождении). — ТОДРЛ, 1979, т. 33, с. 248—245; Лебедева И. Н. 1) О древнерусском переводе Повести о Варлааме и Иоасафе. — ТОДРЛ, 1979, т. 33, с. 246—252; 2) К истории древнерусского Пролога: Повесть о Варлааме и Иоасафе в составе Пролога. — ТОДРЛ, 1983, т. 37, с. 41—53; 3) Афанасиевский извод и лицевые списки Повести о Варлааме и Иоасафе. — ТОДРЛ, 1984, т. 38, с. 39—53; Итигина Л. А. Редакторская работа Симеона Полоцкого над изданием «Повести о Варлааме и Иоасафе». — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 259—265; Сидорова Л. П. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в издании Симеона Полоцкого. — В кн.: Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982, с. 134—151.

2

Изд.: Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама пустынника и Иоасафа царевича Индийского. СПб., 1887 (ОЛДП, № 88); ВМЧ, ноябрь, дни 16—22. М., 1914, стб. 2704—2891; Повесть о Варлааме и Иоасафе / Подг. текста, пер. и ком. И. Н. Лебедевой. — В кн.: ПЛДР, XII век. М., 1980, с. 196—225, 653—654; Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / Подг. текста, иссл. и ком. И. Н. Лебедевой. Л., 1984.

Content

Повесть о Варлааме и Иоасафе

Предисловие

Душеполезная повесть о жизни Варлаама и Иоасафа, принесенная из страны внутреннейшей Эфиопии, называемой Индию, во Святый Град (т.е. Иерусалим) Иоанном Дамаскиным — мужем честным и добродетельным, иноком монастыря св. Саввы

Удивительный святой подвиг знатного человека.

Рождение св. Иоасафа.

Мученическая кончина св. Отцев.

Стремление царевича Иоасафа к познанию истинного Бога.

Повествование о св. Варлааме и свидании его с царевичем Иоасафом. Начало его св. учения.

Учение о будущем страшном пришествии Христа.

Учение о непостижимой мудрости всемогущаго Бога, о Его славе, могуществе и величии.

Учение о догматах веры.

Св. крещение Иоасафа, последние наставления, прощание и удаление св. Варлаама в пустыню.

Розыски св. Варлаама и мученическая кончина других божественных отцов.

Увещания и хитрые способы Авенира отклонить от христианства сына и мудрые беседы Иоасафа с отцом.

Публичная речь Нахора, говорившего по внушению Св. Духа, в которой выставляется заблуждение идолопоклонников и возвещается христианская истинная вера.

Борьба Иоасафа с волшебником Февдою и его сатанинскими кознями, и вразумительное дивное видение.

Беседа мудрого Иоасафа с Февдою, его обличение и победа над идолами.

Обращение царя Авенира в христианство и просвещение всей страны.

Кончина царя Авенира, оставление царства св. Иоасафом и удаление в пустыню.

Свидание и жизнь Иоасафа с преподобным Варлаамом.

Успение Преподобного Варлаама.

Успение Преподобного Иоасафа.
Примечания

καὶ οἱ ἄλλοι
τοῦ μὲν ἄνθρωπου παρὰ γένε

καὶ ἄλλοι ἀφ' ἑαυτοῦ
καὶ ἄλλοι ἀφ' ἑαυτοῦ